

**Узбекистонда
ИЖТИМОЙ
Фанлар**

**9
1975**

О **БЩЕСТВЕННЫЕ
науки
в Узбекистане**

О А Н

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1975 йилдан чиқа бошлаган

9

1975

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

Редакционная коллегия

акад. АН УзССР М. К. НУРМУХАМЕДОВ (*редактор*), акад. АН УзССР Я. Г. ГУЛЯМОВ, акад. АН УзССР К. Е. ЖИТОВ, акад. АН УзССР С.-К. ЗИЯДУЛЛАЕВ, акад. АН УзССР Ш. Ш. ШААБДУРАХМАНОВ, акад. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, член-корр. АН УзССР Г. А. АБДУРАХМАНОВ, член-корр. АН УзССР Р. Х. АМИНОВА, член-корр. АН УзССР О. Б. ДЖАМАЛОВ, член-корр. АН УзССР И. И. ИСКАНДЕРОВ, член-корр. АН УзССР Ш. З. УРАЗАЕВ, член-корр. АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, доктор ист. наук С. А. АЗИМДЖАНОВА, доктор ист. наук М. А. АХУНОВА, доктор филол. наук М. К. КОШЧАНОВ, доктор ист. наук В. В. ЛУНИН (*зам. редактора*), доктор филол. наук Х. С. СУЛЕЙМАНОВ, доктор экон. наук А. Х. ХИКМАТОВ, канд. ист. наук А. А. АСКАРОВ, канд. филос. наук Н. Г. ГАЙБОВ (*зам. редактора*), Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

Издательство «Фан» УзССР, 1975 г.

Редактор *И. А. Маркман*
Технический редактор *Р. Рузиева*

Р05780. Сдано в набор 27/VII-75 г. Подписано к печати 22/IX-75 г. Формат 70X108^{1/16}. Бум. тип. № 1. Бум. л. 2,5. Печ. л. 7,0. Уч. изд. л. 6,1. Изд № 1616. Тираж 1418. Цена 40 к. Заказ № 192.

Типография Издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.
Адрес Издательства: Ташкент, Гоголя, 70.

М. К. НУРМУХАМЕДОВ

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО
И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Отправной точкой в изучении и использовании культурного наследия являются испытанные и общепризнанные положения В. И. Ленина о преемственности социалистической культуры по отношению к культуре прошлого и критическом освоении культурного наследия.

В. И. Ленин писал: «...Марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры»¹.

«Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить»².

И далее в другом месте: «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре»³.

Общезвестны борьба В. И. Ленина против нигилизма пролеткультовцев, футуристов и др. по отношению к культурному наследию, за «развитие лучших образцов, традиций»⁴, его призыв «взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм»⁵.

Так что изучение прошлого, критическое переосмысление, освоение и развитие лучших сторон культурного наследия в интересах трудящихся — неотъемлемая часть решения задач социалистического и коммунистического строительства.

Обращение к культурному и историческому прошлому — естественная потребность каждого народа, каждого человека.

В. Г. Белинский следующим образом объяснил причину обращения к прошлому: «Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило наше настоящее и наметнуло нам о нашем будущем»⁶.

«Полнее сознавая прошедшее, мы уясняем современное; глубже опускаясь в смысл былого, раскрываем смысл будущего; глядя назад, шагаем вперед»⁷, — писал А. И. Герцен.

«Не зная прошлого, невозможно понять подлинный смысл настоящего и цели будущего»⁸, — писал М. Горький.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 337.

² Там же, стр. 304.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 129.

⁴ В. И. Ленин о литературе и искусстве, М., 1960, стр. 469.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 55.

⁶ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 1, М., 1956, стр. 18.

⁷ Умное слово, М., 1964, стр. 63.

⁸ Там же, стр. 58.

Аналогичный смысл вкладывает Расул Гамзатов в народные слова: «Если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки»⁹. Подобные высказывания можно было бы продолжить.

Вопрос правильного изучения и использования культурного наследия в СССР приобретает большое политическое и международное значение еще и потому, что за этим следят за рубежами нашей страны как друзья, так и недруги.

Культурное наследие прошлого было и остается одной из арен, на которой скрещиваются шпаги коммунистической и буржуазной идеологий.

Если зарубежные друзья радуются нашим успехам в изучении и использовании культурного наследия, изучают наш опыт, то недруги, и прежде всего буржуазные «советологи», пытаются извратить ленинское учение о культурном наследии, искаженно представить его осуществление в практике развития национальных культур народов СССР, спекулировать на наших отдельных недостатках в этом вопросе.

Один из излюбленных приемов буржуазных идеологов в подходе к культурному наследию — сознательное игнорирование классового принципа применительно к общественным явлениям.

Так, например, в буржуазных исследованиях о литературах народов Средней Азии и Казахстана это выглядит как попытка представить наши литературы дооктябрьского периода как «мусульманскую поэзию» в одном случае (религиозный принцип), как единую «литературу Туркестана» — в другом (территориально-языковой принцип), как «единую национальную» — в третьем (бесклассовый принцип) и т. д. Исходя из этого, буржуазные исследователи литератур Средней Азии и Казахстана стремятся внушить своим читателям в одном случае отсутствие разницы между дореволюционным и советским периодами развития наших литератур, в другом — противопоставить дореволюционных писателей современному, в третьем — ставят рядом, на «одну доску», прогрессивных и реакционных поэтов дореволюционного периода, выдавая всех их за представителей единой национальной литературы.

На самом же деле в буржуазной интерпретации эта кажущаяся «цельность» той или иной национальной литературы есть не что иное, как проявление литературоведческого варианта антимарксистской теории конвергенции, «размывания классовых позиций», «наведения мостов» и т. д.

Ярким примером сказанного служат книги и статьи одного из современных специалистов США по литературам Средней Азии и Казахстана Эдварда Олуорса¹⁰.

Наряду с модернизированными антисоветскими концепциями буржуазные идеологи продолжают прибегать к своим старым обанкротившимся приемам о якобы имеющем место отрицании социализмом культурного и исторического прошлого. Это, конечно, явная ложь. Вспомним многочисленные решения по вопросам культурного наследия, например, недавнее постановление ЦК КПСС «О народных художественных промыслах» (Правда, 27 февраля 1975 г.). А тысячи примеров бережливого отношения к культурному наследию, например в Узбекистане (реставрация памятников Самарканда, издание многотомных сочинений Навои, проведение юбилеев Беруни, Фараби, сочетание националь-

⁹ Расул Гамзатов. Мой Дагестан, М., 1968, стр. 3.

¹⁰ Э. Олуорс. Узбекская литературная политика, Колумбийский университет, Нью-Йорк, 1967; его статьи в сборниках «Средняя Азия. Столетие русского господства», Колумбийский университет, Нью-Йорк, Лондон, 1967; «Национальный вопрос в Советской Средней Азии», Нью-Йорк, Изд-во «Прэггер», 1973, и др.

ных традиций и нового в зодчестве современного Ташкента¹¹ и т. д. и т. п.), говорят сами за себя. И сейчас мало кто, даже из наших зарубежных недругов, не видит этого за исключением махровых антисоветчиков (которые, кстати, тоже знают об этом, но сознательно молчат). Да и высказывания многочисленных зарубежных гостей свидетельствуют о том, что культурное наследство, литературное в частности, оберегается, охраняется и используется в социалистическом строительстве¹².

Вместе с тем, используя лучшее, что есть в тысячелетней истории культуры народов СССР, в их числе народов Средней Азии и Казахстана, мы гордимся нашей социалистической культурой, порожденной могучим взлетом и порывом таланта освобожденных народов, практикой социалистического и коммунистического строительства.

Это закон нашей жизни.

Но буржуазные «советологи», исходя из своей антисоветской концепции, закрывают глаза на использование традиции прошлого в советское время, а отсюда противопоставляют прошлое советскому настоящему.

В литературной науке они стараются это делать следующим образом.

Говоря о современной художественной литературе народов Средней Азии и Казахстана, буржуазные «советологи» неоднократно повторяют тезис об утрате ею поэтической традиции. Эдвард Олуорс в нашей сегодняшней литературе хочет видеть, например, только поэзию (без романа, драмы и т. п.), образ женщины в поэзии он воспринимает лишь в связи с любовной лирикой, а женщину — лишь как объект любви, и поэтому мечтает о луноликих красавицах прошлого, не очень лестно отзываясь об освобожденной революцией женщине Востока, отобразенной в современной художественной литературе; далее, он тоскует по религиозной тематике, по мистическим стихам и т. д.

Махровый антисоветчик Дж. Уилер, рецензируя первое издание книги Эдварда Олуорса «Узбекская литературная политика» (1964), хвалит последнего за то, что он против якобы имеющего место «уничтожения» узбекской национальной литературы прошлого¹³.

В ответ на все это достаточно было бы сказать, что поэзия, как жанр, и ее формы (например, аруз) процветают и ныне, и на этом поставить точку. Но давайте разберемся, почему буржуазные ученые так усердно «пекутся» о нашем культурном (в данном случае литературном) наследстве.

Главное — буржуазным «радателям» о нашей культуре не по душе все советское, послеоктябрьское, социалистическое.

Поэтому, например, Э. Олуорс дореволюционный период узбекской литературы противопоставляет ее советскому периоду, стараясь объяснить неосведомленному читателю, что истинно национальная культура и литература — это ислам, националисты, придворная поэзия и т. п. (не случайно, например, Олуорс хвалит меценатство и стихи хивинского хана Сеид Мухамед Багадур II — «Фирюза»), ищет антирусские мотивы в творчестве реакционных поэтов прошлого, пытается

¹¹ Об этом см., напр.: В. Стриньковский. Автограф зодчего, Литературная газета, 18 июня 1975 г.

¹² Континенты мира говорят об Узбекистане, Ташкент, 1975 (Главы «Наука и культура на службе народа», «Колыбель древней цивилизации»).

¹³ Королевский центральноазиатский журнал «Роял Сэнтрал Эйши джорнал», Лондон, 1966, т. 53, ч. II, стр. 216.

дискредитировать такой мощный фактор развития художественного творчества, как взаимовлияния литератур.

Взаимовлияние литератур, на первый взгляд, как будто не имеет отношения к литературному наследству и идеологической борьбе. Но когда это явление противопоставляется культурному наследию, нельзя обойти этот вопрос и в разговоре о прошлом.

Благотворное влияние русской литературы на национальные литературы Средней Азии и Казахстана сильно раздражает теоретиков антисоветизма. Так, авторы редакционной статьи «Новейшая литература Средней Азии»¹⁴ считают, что развитие всех жанров в современных среднеазиатских литературах под влиянием русской литературы якобы привело к росту количества произведений в ущерб их качеству, что недостатки этих литератур связаны с попыткой «усилить всеобщее развитие литературы, которая до революции была почти полностью поэтической».

Однако общепризнанная проза М. Ауэзова, Айбека, Чингиза Айтматова и многих других полностью опровергает этот тезис.

Авторы редакционной статьи своим выводом о ненужности русско-го литературного влияния и необходимости оставления среднеазиатских литератур в рамках исключительно традиционных форм (например, одной поэзии) пытаются не только оспаривать объективный закон взаимодействия литератур, но и стремятся прикрыть свои истинные цели: внести раскол в дружбу народов СССР, создать антирусские настроения, задержать развитие национальных литератур.

Взаимосвязи и взаимодействия литератур — один из мощных факторов литературного развития, особенно в условиях подлинной дружбы и взаимосотрудничества народов, порожденных социалистической действительностью.

Любопытно, что в одном из последующих своих обзоров среднеазиатских литератур «Новейшая литература в Средней Азии и Казахстане»¹⁵ этот же журнал, уделяя в редакционной статье много места творчеству Чингиза Айтматова, ограничивается пересказом содержания произведений талантливого киргизского прозаика и более сдержанно комментирует среднеазиатскую художественную прозу (видимо, проза Чингиза Айтматова поставила в тупик их тезис: среднеазиатские литературы не могут добиваться успеха в новых жанрах). Журнал явно маневрирует, считая прозу Айтматова исключением, и, наконец, бодрый дух предыдущей статьи заменяется пессимистическим сожалением об утрате «черт старой местной эпической поэтической традиции» (стр. 353). В «Заключении» этой статьи журнал вынужден признать некоторые успехи современных среднеазиатских писателей, однако подобно тонущему, хватаящемуся за соломинку, не может удержаться от заявления, что «западный жанр и социалистический реализм» якобы не дадут литературам Средней Азии и Казахстана достигнуть больших высот (стр. 363).

Господам из журнала, наверно, напрасно объяснять их неправоту: это все равно, что обсуждать со слепым палитру красок.

Ныне же буржуазные авторы, ведя разговор о Чингизе Айтматове, не касаются или почти не касаются темы новых жанров в литературе народов Средней Азии и Казахстана¹⁶. Ибо творчество выдающегося кир-

¹⁴ Сэнтрэл Эйши Ревью, Лондон, т. VII, № 3, 1959, стр. 251—258 (конец первого раздела статьи «Техническое мастерство»).

¹⁵ Сэнтрэл Эйши Ревью, Лондон, 1962, т. 10, № 4, стр. 350—364.

¹⁶ Денис Огден. Беседа с Чингизом Айтматовым, *Англо-Советский журнал*, 1970, сентябрь, т. 31, № 1, стр. 30—33; Гедрик Смит. Советский писатель в фаворе, несмотря на жесткую линию, *Нью-Йорк Таймс*, 1974, 4 июня, стр. 10.

гизского писателя само по себе разбивает в пух и прах буржуазный тезис о невозможности расцвета новых жанров (романа, драмы и т. п.) в литературах Советского Востока. Любопытная эволюция буржуазной концепции!

Надо различать марксистско-ленинское понимание освоения культурного наследия от буржуазного понимания этого вопроса. Дело в том, что «заботливые» антисоветчики под понятием «культурное наследство», как правило, подразумевают антинародные, реакционные стороны культурного прошлого, то, что может мешать и вредить социалистической культуре народов Советского Союза. К этому следует прибавить, что «забота» зарубежных «радетелей» о национальной культуре народов СССР противоречит концепции героя современного буржуазного искусства, которая зиждется на отрицании духовных ценностей. Ультралевый псевдореволюционный анархистский нигилизм по отношению к духовным ценностям прошлого и современности плохо связывается с буржуазной «заботой» о культуре народов Средней Азии и Казахстана.

Все это еще раз призывает к повышению идейно-теоретического уровня наших деятелей науки и искусства, к четкости их идейных позиций, что является прочной основой успешного разоблачения концепций буржуазных идеологов.

Один знакомый физик в частной беседе с нами заметил: в наших делах (т. е. в делах физиков) некоторые ошибки проходят незаметно, в ваших делах (т. е. в общественных науках) ошибка становится известной всем. В этом есть доля правды: на ошибку в общественной науке, в идеологических делах реагируют быстрее и острее.

Представитель общественных наук подобен пограничнику, стоящему на идеологических границах нашей Родины, и малейшее ослабление классовой бдительности с его стороны — это щель для проникновения идеологических диверсий антисоветизма.

Бывают случаи, когда наши отдельные историки культуры некоторыми неправильными своими суждениями дают пищу для клеветнических измышлений буржуазных идеологов. Так, например, необоснованная критика эпоса «Алпамыш» в начале 50-х годов послужила поводом для антисоветских спекуляций о затирании и осуждении культурного наследия узбекского народа. Или, наоборот, идеализация прошлого или одностороннее освещение сложных, противоречивых явлений и личностей (например, деятельности поэта-мистика XII в. Ходжа Ахмеда Яссави)¹⁷ могут лить воду на мельницу наших идейных врагов, дать повод для буржуазных спекуляций о наших литературах, создать у наших читателей ложное представление об истинном положении вещей.

Самоуспокоенность, внушение чувства ложного благополучия, попытка не замечать недостатки в изучении того или иного вопроса так же вредны, как и соскальзывание с позиций марксистско-ленинской методологии. В советской печати была справедливо раскрытирована¹⁸ статья А. Дементьева «О традициях и народности»¹⁹, в которой делалась попытка преуменьшить опасность влияния буржуазной идеологии объяснением, что «советское общество по самой социально-политической природе своей не предрасположено к буржуазным влияниям».

Отход в сторону от столбовой дороги марксистско-ленинской методологии в отношении историко-культурного прошлого обычно проявляется в форме двух крайностей: или как левацко-анархический нигилизм,

¹⁷ Статья Э. Рустамова о Яссави: «Узбек тили ва адабиёти», 1972, № 4, 5; «Тошкент оқшоми», 15 января 1973 г.

¹⁸ См., напр., «Коммунист», 1970, № 17, стр. 95.

¹⁹ Новый мир, 1969, № 4.

вульгарный социологизм и лжепартийность, или как идеализация прошлого, забвение партийно-классового принципа и односторонний подход к изучению и оценке того или иного явления.

В свое время на страницах печати была резко раскритикована статья В. Чалмаева «Неизбежность»²⁰ за внесоциальный подход ее автора к истории, за положительную оценку (наряду с действительно положительным) всего противоречивого в прошлом России, вплоть до консервативного и даже реакционного.

Если это пример явной идеализации прошлого, то близким к идеализации прошлого явлением выглядит скептическая критика научно-технического прогресса и противопоставление ему прошлого. Так, например, одни мечтают о самоваре в противовес телевизору, как поэт А. Стройло, который писал:

«...Продам к чертям я телевизор
И самовар себе куплю»²¹.

Другие говорят о том же на примере новостроек, как Барат Байкобилов в стихах «Навой чайхонаси»:

«...Буюк бир санъатга укиб алvido,
Регистон тунида мунгаяр калбим!»²²

Прочту похоронную высотному зданию
И преклонюсь в ночи Регистана.

В обоих случаях критика нового с одновременным восхвалением старого создает ненужное противопоставление, переходящее или могущее перейти в идеализацию прошлого. Можно любить самовар, но не за счет воспитания неприязни к телевизору, ибо, что ни говори, телевизор — выдающееся изобретение XX века; можно и нужно восхищаться великолепными архитектурными памятниками прошлого, но не за счет критики современных построек (жилья, заводов и т. п.), ибо без них не обойтись. В то же время конечно, можно критиковать недостатки телепередач или трафаретные проекты строителей, не связывая это, однако, с самоваром и Регистаном.

Было бы, конечно, несправедливо сразу же наклеивать на подобные стихи ярлыки и «смаковать» их недостатки. Тем более, что многое в творчестве, например, молодого поэта Барата Байкобилова отмечено печатью таланта. Но буржуазные исследователи литератур народов Средней Азии и Казахстана охотно цитируют произведения писателей, чрезмерно восхищаясь их прошлым. Так, американский специалист по среднеазиатским литературам и языкам Роберт Дж. Баррет (США, Колумбийский университет) уделяет немало места в своей статье²³ пересказу содержания некоторых страниц рассказа Уткура Хашимова «Прислушайся к своему сердцу» (Шарк юлдузи, 1971, № 10, стр. 26—27), в котором молодые студент и студентка (будущие архитектор и искусствовед) восхищаются наукой и архитектурными памятниками прошлого и думают об использовании их достижений в настоящее время. Буржуазный исследователь считает, что такие произведения «заслуживают более пристального рассмотрения».

²⁰ Молодая гвардия, 1968, № 9.

²¹ См. «Правда», 11 декабря 1972 г.

²² Гулистан, 1968, № 11, стр. 7.

²³ Роберт Дж. Баррет. Схождение в одной точке (слияние) и национальная литература Средней Азии. В коллективной публикации «Национальный вопрос в Советской Средней Азии», Нью-Йорк — Вашингтон — Лондон, Изд-во «Претер», 1973, стр. 30—31.

Как будто бы и нет ничего криминального в рассуждениях этих студентов из рассказа У. Хашимова о великих ученых прошлого, мастерстве старых зодчих и использовании их традиций в современном строительстве Ташкента²⁴. И рассказ в целом написан неплохо. Но чрезмерная, преувеличенная гордость студентки Чарас и студента Ядгара тем, что средневековая культура Средней Азии была выше культуры Запада, что Беруни еще до Колумба предсказал существование Америки, что художники во время тимуридов были большими реалистами, чем современные им художники Запада, и т. д. и т. п., наверное, дают какое-то основание для антисоветских упражнений буржуазных идеологов.

Любое чрезмерное увлечение прошлым для буржуазного исследователя — находка. Буржуазному ученому очень хочется, чтобы прошлое возвышалось над настоящим (ведь настоящее — социализм!) и над прошлым других народов (для разжигания национальных чувств в противовес дружбе народов).

Другая крайность.

В пылу спора с авторами, пытающимися идеализировать патриархальщину, московский литературовед А. Дементьев впал в иную крайность и высказал недоверие к национальным чувствам, неуважение к любви к родной земле²⁵, за что он не раз был подвергнут в свое время критике²⁶. В связи с этим не хотелось бы, чтобы уже изжитые ошибки, как, например, нигилизм в изучении фольклорного наследия народов Средней Азии и Казахстана, могли быть повторены в наши дни.

В историческом и культурном прошлом каждого народа или страны есть немало сложных, противоречивых событий, фактов, личностей и т. п.

Образец подхода к сложным, противоречивым явлениям прошлого опять-таки дает нам великий Ленин.

Гениальная оценка Л. Н. Толстого Лениным, раскрытие противоречия его творчества (Толстой — гениальный художник, создавший в образах несравненные картины русской жизни, и Толстой — проповедник непротивления злу насилею), данные в статье «Лев Толстой, как зеркало русской революции»²⁷, служат методологической основой при изучении творчества и мировоззрения сложных, противоречивых личностей прошлого.

Есть люди, которые ради личного спокойствия и перестраховки, руководствуясь принципом чеховского человека в футляре («как бы чего не вышло») избегают (и советуют так делать другим) изучения противоречивых явлений прошлого. Обход проблемы и «острых углов» или уход от вопроса не есть решение вопроса. История диктует необходимость отражения всех ее сторон. К тому же в неизученные области — «белые пятна», не встречая противодействия, охотно врываются для извращения истины идеологи антисоветизма (например, в некоторые неизученные стороны литературы народов Средней Азии 20-х годов).

Кстати, не скажешь, что тема «литературное наследие и идеологическая борьба» нашла свое удовлетворительное освещение в литературной науке Средней Азии. Например, даже в близких к этой теме страницах кандидатских диссертаций А. Джалалова «Просветительско-демократическая узбекская литература 1905—1917 гг.» (Ташкент, 1972), Т. Расулева «Иносказательная образность (тропы) и проблемы

²⁴ О сочетании нового и традиции прошлого в современной архитектуре Ташкента см., напр., «Литературная газета», 18 июня 1975 г.

²⁵ А. Дементьев. О традициях и народности, Новый мир, 1969, № 4.

²⁶ См., напр., «Коммунист», 1970, № 17, стр. 95.

²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 206—213.

индивидуального стиля в современной узбекской поэзии» (Ташкент, 1968) эти вопросы обойдены или освещены не с очень четких идейных позиций, к тому же без достаточного знания буржуазных оценок объекта их работы (просветители, Чулпан и др.).

Более успешно в этой области (правда, больше в публицистическом плане, нежели в научно-исследовательском) выступает Л. Каюмов. Критика некоторых моделей антисоветчиков по использованию узбекского литературного наследия содержится в статье Л. Каюмова «Голоса с того света»²⁸. Автор защищает от нападков марксистско-ленинский подход к литературному прошлому (антисоветчики жалуются на то, что религиозно-мистическая поэзия прошлого, панегирики ханам и эмирам не включаются «в духовную пищу современности») и справедливо критикует противопоставление классиков узбекской литературы классикам русской литературы.

Нетрудно разобраться в том, что идеологические диверсанты не столько думают о литературном наследии узбекского народа, сколько стремятся (тщетно, как всегда!) дискредитировать социализм и дружбу народов СССР.

Принцип антисоветчиков — отсутствие принципа. Буржуазные исследователи литературы не раз шумели и шумят о том, что в Советском Союзе якобы отказались от противоречивых писателей. Но когда были изданы произведения А. Ахматовой, Б. Пастернака, М. Цветаевой и статьи об их творчестве, то это, оказывается, тоже (по логике «наоборот») не нравится «советологам»: теперь они ставят под сомнение способности изучения творчества этих писателей²⁹.

Как капризный ребенок, в течение часа десятки раз опровергающий сам себя!

Такая же трансформация суждений происходит у буржуазных специалистов, когда они касаются творчества Абдуллы Кадыри, Чолпана и др.

Из сказанного явствует, что противоречивые события и личности должны быть объектом изучения. Весь вопрос в том, чтобы изучить их с позиций марксистско-ленинской методологии, с партийно-классовых позиций.

Вождь пролетарской революции В. И. Ленин писал в 1910 г.: «Изячая художественные произведения Льва Толстого, русский рабочий класс узнает лучше своих врагов, а разбираясь в *учении* Толстого, весь русский народ должен будет понять, в чем заключалась его собственная слабость, не позволившая ему довести до конца дело своего освобождения. Это нужно понять, чтобы идти вперед»³⁰.

Изучая мировоззрение того же Яссави с марксистско-ленинских позиций, руководствуясь вышесказанными словами Ленина, можно говорить (и наши ученые говорят), например, о вредных последствиях пропаганды Яссави и его учениками настроений покорности и пассивности накануне монгольского нашествия на Среднюю Азию.

А если об этом же мистицизме Яссави говорить с точки зрения сегодняшних задач, то пропаганда потустороннего мира в противоположность земной жизни, будь то из уст духовных братьев: попа и муллы — или поэта Яссави, одинаково вредна, реакционна. Вспомним строки из письма В. И. Ленина Горькому (ноябрь 1913 г.), в котором великий Ленин с присущей ему прямотой и бескомпромиссностью ругает Горького

²⁸ Литературная газета, 14 февраля 1973 г.

²⁹ Об этом см.: А. Николаев. Антилогика как аргумент, Вопросы литературы, 1973, № 10, стр. 147—150.

³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 71.

за то, что он богоискательство пытается заменить богостроительством, объясняя, что разница между ними «ничуть не больше, чем желтый черт отличается от «черта синего»³¹. И далее: «Миллион грехов, пакостей, насилий и зараз физических гораздо легче раскрываются толпой и потому гораздо менее опасны, чем тонкая, духовная, приодетая в самые нарядные «идейные» костюмы идея боженки»³². Как будто сказано и о Яссави!

По-своему образные стихи поэта-мистика Яссави более тонко и изощренно пропагандировали потусторонний мир, нежели это делали его единомышленники из лагеря духовников. Поэтому он более вреден для формирования общественных взглядов людей, хотя по своей конечной цели (восхвалению смирения и потустороннего мира) он не отличался от тех же проповедников ислама, как «желтый черт от синего».

Кстати, не очень давно справедливо был раскрытыван призыв некоторых авторов статей, опубликованных в журнале «Молодая гвардия», воспитывать патриотизм на житиях святых³³.

В материалах партийного актива республики (1 марта 1973 г.) и в других директивных документах был подвергнут справедливой критике ряд публикаций, в которых допущены отступления от принципов социально-классового, партийного подхода к изучению и оценке прошлого, в том числе неверное освещение литературного наследия Яссави, Умархана (Амири).

Ошибки некоторых работ, посвященных Умархану и Бабуру, выразились в том, что анализ литературного наследия этих правителей проводился в отрыве от их основной деятельности, как завоевателей и эксплуататоров, что создавало у неосведомленного читателя однобокое (только положительное) впечатление о названных личностях. А произошло это потому, что было сказано лишь о части их деятельности, в отрыве от «контекста» всей их жизни, и на какое-то время был забыт социально-классовый, партийный подход к объекту исследования.

Неразборчивость в использовании литературного наследия (выискивание сомнительных «классиков», забвение художественно-эстетических позиций и т. п.) в свое время была темой критической статьи проф. Г. Каримова «Наследие, схема и жизнь»³⁴. Несмотря на конспективный и лишь постановочный характер статьи, мысли автора небесполезны как нужное напоминание.

Нам не следует забывать ленинское требование историчности: «...Не приписывать древним такого «развития» их идей, которое нам понятно, но на деле отсутствовало еще у древних»³⁵. Ибо все еще встречаются случаи, когда представитель науки или литературы переносит современные понятия и суждения на давние времена. Например, критика (в том числе и автор этих строк) отмечала, что некоторые персонажи романа «Бируни» каракалпакского писателя О. Бекбаулова рассуждают, как современные люди (в частности о религии)³⁶.

В основных фундаментальных трудах по истории, культуре, литературе Средней Азии, Узбекистана в частности, верно, с марксистско-ленинских позиций освещаются история культур и пути развития литературы (например, «История узбекской советской литературы», удостоенная Государственной премии им. Беруни, и мн. др.).

³¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 226.

³² Там же, стр. 227.

³³ См. «Правда Востока», 10 августа 1971 г.

³⁴ Совет Узбекистана, 12 марта 1969 г.

³⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 222.

³⁶ М. Нурмухамедов. Актуальные проблемы современной каракалпакской прозы, журн. «Аму-Дарья», 1970, № 10.

Но нет-нет да встречаются работы по истории культуры и литературы, неполностью отвечающие требованиям советской науки.

Вот одна из них, кстати, обойденная критикой.

Затушеван классовый подход в книге Л. А. Перепелициной «Роль русской культуры в развитии культур народов Средней Азии» (М., 1966).

У автора заглушен партийно-классовый принцип: во многих местах книги нет разграничения между русским народом и царскими чиновниками. Например, на стр. 106 с некоторой симпатией описаны циркуляры министра народного просвещения Н. П. Боголепова и его министерства о развитии профессиональных школ Туркестанского края.

Конечно, зарождение профессионально-технического образования — сам по себе положительный факт, но не следовало забывать и о том, что, создавая профессиональные школы, царское правительство руководствовалось прежде всего своей колониальной политикой и хотело подготовить чиновников и специалистов для более лучшего выкачивания богатств и эксплуатации края в интересах царизма.

В таком же одобрительном духе описаны действия генерал-губернатора Духовского в области медицинского обслуживания края (стр. 113).

В результате, если следовать некоторым страницам этой книги, получается, что вся дореволюционная культура России была прогрессивной и несла прогресс для Средней Азии. Я бы не сказал, что автор в данном случае руководствовалась известным ленинским положением о двух культурах в каждой национальной культуре.

«Пятьдесят лет мы держали туземцев в стороне от развития, в стороне от школы...»³⁷, — писал генерал-губернатор Туркестанского края Н. А. Куропаткин. Так что не «духовские» и «куропаткины» несли культуру в Среднюю Азию.

И еще одна немаловажная деталь: самый положительный результат присоединения Средней Азии к России — не те или иные реформы, происшедшие в крае после присоединения к России (о них-то больше всего пишет Л. А. Перепелицина), а приобщение угнетенных народов Средней Азии к революционному движению русского пролетариата, социализму. Реформы могли произойти и в составе другого государства, например Англии.

С вопросом о культурном наследстве тесно связана тема исторического прошлого в художественной литературе.

Хорошо объясняет причину обращения писателей к темам исторического прошлого Ч. Айтматов: «Одна из задач литературы, на мой взгляд, художественно осмысливать прошлое, чтобы выявить опыт, приобретенный каждым народом в процессе его исторического развития, чтобы глубже оценить новую историческую действительность в ретроспекции пройденных эпох...»³⁸

Тема прошлого в художественной литературе — это, говоря словами члена-корреспондента АН СССР Г. И. Ломидзе, «желание пройтись как бы вновь по забытым и полузабытым следам наших предков, отыскать нить, соединяющую день сегодняшний и грядущий с днем минувшим»³⁹. «Историческое произведение — способ познания и освоения со-

³⁷ Цит. по: Х. Турсунов. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане, Ташкент, 1962, стр. 52.

³⁸ Литературная газета, 15 ноября 1972 г.

³⁹ Георгий Ломидзе. Ленинизм и судьбы национальных литератур, изд. второе, М., 1974, стр. 51.

бытий минувших эпох через настоящее, выявление преемственной связи между тем, что было, и тем, что стало»⁴⁰.

Интересные мысли об участии древней литературы в современном литературном процессе содержатся в беседе академика Д. С. Лихачева на тему: «Современность древнерусской литературы»⁴¹.

Тема прошлого — одна из основных в советской художественной литературе. «Петр I» А. Толстого, «Абай» М. Ауэзова, «Навои» Айбека, «Емельян Пугачев» В. Шишкова, «Салават Юлаев» С. Злобина, романы В. Яна, С. Бородина и др. — это из общепризнанного.

В настоящее время нет или почти нет ни одной национальной советской литературы, не затронувшей темы прошлого. Появилась масса исторических произведений (больше романов, нежели поэм, пьес и т. д.) молодых авторов, новые романы старых авторов, заслуживших всеобщее признание и уважение читателей. Вот лишь некоторые примеры из литератур Средней Азии и Казахстана: «Стрела Махамбета» Ануара Алимжанова, «Судьба» Хыдыра Дерьяева, «Дочь огня», «Двенадцать ворот Бухары» Джалола Икрами, «Сломанный меч» Толегена Касымбекова, «Сокровища Улугбека» Адила Якубова, «Маман-би» Т. Каипбергенова и мн. др.

Не вдаваясь в анализ столь интересной области художественной литературы, какой является исторический роман, хотелось бы сказать несколько слов об этом в связи с темой нашей статьи.

Художественный домысел дает большие возможности для интерпретации исторических событий, фактов, личностей. Но не безграничные. Ибо историческая правда перестает существовать, если его документальная сущность (а не детали, конечно) становится неузнаваемой.

Мастер исторического романа В. Ян писал: «Грош цена тому историческому произведению, которое извращает точно установленные даты, факты и зафиксированные на страницах документов слова, выражения, детали событий, быта и пр. описываемой эпохи»⁴². Резкие слова, но не бесполезные.

Соотношение историко-фактического и художественно-вымышленного должно взвешиваться на очень чувствительных весах историзма и партийно-классового подхода.

Я бы не сказал, что классовый подход к историческому прошлому полностью соблюден, например, в романе известного и в целом интересного казахского писателя Ильяс Есенберлина «Хан Кене» (М., 1971). Какими бы жестокими ни показывал писатель феодалов Кенесары (хана Кене), Аблая и др., выпячивание их роли в объединении казахских земель приводит к некоторой идеализации этих личностей. Осуждение жестокостей Кенесары остается в тени тенденциозности писателя в пользу главного героя романа: восхваление дел хана Кене в начале движения за объединение казахских земель, объективистское описание дальнейшего хода этого движения, жалость к судьбе хана в конце романа, избегание описания краха и гибели Кенесары и т. п. (Для сравнения вспомним Ивана Грозного, который (тоже) боролся за объединение русских княжеств, но не восхваляется в русской литературе. Мало того, попытки сделать Ивана Грозного положительным героем в историческом романе были обречены на неудачу — об этом см. «Вопросы литературы», 1973, № 8, стр. 28).

⁴⁰ Там же, стр. 191.

⁴¹ Литературное обозрение, 1975, № 2, стр. 77—83.

⁴² Цит. по: В. Оскацкий. Роман и история, Вопросы литературы, 1973, № 8, стр. 11.

Полное соблюдение историзма, четкий классовый подход к событиям прошлого, следование исторической правде в сочетании с безусловным писательским дарованием И. Есенберлина могли бы быть залогом создания объективной, правдивой картины трагедии противоречивой личности.

Если прибегнуть к сравнению, то нам думается, что в «Хан Кене» историзм и социально-классовый критерий соблюдены меньше чем, например, в историческом романе другого казахского писателя — Ануара Алимжанова «Стрела Махамбета» (о вожде народного восстания Исатае Тайманове и поэте Махамбете Утемисове, борьбе против царской и ханской власти и гнета).

Г. И. Ломидзе, верно излагая историческую основу романа «Хан Кене» и противоречивые начала в личности Кенесары, однако, на наш взгляд, не обратил должного внимания на несоответствие литературного персонажа своему прототипу и был несколько снисходителен в оценке романа⁴³.

Подобные примеры редки, но имеются и в других литературах. Несоответствие исторической правде не только противостоит реалистическому искусству, но и, как мы видели выше, дает буржуазным идеологам повод извращать и фальсифицировать правду нашей жизни, литературы в частности.

Как видно из всего сказанного, изучение культурного наследия неотделимо от идеологической борьбы и требует от советских ученых партийно-классового подхода к явлениям прошлого.

Четкость идейных позиций, соблюдение принципов марксистско-ленинской методологии, глубокое и всестороннее знание объекта исследования (в том числе идейных основ буржуазных концепций), партийно-классовая бдительность, профессиональное мастерство писателя и исследователя — залог новых успехов советской литературы и литературоведения в современной идеологической борьбе.

---

⁴³ Георгий Ломидзе. Ленинизм и судьбы национальных литератур, стр. 217—218.

Р. Х. АМИНОВА, Р. Г. РАБИЧ

ПРОТИВ БУРЖУАЗНОЙ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО УЗБЕКИСТАНА

Современный этап развития международных отношений характеризуется рядом сложных и противоречивых процессов. Пытаясь свести на нет положительные сдвиги в разрядке международной напряженности, силы империалистической реакции по-прежнему стремятся использовать отравленное оружие антикоммунизма в борьбе против социализма, коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения. Характеризуя современную обстановку, апрельский (1973) Пленум ЦК КПСС указал на «необходимость постоянной бдительности и готовности давать отпор проискам агрессивных кругов империализма, последовательной борьбы против реакционной идеологии и пропаганды»¹.

В обширной антисоветской литературе, захлестнувшей книжные рынки капиталистических стран, не последнее место занимают «труды» по истории республик Средней Азии. Буржуазные «советоведы» придают особое значение фальсификации исторического опыта некапиталистического развития бывших отсталых национальных районов нашей страны к социализму, извращению ленинской национальной политики, учитывая огромный интерес к истории Советского Востока в развивающихся странах и тщательно пытаясь подорвать нерушимое единство народов СССР.

Идеологи империализма всячески стараются перечеркнуть все успехи республик Советского Востока. К их числу относятся, например, Ральф Скотт Клем, Ф. Карпентер, В. Медлин, В. Кейв и др.²

Смысл трактовки этими реакционными авторами социально-экономического развития Советской Средней Азии сводится к следующему: хотя здесь происходили индустриализация и урбанизация, эти процессы глубоко не затронули основы жизни среднеазиатских народов. Согласно Р. С. Клему, индустриализация в Средней Азии началась якобы лишь «вслед за второй мировой войной»³ и была обусловлена не генеральной линией КПСС и Советского правительства на построение социализма в республиках Советского Востока, а «случайными», чисто «конъюнктурными» факторами. Подобные утверждения, однако, не выдерживают никакой критики. Буржуазные авторы не в состоянии подтвердить их конкретными данными о промышленном развитии Узбекской ССР в довоенные годы. Между тем объем промышленной продукции в республике

¹ Правда, 29 апреля 1973 г.

² F. Carpenter, W. Medlin, W. Cave. Education and development in Central Asia, Leiden, 1971; R. S. Clem. The Impact of demographic and socio-economic forces upon the nationality question in Central Asia, The Nationality Question in Soviet Central Asia, New York, Washington, London, 1973.

³ The Nationality Question in Soviet Central Asia, p. 36.

в довоенный период возрос более чем в 7 раз по сравнению с наивысшим дореволюционным уровнем 1913 г., главным образом за счет развития новых отраслей промышленного производства. Если в 1927/28 г., накануне первой пятилетки, фабрично-заводская промышленность республики давала 31,6% промышленной продукции, то в 1932 г., к концу пятилетки, — около 50%. Удельный вес промышленности в народном хозяйстве Узбекистана повысился с 32% в 1913 г. до 70% в 1940 г.⁴

Эти успехи были прямым следствием курса КПСС на первоочередное развитие ранее отсталых национальных районов страны. Как говорилось в Директивах XV съезда ВКП(б), «пятилетний план должен уделить особое внимание вопросам экономики и культуры отсталых районов, исходя из необходимости постепенной ликвидации их экономической и культурной отсталости, соответственно предусматривая более высокий уровень развития их экономики и культуры»⁵. Еще более разительные успехи были достигнуты в годы последующих пятилеток.

В. Конноли, пытаясь во что бы то ни стало принизить значение социалистической индустриализации для республик Советского Востока, договаривается до следующего абсурдного утверждения: «Идея о том, что неразвитые территории России могут догнать развитые части страны, представляет собой бессмыслицу с экономической точки зрения до тех пор, пока Европейская Россия не остановится, чтобы ее догнали неразвитые районы»⁶. Однако экономический прогресс нашей страны обеспечивался общим подъемом промышленности и других отраслей народного хозяйства во всех республиках и районах СССР. Так, в РСФСР в 1967 г. объем промышленного производства превысил уровень 1913 г. в 74 раза, на Украине еще в 1957 г. валовая промышленная продукция возросла в 20 раз по сравнению с 1913 г.⁷ и т. д. Вместе с тем предусматривались еще более высокие темпы развития промышленности и всей экономики в прошлом отсталых национальных районов, как Средняя Азия и Казахстан.

Другое «противоречие» социалистической индустриализации на Советском Востоке В. Конноли усматривает в задаче приближения промышленности к источникам сырья, «так как в условиях России многие важные источники сырья расположены в необитаемых... районах, отдаленных от наиболее густонаселенных центров потребления»⁸. Однако советская плановая система индустриального развития, в отличие от капиталистической, успешно справляется с решением проблемы приближения сырья к центрам потребления. Убедительный пример тому — освоение газовых ресурсов Узбекистана. Из труднодоступного пустынного района узбекистанский газ был подведен вначале к Ташкенту, а затем через пустынные и полупустынные территории Казахстана на Урал. Магистраль Бухара—Урал протянулась более чем на 2 тыс. км. Если в 1959 г. в Бухарской области было добыто 50 млн. м³ природного

⁴ С. Зиядуллаев, И. Манохин. Социалистическая промышленность Советского Узбекистана, Ташкент, 1949, стр. 44.

⁵ КПСС и Советское правительство об Узбекистане. Сборник документов (1925—1970), Ташкент, 1972, стр. 212.

⁶ V. Connolly. Beyond the Urals (economic development in Soviet Asia), London, Toronto, 1967, p. 61.

⁷ Советская историческая энциклопедия, т. 12, статья «Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика», стр. 199; т. 14, статья «Украинская Советская Социалистическая Республика», стр. 761.

⁸ В. Конноли. Указ. соч., стр. 61.

газа, то в 1969 г. — свыше 30 млрд. м³. За короткий срок этот район превратился в один из крупнейших энергетических центров СССР⁹.

Стремясь опорочить социалистическую индустриализацию в Средней Азии, Р. С. Клем утверждает, будто бы среднеазиатские народы «не участвуют в современном индустриальном обществе» СССР, о чем, де, свидетельствует их «преимущественно сельская природа»¹⁰. Эту версию поддерживает и другой «специалист» по экономике среднеазиатских республик — Эн Шихи, также утверждающая в одной из своих статей, что деятельность среднеазиатских народов носит якобы «сельский характер»¹¹. Цели подобных инсинуаций ясны: авторы пытаются не только поставить под сомнение политическое единство советских народов, верность трудящихся Средней Азии идеалам строительства коммунизма, их вклад в общий подъем всех отраслей народного хозяйства СССР, но и обосновать расистские теории о «консерватизме» народов Востока, их «нежелании» развивать промышленность.

Уже на заре социалистической индустриализации, в марте 1926 г., Пленум Средазбюро ЦК ВКП(б) подчеркивал, что «непременным условием развития промышленности надо ставить вопрос об обеспечении ее подготовленной рабочей силой из коренного населения»¹². За годы Советской власти — и Р. С. Клем, и Эн Шихи не могут не знать об этом — в Средней Азии были подготовлены многие сотни тысяч рабочих местных национальностей. К 1967 г. более 50% промышленных рабочих Узбекистана составляли узбеки, причем это были в основном квалифицированные рабочие, несколько не уступающие по уровню профессиональной подготовки своим европейским товарищам¹³.

Версия Клема — Шихи не выдерживает критики и потому, что представители местных национальностей в Средней Азии принимают самое активное участие в современном социалистическом индустриальном обществе, независимо от того, заняты ли они в промышленности или в других отраслях народного хозяйства. Колхозники и рабочие совхозов Узбекистана, производящие важнейшее промышленное сырье — хлопок — и другую ценную продукцию, вносят большой вклад в промышленное развитие СССР, создают для него прочную сырьевую базу. Связь сельского хозяйства Узбекистана с промышленностью проявляется и в высокой степени механизации колхозного и совхозного производства. Только в 1974 г. сельское хозяйство республики получило: 17 380 тракторов общей мощностью 1071 тыс. л. с., 5135 хлопкоуборочных машин, 6515 грузовых и специализированных автомобилей, 876 зерноуборочных, 606 кукурузоуборочных и 1461 силосоуборочный комбайн, 6881 тракторный плуг, 12 293 культиватора, 5465 сеялок, 1326 разбрасывателя органических удобрений, 929 доильных установок и т. д.¹⁴

Одно из ярчайших проявлений трудовой активности рабочего класса Узбекской ССР, включающего, как отмечалось, сотни тысяч представителей местных национальностей, — широкий размах в республике движения за коммунистическое отношение к труду, все более массовое развитие различных форм творческой инициативы рабочего класса, неуклонный рост его профессионально-технического уровня, деятельное участие его в общественной жизни и т. д. Например, число участников

⁹ История рабочего класса Узбекистана, Ташкент, 1974, стр. 298.

¹⁰ The Nationality Question in Soviet Central Asia, p. 40.

¹¹ Slavic Review, September 1972, p. 557.

¹² КПСС и Советское правительство об Узбекистане, стр. 328.

¹³ Осуществление ленинских идей индустриализации в Узбекистане, Ташкент, 1970, стр. 403—404.

¹⁴ Правда Востока, 29 января 1975 г.

движения за коммунистическое отношение к труду в республике уже к началу 1971 г. составило около 1 млн. человек¹⁵.

Среди зачинателей ценных трудовых починов в текущей пятилетке — Махмуд Муйдинов, Буалъма Джураева и многие другие рабочие-узбеки.

Версия о «сельском характере жителей Средней Азии», усиленно выдвигаемая Клемом, Шихи и другими «советоведами», грубейшим образом искажает социально-экономическую структуру среднеазиатских республик. Хорошо известно, что Узбекистан за годы Советской власти стал высокоразвитой индустриально-аграрной республикой. Здесь насчитывается свыше 1300 крупных промышленных предприятий, более 100 отраслей промышленности; продукция заводов и фабрик республики вывозится в 90 иностранных государств¹⁶.

Узбекская ССР занимает ныне первое место в Союзе по производству хлопкоборочных машин, ворохоочистителей, тракторных хлопковых сеялок, хлопкоочистительного оборудования и ровничных машин, второе место по производству прядильных машин, третье — по производству мостовых электрических кранов, хлопчатобумажных тканей, четвертое — по выработке электроэнергии, добыче угля, производству минеральных удобрений, экскаваторов, цемента и т. д.¹⁷

Несмотря на очевидные успехи экономического развития Узбекистана, буржуазные авторы продолжают твердить, якобы экономика Узбекской ССР и других союзных республик переживает упадок. Так, Р. Хатчингс заявляет, что «кульминационный пункт развития советской экономики уже позади»¹⁸. В. Конноли, стремясь принизить успехи социалистической индустриализации в среднеазиатских республиках, голословно утверждает, что темпы роста валовой промышленной продукции в Средней Азии «значительно ниже, чем в среднем по Союзу из-за недостатков капиталовложений»¹⁹. Но данные об экономическом развитии как СССР в целом, так и Узбекской ССР, опровергают подобные утверждения. Общий объем промышленной продукции в Узбекистане увеличился в 1973 г. в 135 раз по сравнению с 1924 г., в 11 раз — по сравнению с 1940 г., на 72% — с 1965 г.²⁰

Как известно, Директивы XXIV съезда КПСС предусматривали для Узбекистана несколько более высокие темпы развития народного хозяйства, чем по СССР в целом. Если объем промышленного производства по Союзу планировалось увеличить на 42—46%, то в Узбекистане — на 46—49%²¹. При этом особый упор сделан на развитие в республике таких важнейших отраслей тяжелой промышленности, как электроэнергетика, химическая, машиностроительная, цветная металлургия, промышленность строительных материалов.

Благодаря самоотверженным усилиям трудящихся Узбекистана экономика республики развивается еще более быстрыми темпами, чем это предусмотрено пятилетним планом. За четыре года текущей пятилетки валовой общественный продукт возрос в Узбекистане на 34% вместо запланированных 29%, а национальный доход — на 30,9%

¹⁵ Правда Востока, 3 марта 1971 г.

¹⁶ Ш. Р. Рашидов. Торжество ленинской национальной политики, Ташкент, 1974, стр. 59—60.

¹⁷ Народное хозяйство Узбекской ССР за 50 лет. Юбилейный статистический ежегодник, Ташкент, 1974, стр. 47.

¹⁸ R. Hutchings. Soviet economic development, Oxford, 1971, p. 301.

¹⁹ В. Конноли. Указ. соч., стр. 239.

²⁰ Народное хозяйство Узбекской ССР за 50 лет, стр. 43, 45, 46.

²¹ Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана, Ташкент, 1974, стр. 683.

вместо 26% по плану²². В ведущем промышленном центре республики — Ташкенте объем промышленной продукции за это время увеличился на 54,5% (при задании на всю пятилетку — 45,3%), а производительность труда — на 34,6% при 28,4% по плану²³.

Весьма впечатляет рост государственных расходов на развитие народного хозяйства республики. В 1965 г. они составили 936,5 млн. руб., а в 1972 г. — 1593,9 млн. руб.²⁴ Для сравнения отметим, что в 1972 г. в Узбекистане было освоено в 40 раз больше капиталовложений, чем за 1924—1929 гг., также ознаменовавшиеся быстрыми темпами экономического развития республики²⁵.

Но Хатчингс пытается представить темпы экономического развития среднеазиатских республик даже в период, за которым он еще «склонен» признать расцвет, лишь «сравнительно быстрыми»²⁶. Непонятно, однако, с кем он собирается сравнивать СССР. В невиданно короткий срок Советский Союз по объему промышленного производства опередил все, включая самые развитые, капиталистические страны Европы. Превзойдены и многие важнейшие экономические показатели США.

Если общесоюзные темпы роста экономики намного превышают темпы развитых капиталистических государств, то быстрота экономического подъема республик Средней Азии по сравнению с любой капиталистической страной особенно разительна. Такая бывшая колониальная окраина, как Узбекистан, менее чем за полвека не только далеко обогнала соседние страны Азии, но по ряду экономических показателей, включая столь важный, как механизация и электрификация сельского хозяйства, опередила большинство промышленно развитых капиталистических государств Европы и Америки.

Для антисоветских публикаций, извращающих ход экономического развития в Советской Средней Азии, характерна и попытка исказить социальные аспекты экономического прогресса среднеазиатских республик. Так, Ф. Карпенгер, В. Медлин и В. Кейв пишут: «Нельзя сделать аргументированный вывод о том, что быстрые социальные изменения неотъемлемо сопутствовали советскому экономическому планированию»²⁷. Таким образом, они пытаются отрицать единство двух взаимосвязанных и взаимообусловленных процессов — экономического и социального развития.

В надуманных схемах буржуазных авторов население среднеазиатских республик делится на различные «привилегированные» и «непривилегированные» группы. Однако коренная особенность развития социалистической экономики состоит именно в том, что оно протекает при отсутствии антагонистических классов, не тормозится огромными производственными расходами паразитических слоев общества, присущей любому эксплуататорскому обществу системой социального гнета. В нашей стране давно сформировались два дружественных социалистических класса — рабочий класс и колхозное крестьянство и органически связанная с ними социальная прослойка — трудовая интеллигенция. В Узбекской ССР рабочий класс и крестьянство составляют около трех четвертей всего населения, а интеллигенция — около одной четверти.

²² Правда Востока, 16 июня 1975 г.

²³ Вечерний Ташкент, 24 июля 1975 г.

²⁴ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1972 г. Статистический ежегодник, Ташкент, 1973, стр. 336.

²⁵ Экономика и жизнь, 1973, № 1, стр. 3.

²⁶ Р. Хатчингс. Указ. соч., стр. 290.

²⁷ Ф. Карпенгер, В. Медлин, В. Кейв. Указ. соч., стр. 211—212.

Экономический расцвет Узбекской ССР и других среднеазиатских республик Союза опирается на братскую дружбу и взаимопомощь народов СССР, на те коренные социальные преобразования, начало которым было положено Великой Октябрьской социалистической революцией. В этом — «секрет» быстрого и всестороннего прогресса Узбекистана и других союзных республик, общими усилиями добивающихся все новых успехов в строительстве коммунизма.

Р. Х. Аминова, Р. Г. Рабич

**СОВЕТ УЗБЕКИСТОННИНГ ИНДУСТРИАЛ РИВОЖЛАНИШИ
ТЎҒРИСИДАГИ БУРЖУА ФАЛЬСИФИКАЦИЯСИГА ҚАРШИ**

Мақолада Совет Ўзбекистонининг индустриал ривожланиши тўғрисидаги буржуа фальсификациясининг турли-туман уйдирмалари очиб ташланади.

М. Р. САХИБАЕВА

НОВОЕ В УПРАВЛЕНИИ ПРОИЗВОДСТВЕННЫМ ПРЕДПРИЯТИЕМ

Одна из основных закономерностей развития экономики при социализме — концентрация производства. Плановый характер социалистической экономики создает благоприятные условия для концентрации производства, специализации и кооперирования предприятий, ускорения темпов технического прогресса и повышения на этой основе производительности общественного труда.

Важнейшим фактором использования преимуществ концентрации производства выступает совершенствование управления основными звеньями народного хозяйства, где непосредственно создаются материальные ценности.

В Программе КПСС говорится, что «коммунистическое строительство предполагает всемерное развитие демократических основ управления при укреплении и совершенствовании централизованного государственного руководства народным хозяйством»¹.

Как подчеркивается в Отчетном докладе ЦК XXIV съезду партии, «узловой вопрос экономической политики партии — это совершенствование системы управления экономикой. Вопросы управления затрагивают не только узкий круг руководителей и специалистов, но и все партийные, советские, хозяйственные организации, все коллективы трудящихся. Это означает, что улучшение управления — важная составная часть всей деятельности партии по руководству экономикой»².

Коммунистическая партия и Советское государство всегда уделяли и уделяют большое внимание поискам рациональных форм и методов управления общественным производством. Еще в 1918 г. В. И. Ленин в речи на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства, говоря, как об объективной закономерности, «о перedelке уставов, норм, законов управления», указывал, что в «таком гигантском деле неизбежно испытание различных норм и форм»³.

На основе этих ленинских указаний была проделана огромная работа. Опыт ее, испытание различных форм организации общественного производства показывают, что магистральный путь совершенствования управления народным хозяйством — объединение предприятий, создание крупных хозрасчетных комплексов, превращение хозрасчета в универсальный метод руководства экономикой, применяемый в деятельности не только отдельных заводов и фабрик, но и органов управления.

Много внимания уделил этим актуальным вопросам XXIV съезд КПСС. В соответствии с решениями съезда ЦК КПСС и Совет Ми-

¹ Материалы XXII съезда КПСС, М., 1961, стр. 385.

² Материалы XXIV съезда КПСС, М., 1971, стр. 65.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 39.

нистров СССР приняли 2 марта 1973 г. постановление «О некоторых мероприятиях по дальнейшему совершенствованию управления промышленностью»⁴, а 27 марта 1974 г. Совет Министров СССР специальным постановлением утвердил «Положение о производственном объединении (комбинате)»⁵.

В процессе исполнения этих постановлений все более широкий размах получает создание производственных объединений как единого производственно-хозяйственного комплекса, в состав которого входят фабрики, заводы, научно-исследовательские институты, конструкторские, проектно-конструкторские, технологические организации и другие производственные единицы, и всесоюзных (республиканских) промышленных объединений как единого производственно-хозяйственного комплекса, состоящего из производственных объединений, промышленных предприятий, научно-исследовательских, конструкторских, проектно-конструкторских, технологических организаций и предприятий.

Низовым звеном системы управления промышленными отраслями наряду с предприятиями стали производственные объединения. По данным ЦСУ СССР, на 1 января 1974 г. в промышленности страны имелось 1425 производственных объединений, куда входило 5808 производственных единиц и хозяйственно-самостоятельных предприятий. В промышленности УзССР к этому времени насчитывалось 28 производственных объединений⁶.

Цель организации производственных объединений — повышение эффективности производства. Поэтому при создании объединения учитываются технологическая общность процессов производства, территориальное расположение объединяемых предприятий и организаций, однородность выпускаемой ими продукции, наличие устойчивых кооперированных связей, необходимость комбинирования производства, комплексной переработки сырья, полной или частичной централизации производственно-хозяйственных функций (п. 5 Положения).

Учитывая, что основная цель создания объединений — их экономическая и социальная интеграция, а юридическая интеграция служит средством осуществления этих задач, Положение о производственном объединении (комбинате) предусматривает возможность включения в объединение самостоятельных предприятий и организаций, пользующихся правами, предусмотренными Положением о социалистическом государственном производственном предприятии (п. 6 Положения).

Форсированное развитие производственных объединений требует четкого понимания сущности этих объединений. По данному вопросу в нашей литературе высказываются различные точки зрения. Так, авторы монографии «Совершенствование системы внутрифирменного управления» пишут: «На наш взгляд, социалистическое производственное объединение является новым типом высококонцентрированного и специализированного предприятия, составляющее единое техническое, организационное, экономическое и имущественное целое, с единым техпромфинпланом, балансом производственных и других фондов, расчетным счетом в Госбанке, т. е. обособленным товаропроизводителем»⁷.

Такого же мнения придерживается А. Г. Певзнер, считающий, что «хозяйственная организация, состоящая из группы несамостоятельных

⁴ СП СССР, 1973, № 7.

⁵ СП СССР, 1974, № 8.

⁶ Ш. Ходжаев. Почему медленно создаются объединения, Правда, 14 января 1974 г.

⁷ Совершенствование системы внутрифирменного управления. Под ред. Т. Х. Попова, М., 1972, стр. 36.

предприятий, не может быть отнесена к категории объединения, а представляет собой укрупненное предприятие»⁸.

Итак, производственное объединение рассматривается этими авторами как один из видов предприятия.

Между тем, как правильно отмечает В. В. Лаптев, «производственное объединение не предприятие, а разновидность объединения»⁹. Нам представляется, что для определения понятия производственного объединения необходимо выделить следующие его признаки.

Во-первых, это самостоятельный единый комплекс производственных единиц.

Во-вторых, в производственных объединениях происходит централизация ряда производственно-технических и оперативно-хозяйственных функций, выполнявшихся ранее самостоятельными предприятиями¹⁰.

В-третьих, производственное объединение состоит из производственных единиц, которые, лишаясь юридической личности, вместе с тем сохраняют в значительном объеме трудовую, административную и гражданскую правосубъектность и осуществляют свою деятельность на основе хозрасчета.

Указанные признаки отличают не только производственное объединение от предприятия, но и производственную единицу от цеха. Поэтому вызывают серьезные возражения попытки отождествления входящей в объединение производственной единицы с цехом¹¹.

Прежде всего такой подход практически стирает грань между производственным объединением и предприятием, поскольку как первое, так и второе организационно превращаются в совокупность цехов, управление которыми осуществляется методами, свойственными предприятию.

Далее, входящие в производственное объединение производственные единицы имеют более сложную по сравнению с цехом внутреннюю организацию, предполагающую наличие цеховой структуры. Различие между цехом и производственной единицей заключается и в том, что цех промышленного предприятия осуществляет, как правило, однородную, узкоспециализированную деятельность, а производственные единицы выполняют несколько разнородных видов работ, предполагающих более сложную систему внутренней кооперации и, соответственно, более сложный механизм управления производством.

Что касается хозяйственного расчета производственной единицы, то, хотя он и не является полным, но существенно отличается от внутризаводского хозрасчета цеха.

Правовой режим имущества производственной единицы характеризуется наличием в ее активе основных и оборотных средств (п. 4 Положения), а также правом оперативного управления, включающим, с некоторыми ограничениями, правомочия владения, пользования и распоряжения¹². Производственной единице, расположенной вне места нахождения объединения, открывается текущий счет в учреждении Гос-

⁸ А. Г. Певзнер. Хозрасчет в производственных объединениях, М., 1968, стр. 62.

⁹ В. В. Лаптев. Экономика и хозяйственное право, Коммунист, 1975, № 1, стр. 56.

¹⁰ Э. П. Дунаев. Объединения предприятий как форма обобществления производства, М., 1974, стр. 131.

¹¹ См.: В. Мусин. Правовое положение объединений и их структурных подразделений, М., 1970, стр. 94.

¹² См. об этом: А. А. Агзамходжаев. Совершенствование управления производственными единицами, Советское государство и право, 1974, № 10, стр. 43—44.

банка СССР и может быть открыт счет финансирования капитальных вложений в учреждении Стройбанка СССР.

Специфика хозрасчета производственной единицы проявляется также в оперативной самостоятельности в решении ряда производственно-технических вопросов. Производственное объединение устанавливает производственной единице плановые показатели, совпадающие в основном с теми, которые предусмотрены для самостоятельных предприятий, переведенных на новые условия планирования и экономического стимулирования. (Исключение составляют лишь задания по капитальному строительству и внедрению новой техники, поскольку эта деятельность централизованно осуществляется объединением). Ей планируются, в частности, объем реализации продукции, исходя из утвержденных объединением условно-расчетных цен, объем производства в натуральном выражении, прибыль и рентабельность, фонд заработной платы и т. д. Подобный порядок планирования установлен, например, в Ташкентском объединении «Союзхлопкомаш» и некоторых других объединениях Узбекской ССР. Это существенно расширяет оперативно-хозяйственную самостоятельность производственной единицы по сравнению с цехом, позволяет использовать внутривозрастные резервы для достижения высоких экономических показателей.

Определенными правами, отличными от прав цехов, пользуется производственная единица и при решении вопросов организации труда и заработной платы. Так, директор производственной единицы в пределах своей компетенции наделен правом приема и увольнения с работы работников производственной единицы (п. 23 Положения).

Положение о производственном объединении (комбинате) предоставило производственной единице ряд прав в области социально-культурной деятельности. Так, жилой площадью в домах, построенных за счет средств поощрительных фондов и других собственных средств производственных единиц, полностью распоряжается сама производственная единица. Такие вопросы решаются ее администрацией по согласованию с профсоюзной организацией.

Положение о производственном объединении допускает в ограниченных масштабах и определенной форме участие производственной единицы и во внешних правоотношениях¹³. От имени объединения она заключает хозяйственные договоры (п. 11 Положения), а также получает (если расположена вне места нахождения объединения) непосредственно от органов материально-технического снабжения фонды на материальные ресурсы и самостоятельно реализует их (п. 93 Положения). В установленных пределах производственная единица выступает субъектом кредитно-расчетных отношений: осуществляет от имени объединения, а в некоторых случаях и от своего имени расчетные операции. Инструкцией Госбанка СССР от 24 июля 1973 г. ей, например, предоставлено право от своего имени производить операции с текущего счета по расчетам с однородными поставщиками за материалы непосредственного назначения, коммунальные и другие услуги (п. 7)¹⁴. От имени объединения производственная единица выписывает и сдает в банк на инкассо платежные требования за отгруженную покупателям готовую продукцию. Для осуществления таких расчетов ей открывается в месте ее нахождения расчетный субсчет объединения (п. 11 Инструкции).

И, наконец, специфика хозрасчета производственной единицы про-

¹³ В. В. Лаптев. Правовое положение объединений в промышленности, Советское государство и право, 1973, № 8, стр. 18.

¹⁴ См. «Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР», 1973, № 1.

является в существующей системе материального стимулирования, выраженной в форме ответственности и поощрения за результаты работы. В отличие от предприятия, которое само решает, давать или не давать фонды своим цехам, в производственных объединениях в обязательном порядке происходит закрепление за производственными единицами средств фондов материального поощрения, социально-культурных мероприятий и жилищного строительства, ширпотреба. Размеры этих средств определяются по определенным нормативам, в зависимости от результатов деятельности каждой единицы, а по фонду ширпотреба — от доли участия каждой единицы в производстве товаров и изделий из отходов производства (ст. 40 Положения).

Положение о производственном объединении (комбинате) устанавливает также принцип личной материальной ответственности производственных единиц за недостатки в работе и неудовлетворительное выполнение других обязательств. Так, порядок возмещения недостатка собственных оборотных средств, образовавшегося у отдельных производственных единиц в результате невыполнения ими плана прибыли или осуществления сверхплановых расходов, финансируемых из прибыли, определяется объединением с учетом того, что этот недостаток должен восполняться в первую очередь за счет производственной единицы, у которой он образовался, в том числе за счет снижения размера выделяемых производственной единице средств экономического стимулирования в пределах до 30%. Все это существенно повышает роль коллективных форм материального стимулирования результатов хозяйственной деятельности.

Таким образом, хозрасчет производственной единицы не может быть сведен к внутривзаводскому. Это новая форма хозрасчета, промежуточная между полным и внутренним хозрасчетом.

Исходя из сказанного, можно утверждать, что производственная единица выступает своеобразным субъектом права нового типа, который занимает промежуточное положение между предприятием и его подразделениями¹⁵.

В-четвертых, объединение производственных единиц и самостоятельных предприятий в единый комплекс (производственное объединение) происходит по отраслевому признаку.

В-пятых, особенность таких объединений состоит в том, что они возникли в результате широкого развития процессов специализации, концентрации и кооперирования в промышленности.

Суммируя рассмотренные существенные черты производственного объединения, можно дать следующее определение этой новой организационно-хозяйственной единицы низового звена системы управления отраслью промышленности: производственное объединение есть единый производственно-хозяйственный комплекс, в состав которого входят фабрики, заводы, научно-исследовательские, конструкторские, проектно-конструкторские, технологические организации и другие предприятия, взаимосвязанные общим разделением труда, специализацией и кооперацией, с централизацией ряда производственно-технических и оперативно-хозяйственных функций.

Положение о производственном объединении (комбинате) установило, что руководство им осуществляется аппаратом управления головного завода, головной фабрики (головной производственной единицы), а в отдельных случаях, с разрешения Правительства СССР, руковод-

¹⁵ В. В. Лаптев. Правовое положение производственного объединения (комбината) и производственных единиц, Советское государство и право, 1974, № 9, стр. 58.

ство объединением может осуществляться специальным аппаратом управления (ст. 17 Положения).

Права и обязанности генерального директора производственного объединения, а также директора производственной единицы определяются в пределах компетенции соответствующих организаций. Руководитель рассматривается как должностное лицо производственного объединения или производственной единицы, осуществляющее права и обязанности, закрепленные за производственным объединением или производственной единицей. Таким образом, продолжается традиция, которая сложилась и получила отражение в Положении о предприятии¹⁶.

В производственных объединениях, в отличие от других типов объединений (трестов и т. п.), в значительной степени изменяется характер деятельности линейных органов управления¹⁷. С одной стороны, наделяются большими правами генеральные директора объединений, с другой, — вследствие централизации ряда хозяйственных функций значительно уменьшается компетенция руководителей объединяемых предприятий. Нахождение рационального варианта распределения полномочий между генеральным директором и директорами объединяемых предприятий — сложная задача, по-разному решаемая в различных объединениях. Но отправным пунктом в решении ее выступает положение о том, что управление по своей системе и организационно-техническому уровню должно соответствовать требованиям производства и способствовать повышению производительности труда в объединении. Чрезмерная централизация, как и излишняя децентрализация, ведет к снижению эффективности управленческой деятельности, возникновению отрицательных тенденций в системе управления производством.

В этой связи ряд возражений вызывает организация структуры управления в производственном объединении искусственных и натуральных кож «Узбекистан». Хотя объединение было создано в 1966 г., оно еще не имеет четкого распределения функций управления между генеральным директором и директорами производственных единиц. Отчетливо видна огромная перегрузка генерального директора основными управленческими функциями. При наличии его заместителей (главного инженера, главного экономиста, заместителя директора по капитальному строительству, заместителя директора по коммерческим вопросам), возглавляющих руководство комплексных служб и подразделений объединения, на генерального директора непосредственно выходит ряд отделов и служб (отдел управления и контроля за качеством, производственно-диспетчерский отдел, отдел кадров, юридический отдел).

Представляется, что при построении структуры управления в производственных объединениях необходимо исходить из целесообразности частичного освобождения генерального директора от оперативной деятельности по управлению производством, перенесения центра тяжести в решении текущих вопросов на его заместителей, а также директоров производственных единиц.

Одно из важных условий эффективного функционирования органов управления — их рациональная структурно-штатная форма. Структурой органа государственного управления принято считать состав его внутренних подразделений, их соотношение и виды взаимодействия. Термин «штаты» означает «как перечень наименований и количество должностей», так и «реальную штатную численность единиц по каждой

¹⁶ В. В. Лалтев. Правовое положение производственного объединения (комбината) и производственных единиц, стр. 58.

¹⁷ Совершенствование системы внутрифирменного управления, стр. 66.

должности»¹⁸. Анализ структуры аппарата ряда объединений Узбекской ССР показывает, что при переходе на новую форму управления не был решен ряд вопросов. По сложившимся традициям, главному экономисту производственного объединения должны быть подчинены: планово-экономический отдел; отдел труда и заработной платы; соответствующие профилю работы этих двух отделов заводские лаборатории, бюро; финансовый отдел. В объединении же «Узбекистан» финансовый отдел подчиняется главному бухгалтеру, а в объединении «Союзхлопкомаш» — заместителю генерального директора по общим вопросам. Конструкторское бюро в объединении «Узбекистан» подчинено заместителю главного инженера, а в «Союзхлопкомаше» — главному инженеру.

Нередко «привычные» для органа функции не имеют в объединениях соответствующей организационной основы в виде структурного звена либо отдельной должности, и их выполнение возлагается на других работников¹⁹. Так, в объединении «Узбектекстильмаш» отсутствует должность главного экономиста как руководителя всей экономической работы. Плановый отдел, отдел труда и заработной платы, бухгалтерия подчинены непосредственно генеральному директору, а финансово-сбытовой отдел — заместителю директора по общим вопросам.

Как видно, назрела необходимость научного обобщения практики организации управления производством в объединениях и разработки типовых структур их аппарата управления.

В связи с развитием производственных объединений возник новый орган коллегиального управления — совет объединения, предназначенный для рассмотрения наиболее важных для развития объединения производственных, технических, организационных и экономических вопросов. Надо сказать, что совет объединения в том виде, как он действует в производственных объединениях, является не общественной организацией (в отличие, например, от производственного совещания), а административным органом с совещательными функциями. Большое значение его объясняется тем, что он состоит в основном из высоких должностных лиц, а также представителей профкома. Это позволяет совету объединения выносить глубоко обоснованные предложения и высказывать компетентное мнение по различным вопросам. Наличие коллегиального органа, состоящего при единоначальном руководителе, составляет один из существенных отличительных признаков структуры аппарата управления производственного объединения от структуры аппарата управления предприятия. Создание совета объединения стало шагом вперед в совершенствовании управления производством, дальнейшем развитии ленинского принципа демократического централизма в руководстве народным хозяйством.

В заключение следует отметить, что после выхода в свет постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 2 марта 1973 г. и утверждения Положения о производственном объединении (комбинате) большинство организационных, правовых и финансовых вопросов решено, но некоторые аспекты требуют дальнейшего определения.

Во-первых, нуждается в уточнении регулирование ответственности производственных единиц по заключаемым ими договорам. Сейчас производственная единица может заключать от имени объединения хозяйственные договоры. При этом право заключения их предоставлено

¹⁸ А. А. Сергиенко. Оптимизация структуры и штатов органов управления, в кн. «Проблемы эффективности работы управленческих органов», М., 1973, стр. 150.

¹⁹ Там же, стр. 159.

именно производственной единице, а не ее руководителю. В данном случае она действует как обособленная часть единого целого, как субъект права, самостоятельно выступающий от имени всего производственно-хозяйственного комплекса²⁰. Поэтому вряд ли обоснованно прямое возложение ответственности по таким договорам на объединение в целом.

Поскольку производственная единица имеет закрепленные за нею средства, правильнее было бы установить, что по своим обязательствам она должна отвечать прежде всего закрепленным за нею имуществом и лишь при недостаточности его дополнительную (субсидиарную) ответственность несет объединение в целом. Такое разграничение имущественной ответственности объединения и производственных единиц будет полнее отвечать интересам дела. Самостоятельная ответственность участников объединения по своим обязательствам стимулирует лучшее ведение дела, совершенствование производственного и управленческого процесса внутри объединения.

Во-вторых, необходимо внести достаточную ясность в отношении хозрасчета производственной единицы. Надо раскрыть понятие «на началах хозрасчета», примененное в Положении в отношении производственной единицы, и издать общесоюзные методические указания о хозрасчете производственных единиц, где целесообразно изложить методические принципы регулирования внутривозрастных отношений, дать рекомендации по формированию схем хозрасчета (с учетом специфических условий производства) и определению хозрасчетных поощрений и санкций²¹.

В-третьих, как уже сказано, в связи с созданием производственных объединений возникла новая специфическая форма демократизации процесса подготовки решений — совет объединения. Повышению авторитета и ответственности его способствовало бы введение порядка, по которому кандидатуры директоров предприятий и организаций, а также руководителей объединения до утверждения их на коллегии министерства получали одобрение совета объединения.

В условиях хозяйственной реформы проявляются предпосылки для постепенного отказа от совещательного характера совета объединения. В частности, по определенному кругу вопросов его решения должны носить не рекомендательный, а обязательный характер. К ним относятся, например, утверждение проектов пятилетних и годовых планов объединения, централизация некоторых производственно-хозяйственных функций предприятий при аппарате объединения или в специализированных организациях, установление предприятиям нормативов образования поощрительных фондов, размеры централизованных фондов и резервов и сметы их расходования, выявление внутри объединения победителей социалистического соревнования.

Положение устанавливает, что при наличии разногласий между генеральным директором (директором) и советом объединения по вопросам, обсуждаемым на заседании совета, генеральный директор (директор) проводит в жизнь свое решение. На наш взгляд, в целях расширения компетенции совета объединения необходимо вменить генеральному директору в обязанность информировать об этих разногласиях вышестоящий орган.

В-четвертых, при образовании объединений в Узбекской ССР в дальнейшем необходимо полнее учитывать технологическую общность

²⁰ В. В. Лаптев. Экономика и хозяйственное право, стр. 57.

²¹ А. А. Агзамходжаев. Совершенствование управления производственными единицами, стр. 42.

процессов производства, территориальное расположение объединяемых предприятий и организаций, однородность выпускаемой ими продукции и т. д. (п. 5 Положения). В противном случае образование некоторых объединений не дает ощутимого эффекта. Так получилось, например, с узбекским объединением «Электротерм», куда вошли четыре завода. Если до укрупнения Наманганский трансформаторный и Ташкентский электромашиностроительный заводы выполняли все плановые задания, то теперь они иногда не справляются с производственной программой.

Преимущества объединений не могут проявиться сами по себе, в результате самого факта их создания. Полная реализация этих преимуществ требует рационального формирования объединений и большой последующей работы, направленной на развитие прогрессивных форм организации производства, развертывание научно-технической базы, совершенствование хозрасчетного механизма и системы управления.

М. Р. Соҳибоева

ИШЛАБЧИҚАРИШ ҚОРХОНАЛАРИНИ РИВОЖЛАНТИРИШДАГИ ЯНГИЛИК

Ушбу мақолада социалистик ишлабчиқариш қорхоналарини ривожлантиришдаги янгилик ҳақида гап боради.

А. СЫДДИКОВ

**К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ МЕТОДИКИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ
ЧИСТОГО ДОХОДА КОЛХОЗОВ**

В экономическом анализе, планировании и руководстве развитием колхозного производства важное значение имеет правильная оценка (определение) таких результативных экономических показателей, как валовая продукция, валовой и чистый доход колхозов, от объема которых зависят дальнейшее укрепление экономики колхозов, подъем благосостояния колхозного крестьянства и всего советского народа.

В последнее время в нашей экономической литературе высказываются различные точки зрения по вопросам методики определения (исчисления) показателей чистого дохода колхозов. Здесь мы попытаемся критически рассмотреть некоторые из них, а также обосновать необходимость учета остающейся внутри хозяйств части продукции по себестоимости, включения в состав чистого дохода отчислений в централизованный фонд социального страхования, процента за пользование ссудами и кредитами Госбанка и иных отчислений, которые в настоящее время учитываются в себестоимости продукции, что ведет к искусственному занижению объемов чистого дохода колхозов.

Как известно, важная особенность сельскохозяйственного (в частности, колхозного) производства состоит в том, что значительная часть продукции его не попадает в сферу товарного обращения, а используется внутри хозяйства для производственного и личного потребления. Это во многом влияет на формирование стоимости продукции, ценообразование и чистого дохода в колхозах.

Производство и реализация чистого дохода имеют важное значение для развития каждого колхоза, где процесс воспроизводства зависит прежде всего от собственных доходов.

В докладе на XXIV съезде КПСС А. Н. Косыгин говорил, что «дальнейший рост общественного хозяйства в колхозах и совхозах во многом будет зависеть от... совершенствования распределения доходов, более широкого применения принципов хозрасчета...»¹

Характерная особенность воспроизводственного процесса в колхозах заключается в том, что здесь производственные фонды формируются за счет собственных средств, что усиливает роль и значение чистого дохода как решающего источника развития колхозной экономики. Следовательно, колхозы могут развивать свое хозяйство на расширенной основе лишь при достаточной для этого массе чистого дохода, а также правильном и целевом его распределении.

В экономической литературе различаются произведенный и реализованный чистый доход колхозов. Согласно марксистско-ленинской теории, произведенным чистым доходом следует считать всю стоимость

¹ Материалы XXIV съезда КПСС, М., 1971, стр. 157—158.

прибавочного продукта, созданного в общественном хозяйстве данного колхоза, и величина его определяется массой вложенного труда.

При определении (исчислении) величины произведенного чистого дохода все элементы стоимости валовой продукции и производственных затрат должны быть оценены по стоимости. Однако в настоящее время стоимость сельскохозяйственной продукции учитывается неточно, недостаточно разработана методика исчисления валовой продукции по всем элементам производственных затрат колхозного производства, что и обуславливает лишь приближенное определение величины чистого дохода.

Наряду с определением произведенного чистого дохода, необходимо также исчисление реализованного чистого дохода, отражающего хозрасчетные отношения в колхозах. Реализованный чистый доход отличается от произведенного. Разница между ними во многом зависит от уровня цен, по которым реализуется продукция колхозного сектора. Из общей суммы созданного в колхозах чистого дохода часть его через механизм цен, устанавливаемых ниже уровня общественной стоимости, и в виде подоходного налога поступает в распоряжение государства, а другая часть остается в колхозе и идет на удовлетворение внутренних потребностей хозяйства.

Для практической деятельности колхозов исключительное значение имеет определение величины чистого дохода, остающегося в колхозах в денежной и натуральной формах. Чистый доход колхоза в денежной форме выступает в виде разницы между стоимостью реализованной валовой продукции и ее полной себестоимостью. Часть чистого дохода колхозы получают в натуральной форме (семена, фураж, продовольственные продукты, прирост и привес скота и т. п.) и используют их на хозяйственные нужды, удовлетворение общественных потребностей колхоза и т. д.

Для правильного исчисления чистого дохода колхозов прежде всего необходимо определить объем валовой продукции наиболее приемлемым и практически осуществимым методом ее оценки, обеспечивающим наиболее точное отражение происходящих в колхозах экономических процессов.

Совокупная стоимость всей продукции, произведенной трудом колхозников за определенный период (например, за год), составляет валовую продукцию колхоза. Сюда входят стоимость собственной продукции растениеводства и животноводства, прирост стоимости производственных сооружений, многолетних насаждений за счет вложения труда и средств, прирост незавершенного на конец года производства.

Стоимость валовой продукции складывается из трех частей: первая часть, равная стоимости израсходованных средств производства, предназначена для их последующего возмещения; вторая — стоимость необходимого продукта, обеспечивающего воспроизводство рабочей силы; третья — стоимость прибавочного продукта, используемого на расширение общественного хозяйства, удовлетворение общественных потребностей колхозников, создание социально-культурных фондов, а также удовлетворение общественных потребностей всего народа путем отчислений в централизованный общественный фонд.

Большая часть произведенной валовой продукции в колхозах принимает товарную форму, которая оценивается и продается по закупочным ценам государству. Некоторая часть валовой продукции отпускается колхозникам в счет оплаты труда и реализуется на стороне. Другая часть остается в хозяйстве для производственных потребностей и выделяется как нетоварная продукция.

Указанная специфика колхозного производства обусловила различие точек зрения наших экономистов относительно методики исчисления чистого дохода колхозов. Нет единства мнений в оценке валовой продукции и той ее части, которая остается для внутреннего потребления и принимает нетоварную форму.

Одни экономисты предлагают оценивать эту часть продукции по ее себестоимости. Отсюда чистый доход колхозов должен определяться как разность между выручкой от реализации товарной продукции и ее себестоимостью.

Другие экономисты полагают, что эту продукцию следует оценивать по государственным закупочным ценам, которые полнее отражают общественно необходимые затраты труда, общественную стоимость, чем индивидуальная себестоимость продукции колхозов. Поэтому чистый доход колхозов должен определяться как разность между стоимостью валовой продукции и затратами труда на ее производство.

Третья группа экономистов считает, что продукция, оставшаяся в колхозе для внутрихозяйственного потребления, должна оцениваться по среднереализационным ценам.

Первая точка зрения оказалась более жизненной и в настоящее время применяется в практике колхозов при исчислении реализованного чистого дохода.

Исчисление реализованного чистого дохода в колхозах по принятой методике осуществляется по формуле: $ЧД = ДВ - С$, где ЧД — чистый доход, ДВ — денежная выручка, С — себестоимость.

Такое исчисление реализованного чистого дохода по товарной продукции отражает реальное движение и использование полученной хозяйством продукции.

При определении реализованного чистого дохода в годовых отчетах колхозов вся валовая продукция принимается в следующей оценке:

- товарная продукция — по сложившимся реализационным ценам;
- продукция, выданная колхозникам в счет оплаты труда, — по государственным закупочным ценам;
- часть продукции, предназначенная для внутрихозяйственного потребления, — по фактической себестоимости.

Например, чистый доход колхоза «Ленин юлы» Каттакурганского района Самаркандской области за 1973 г., исчисленный существующим методом, выразился (по основному производству) в следующем объеме:

	тыс. руб.
Всего валовой продукции	3199,3
Все материальные и денежные затраты	875,1
Валовой доход колхоза	2324,2
Определено к выдаче оплаты труда	1326,9
Отчисления в централизованный союзный фонд социального обеспечения и социального страхования	147,9
Чистый доход	849,4

Как видим, исчисление чистого дохода в колхозах производится на основе разной оценки различных частей валовой продукции. Это и порождает различие точек зрения наших экономистов по вопросу методики исчисления чистого дохода колхозов.

На наш взгляд, существующая методика исчисления стоимости части оставшейся продукции в колхозах по себестоимости теоретически обоснована: она обеспечивает правильный анализ экономики колхозов и облегчает внедрение хозрасчета.

При определении объема реализованного чистого дохода величину той части продукции, которая предназначена на внутрихозяйственные потребности, следует определять по себестоимости, в противном случае мы будем исчислять мнимые, нереальные величины, и анализ деятельности колхозов на их основе также окажется условным, нереальным.

Чтобы показать неправомочность позиции экономистов, предлагающих оценивать оставшуюся часть продукции по среднереализационным ценам, мы рассчитали объем чистого дохода колхоза «Ленин юлы» по их методике.

Так, в 1973 г. объем оставшейся там части валовой продукции по себестоимости составил 61 236 руб., а по среднереализационным ценам — 83 580 руб., или на 22 344 руб. больше. Соответственно увеличивается и объем валовой продукции, а также чистого дохода колхоза. Подобная оценка мешает правильному анализу результатов хозяйственной деятельности колхозов и осуществлению полного хозрасчета.

Величина чистого дохода зависит от правильной методики определения не только стоимости, но и себестоимости валовой продукции.

В настоящее время среди экономистов нет единого мнения относительно включения в себестоимость непрямых расходов.

При существующей методике исчисления себестоимости продукции в нее включаются и те затраты, которые непосредственно не связаны с производством и представляют собой часть прибавочного продукта. Это — страховые платежи, отчисления в централизованный союзный фонд социального обеспечения, проценты за пользование ссудой и кредитами Госбанка, штрафы и т. д.

На наш взгляд, при исчислении себестоимости продукции необходимо исходить только из производственных затрат, ибо в формировании затрат на производство продукции платежи по страхованию имущества, скота, посевов не принимают прямого участия, и включение их в себестоимость теоретически необоснованно. Об экономическом содержании страховых фондов К. Маркс писал: «Это — единственная часть дохода, которая не потребляется как доход и не служит обязательно фондом накопления. Служит ли оно фактически как фонд накопления или лишь покрывает недочеты воспроизводства, это зависит от случая. Это также единственная часть прибавочной стоимости и прибавочного продукта, а следовательно, и прибавочного труда, которая наряду с частью, служащей для накопления, следовательно, для расширения процесса воспроизводства, должна сохраняться и по уничтожении капиталистического способа производства»².

По нашему мнению, страховые платежи должны возмещаться за счет чистого дохода, как источника образования страховых фондов. Страховой фонд как указывал К. Маркс, есть часть прибавочного продукта, и источником его образования должен быть прибавочный продукт, находящий отражение в масштабе хозяйства в виде чистого дохода. Следовательно, неправильно включать страховые платежи в себестоимость продукции; их следует считать отчислениями от чистого дохода в резервный фонд.

К спорным вопросам исчисления себестоимости продукции колхозов относится также включение в нее отчислений в централизованный союзный фонд социального обеспечения и отчислений на социальное страхование колхозников.

² К. Маркс. Капитал, т. III, М., 1970, стр. 861.

До 1965 г. расходы, связанные с пенсионным обеспечением колхозников, и выплаты по временной нетрудоспособности не включались в себестоимость продукции. Они финансировались из специальных фондов, источником формирования которых был чистый доход. С 1965 г. за счет чистого дохода формируется только внутриколхозный фонд социального обеспечения, а отчисления на социальное страхование включаются в себестоимость продукции. Естественно, возникает вопрос — в чем различие в экономической сущности пенсий и пособий, выплаченных по линии государственного социального обеспечения и социального страхования, и выплаченных колхозами из фонда социального обеспечения и материальной помощи?

На наш взгляд, такого различия между ними нет. Экономическая природа их одна и та же, источник формирования также один — чистый доход. Следует отметить, что в балансе народного хозяйства эти отчисления находят отражение в прибавочном продукте, так что их следует не включать в себестоимость продукции, а показывать при распределении чистого дохода.

Не участвуют в формировании затрат на производство продукции проценты на ссуды и кредиты Госбанка, штрафы, пени и т. п. Эти расходы являют собой часть чистого дохода и должны включаться в себестоимость продукции.

Все это, на наш взгляд, следует учитывать для правильного в научном и методологическом отношении исчисления объемов валовой и чистой продукции в колхозах, что будет способствовать дальнейшему повышению эффективности колхозного производства в условиях развитого социализма.

А. Сиддиқов

**КОЛХОЗЛАРНИНГ СОФ ДАРОМАДИНИ АНИҚЛАШ УСУЛИНИ
ТАКОМИЛЛАШТИРИШГА ДОИР**

Бу мақолада колхозларнинг соф даромадини аниқлаш усулини такомиллаштириш баён қилинади.

К 1100-летию Фараби

М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ

О НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ АБУ НАСРА ФАРАБИ

В 1975 г. советский народ и вся прогрессивная общественность мира отмечают 1100-летие со дня рождения крупнейшего мыслителя средневекового Востока Абу Насра Фараби — ученого-энциклопедиста, Аристотеля своей эпохи, философа-гуманиста, внесшего большой вклад в развитие общественно-философской мысли и мировой культуры.

Трактаты Фараби по различным вопросам средневековой науки изданы во многих странах. О его творчестве и научном наследии опубликовано большое количество исследований¹.

Крупнейший мыслитель средневековой Средней Азии Фараби (873—950) оставил богатейшее творческое наследие. Почти все историки философии, как мусульманские, так и западноевропейские, пытались определить число трактатов Фараби, но и по сей день не пришли к единому мнению. Перечень произведений Фараби имеется у средневековых историков ал-Байхаки, ал-Кифти, ан-Надима, Ибн Усайбийи и европейских исследователей: Хортена, Дитерици, Штейншнейдера, Брокельмана и многих других². По их данным, общее количество сочинений Фараби колеблется между 80 и 130.

Последняя и, пожалуй, лучшая работа по данному вопросу — библиография трактатов Фараби турецкого ученого Ахмеда Атеша. Он приводит названия 160 работ Фараби, привлекая их рукописи, имевшиеся в библиотеках и книгохранилищах Стамбула³. Однако составление библиографии трудов Фараби пока еще нельзя считать завершенным.

Сбор сведений о сочинениях Фараби связан с большими трудностями: они разбросаны по всему свету, в различных книгохранилищах,

¹ M. Steinschneider. Al-Farabi, S.-Pib., 1869; Y. Madkour. La place d'al Farabi dans l'ecole philosophique musulmane, Paris, 1934; O. Farroukh. The two Farabis, Beirut, 1950 (на араб. яз.); R. Hammond. The philosophy of Alfarabi and its influence on medieval thought, N. Y., 1947; U. Kumeir. Al-Farabi. Dirasa mukhtara, Beirut, 1954 (на араб. яз.); H. G. Farmer. Al-Farabi's arabic-latin writings on music, N. Y., London, Frankfurt, 1969; A. Ates. Farabinin eserlarinin bibliografyasi, Türk tarih kurumu, c. XV, Ankara, 1951, N 57; С. Н. Григорян. Средневековая философия народов Ближнего и Среднего Востока, М., 1966; М. М. Хайруллаев. Фараби и его философские трактаты, Ташкент, 1963; его же. Мирозрение Фараби и его место в истории философии, Ташкент, 1967; его же. Фараби — крупнейший мыслитель средневековья, Ташкент, 1973; А. К. Кубесов. Математическое наследие Аль-Фараби, Алма-Ата, 1974, и др.

² В нашей книге «Фараби и его философские трактаты» (на узб. яз.) тоже дан перечень известных работ Фараби (стр. 117, 119). См. также: Б. В. Лунии. Библиографический указатель советской литературы об Абу Насре Фараби и изданий текстов его произведений в СССР, Общественные науки в Узбекистане, 1973, № 6, стр. 88—95.

³ А. Атеc. Указ. соч., стр. 125—192.

государственных и личных рукописных фондах Ленинграда, Москвы, Ташкента, Душанбе, Баку, Казани, Каира, Бейрута, Дамаска, Стамбула, Берлина, Лейдена, Лондона, Парижа, Мадрида, Нью-Йорка, Хайдарабада, Тегерана и многих других городов.

В странах «мусульманского» Востока трактаты Фараби пользовались большим спросом среди образованных людей. Рукописи их расходились по разным городам и странам и неоднократно переписывались полностью или фрагментарно. Захириддин Байхаки еще в XII в. писал: «Я видел в библиотеке, названной Накибун Нукаба, в Рее (Тегеран) некоторые редчайшие книги Абу Насра, и многие из тех, что я видел, были его собственными рукописями, написанными самим Фараби и рукою его ученика Аби Закария Яхё бин Ади».

Историк XV в. Мирхонд в работе «Равзатус-Сафо» указывал, что в Бухаре, в библиотеке Нуха бин Мансур Самани, имелось очень много неизвестных сочинений Фараби, которыми затем усердно пользовался Абу Али ибн Сина. Турецкий историк медицины Сухейл Анвар свидетельствует, что в Исфахане, в библиотеке «Суван ул-хикма», хранится рукопись «Ат-таълим ас-сани», написанная рукой самого Фараби⁴.

Сочинения Фараби переведены с арабского на многие языки мира — русский, английский, французский, испанский, немецкий, персидский, турецкий, узбекский и др. Многие из них еще в XII—XIII вв. были переведены на древнееврейский и латинский языки, и отдельные его работы дошли до нас только в этих переводах.

Сочинения Фараби различны по своему объему: есть и трактаты, состоящие из 2—3 страниц, и работы, сравнительно обширные (особенно его фундаментальный труд — «Книга воззрений жителей добродетельного города», включающая 37 самостоятельных глав), и небольшие самостоятельные высказывания дидактического характера, и несколько стихов.

Сочинения великого ученого-мыслителя охватывают почти все отрасли средневековой науки и в своей совокупности составляют подлинную энциклопедию знаний той эпохи. Но больше всего Фараби привлекали теоретическая сторона различных наук, их философский смысл. Даже рассматривая отдельные конкретные вопросы той или иной научной дисциплины, он подходил к ним не как эмпирик, а как теоретик, философ.

В области медицины, например, его интересовали общие принципы возникновения болезней и сохранения здоровья человеческого организма. В математике он обращал внимание не на решение конкретных задач, а на происхождение и раскрытие природы математических понятий, категорий, их взаимоотношения с другими видами человеческого познания, их место в общей системе наук.

Т. Буур характеризует метод Фараби как дедуктивно-рационалистический, в отличие от индуктивно-экспериментального, натурфилософского метода ар-Рази, и на этой основе стремится подчеркнуть противоположность по содержанию и общей направленности философских воззрений двух выдающихся мыслителей средневекового Востока⁵.

Однако другой буржуазный исследователь — Карра де Во считает, что философские идеи ар-Рази и Фараби — две стороны одной общей системы, и тем самым подчеркивает общую цель их учений. Он пишет: «Т. И. Буур считает возможным находить резкую противоположность

⁴ A. Suheil Unver. Tib tarihi, Istanbul, 1943, s. 83.

⁵ См.: De Voer. History of philosophy in Islam, London, 1903.

между учением Фараби и других членов этой философской школы, а именно знаменитого Рази, современника Фараби, с которым он иногда polemизирует. По Бууру, эта противоположность состоит в том; что система Фараби является дедуктивно-рациональной, построенной целиком на основе абстрактной логики, тогда как философия Рази — экспериментально-индуктивная и в основном занимается конкретными вопросами. Я, однако, не хочу этим сказать, что мы имеем здесь две диаметрально противоположные (действительно противоположные) системы, а именно, что у Рази, выдающегося врача и естествоиспытателя, более выступают вперед конкретные вопросы, тогда как у Фараби, более предрасположенного к логике, математике и мистической спекуляции, выступает вперед абстрактная сторона»⁶.

Подобная критика одного известного буржуазного исследователя другим, разумеется, не может дать нам достоверный материал для правильной характеристики мировоззрения Фараби. Но если учесть, что некоторые восточные и западные буржуазные авторы считают Рази натурфилософом-материалистом, а клерикально-мусульманские авторы — крупным еретиком, то утверждение Карра де Во о том, что системы Фараби и ар-Рази не противоречат и не исключают друг друга, служат характеристике Фараби как прогрессивного мыслителя.

Исследователи Фараби давно уже предлагали различные варианты классификации его работ, исходя из их научной направленности. В связи с широко распространенным у буржуазных авторов, а порой еще встречающимся и в нашей литературе неправильным мнением, якобы Фараби был в основном комментатором Аристотеля, нам представляется необходимым разделить все трактаты Фараби прежде всего на две группы:

I. Трактаты, посвященные комментированию, пропаганде и изучению научного наследия древнегреческих философов и естествоиспытателей.

II. Трактаты, в которых самостоятельно разрабатываются различные проблемы тех или иных отраслей средневековой науки и изучаются отдельные вопросы общественно-философской мысли.

Следует подчеркнуть, что достижения греческой естественнонаучной мысли и общественно-философских идей в условиях господства религиозной ортодоксии служили важным источником просвещения и распространения светских знаний. Прогрессивные люди средневековья хорошо понимали значение греческой мудрости для свободы мышления и потому уделяли большое внимание пропаганде ее достижений и использованию их в целях разработки и развития научных идей. В этом важном деле виднейшую роль сыграл Абу Наср Фараби.

Фараби написал комментарии почти ко всем сочинениям Аристотеля: по логике («Первая аналитика», «Вторая аналитика», «Об истолковании», «Топика», «Категории»), естественнонаучным трудам, «Этике», «Риторике», «Поэтике», «Метафизике», «Софистике» и т. д. Помимо этого, он предпослал комментарии к «Алмагесту» Птолемея, «О душе» Александра Афродезийского, к отдельным главам «Геометрии» Евклида, «Исагоге» Порфирия и др.

Комментарии Фараби нельзя рассматривать просто как объяснения и примечания к существующим текстам. До него переводами и комментированием греческих философов занимались Хунайб ибн Исхак, ал-Мукаффа, ал-Кинди и др. Но эти переводы и комментарии были далеко не совершенными, каждый переводил и комментировал источ-

⁶ В. Carra de Vaux. Al-Farabi, The Encyclopedia of Islam, vol. 2, p. 53—55.

ники по-своему, научная и тем более философская терминология не была разработана и т. д. Е. Э. Бертельс по этому поводу пишет: «Нужно заметить, что эту (комментаторскую.— М. Х.) работу Фараби отнюдь не следует рассматривать как совершенно неоригинальную и подражательную. Первые арабские переводы Аристотеля были далеко несовершенны. Переводчикам мешало отсутствие научной терминологии, они зачастую, не умея справиться с текстом, сохраняли синтаксическую структуру греческого оригинала и, таким образом, делали текст совершенно непонятным для арабского читателя. Только работы Фараби обеспечили правильное понимание древней науки»⁷.

В описываемый нами период были известны три вида комментариев:

а) большой комментарий, где по каждой главе и разделу комментируемого произведения отдельно приводятся цитаты — высказывания автора, а затем, шаг за шагом, дается объяснение им;

б) средний комментарий, где цитируются только первые слова текста каждого параграфа комментируемого сочинения, а остальные объясняются;

в) малый комментарий — парафраз, или анализ комментируемого произведения, где комментатор говорит только от своего имени. Он излагает учение комментируемого философа, прибавляя или опуская что-либо, приводя из других трактатов то, что может пополнить данную мысль, устанавливая порядок по своему выбору.

По словам Э. Ренана, парафраз — это оригинальное сочинение под тем же заглавием, что и сочинение комментируемого автора. Далее Ренан указывает, что форма «большого комментария принадлежит Ибн Рошду, а предшествовавшие ему философы — Авиценна и аль-Фараби — не употребляли другой формы комментария, кроме парафраза»⁸.

Следовательно, парафразы отражают не только тематику и общее содержание рассматриваемого сочинения, но, скорее всего, мысли, воззрения, идеи самого автора, избравшего данное сочинение.

Известно, что комментарии к отдельным трудам Аристотеля составляли ал-Кинди, Фараби, Ибн Рошд и др. Подобное возвращение к одному и тому же тексту не могло быть вызвано лишь педагогическими соображениями и желанием выявить свои способности и познания в области греческой философии. Такие комментарии-парафразы в отдельных случаях становились комментарием комментария к какому-либо произведению, своеобразной формой выражения творческой мысли и ведения научной дискуссии.

Парафразы Фараби к произведениям Аристотеля не только способствовали широкому распространению идей великого Стагирита, но и в пределах тематики его произведений давали богатый материал для изучения общественных-философских воззрений самого Абу Насра. Они отражают как отношение Фараби к Аристотелю, так и (в еще большей степени) его отношение к различным философским проблемам.

Комментарии-парафразы Фараби сыграли огромную роль в распространении греческой естественно-научной мысли и передовых философских идей, широком изучении наследия Аристотеля, развитии аристотелизма в процессе постепенного освобождения от реакционных воззрений Платона и неоплатонизма.

Комментарии Фараби имели важное значение для формирования мировоззрения прогрессивных мыслителей Ближнего и Среднего Востока, воспитания их в духе материалистических идей Аристотеля. Об

⁷ Е. Э. Бертельс. Избранные сочинения, т. I, стр. 112.

⁸ Э. Ренан. Собрание сочинений, т. VIII, Киев, 1908, стр. 43—44.

этом свидетельствует характерный факт из жизни Абу Али ибн Сины — продолжателя дела Фараби, крупного представителя восточного аристотелизма.

Говоря о тех отраслях знания, которые ему приходилось изучать в юности, Ибн Сина сообщал в автобиографии: «Прочитал я книгу «Метафизика»⁹, но не понял ничего, и намерения ее автора остались для меня сокрытыми. Хотя я все сызнова брался за эту книгу и читал ее, пока не выучил наизусть, но по-прежнему ничего не понимал. Я отчаялся (в возможности) понять ее и говорил себе: непонятная эта книга. И вот однажды проходил я по базару переплетчиков; торговец громким голосом расхваливал книгу. Он предложил ее мне, я раздраженно ответил ему и сказал про себя: нет в этой науке пользы, непонятная она. Продавец настаивал: купи эту книгу, дешево отдам, а владелец ее нуждается. Купил я ее за три дирхема, вижу — это книга Абу Насра Фараби «Тезисы метафизики»¹⁰. Я поспешил домой и начал читать ее. Двери основных мыслей этой книги раскрылись передо мной, и все трудности разъяснились. Возрадовался я этому случаю и на другой день в благодарность за это раздал нуждающимся обильные подаяния»¹¹.

Этот факт свидетельствует о большом значении парафразов Фараби в изучении и пропаганде творческого наследия гениального эллина. И прав был Ф. Дитеричи, подчеркивая, что «собственно, начиная с Фараби, укрепляется в арабской философии авторитет Аристотеля»¹².

Несмотря на огромную важность парафразов Фараби, на то, что они являются самостоятельными произведениями и в них в значительной мере проявляются личность и мировоззрение их автора, в глазах буржуазных исследователей они все же остаются «комментариями». Поэтому в буржуазной историко-философской литературе Фараби характеризуется главным образом как комментатор Аристотеля, а его роль создателя многочисленных оригинальных философских сочинений, где выдвинуты и решены с передовых позиций новые для того времени актуальные проблемы, в сущности замалчивается или в лучшем случае освещается крайне скудно.

А ведь комментарии составляют лишь некоторую часть богатого научного наследия Фараби. На наш взгляд, составление комментариев к произведениям греческих философов и написание различных сочинений о них — это первый этап научной деятельности Фараби, отражавший определенную стадию развития его философских интересов. Подобная деятельность стала для него хорошей школой и положила начало самостоятельным исследованиям по актуальным проблемам средневековой общественно-философской мысли.

Большинство дошедших до нас трудов Фараби оригинальны как по тематике, так и по содержанию. Появление их, на наш взгляд, связано со вторым этапом его деятельности, периодом его научной зрелости, расцвета творческой самостоятельности и исследовательских способностей.

⁹ «Метафизика» — одно из основных сочинений Аристотеля.

¹⁰ Очевидно, имеется в виду небольшой трактат Фараби под названием «Разъяснение о цели Аристотеля в книге «Метафизика». Здесь Фараби в предельно ясной, лаконичной форме показывает сущность и задачи «Метафизики» Аристотеля, природу метафизических проблем в целом и содержание каждой главы.

¹¹ См. «Материалы по истории прогрессивной общественно-философской мысли в Узбекистане» (пер. Э. Э. Бертельса), Ташкент, 1957, стр. 119.

¹² F. Dieterici. Alfarabis philosophische Abhandlungen, Leiden, 1890, S. XV.

К сожалению, нам неизвестны даты написания того или иного сочинения. Есть лишь сведения, что «Книгу воззрений жителей добродетельного города» Фараби закончил незадолго до смерти, будучи уже 70-летним старцем.

По содержанию произведения Абу Насра Фараби можно разделить на следующие группы:

1) трактаты по общефилософским проблемам, т. е. посвященные общим свойствам, законам и различным категориям. Это — «Слово о субстанции», «Существа вопросов», «Книга о законах», «Книга о постоянстве движения Вселенной» и др.;

2) трактаты по философским аспектам познавательной деятельности человека, т. е. о формах, ступенях и способах познания. К ним примыкают работы по различным проблемам логики, которым Фараби уделял большое внимание. Сюда можно отнести, например, сочинения: «О смысле разума», «Книга о разуме взрослых», «Книга о разуме юных», «Большая сокращенная книга по логике», «Малая сокращенная книга по логике», «Книга введения в логику», «Книга доказательства», «Книга об условиях силлогизма», «Трактат о сущности души», «Слово о сновидении» и др.;

3) трактаты о началах, предмете, содержании, тематике философии и различных конкретных наук: «Книга об определении и классификации наук»; «Книга о смысле философии», «Книга о том, что нужно знать до изучения философии», «Примечания к философии» и др.;

4) трактаты, посвященные изучению количественных, пространственных и объемных отношений материи, т. е. труды по математическим наукам — арифметике, геометрии, астрономии и музыке. К этой группе относятся: «Книга об объеме и количестве», «Книга введения к пространственной геометрии», «Книга о правильных и неправильных правилах астрологии», «Большая книга по музыке», «Слово о музыке». «Книга о классификации ритмов» и др.;

5) трактаты, рассматривающие различные свойства материи и ее виды, свойства неорганической природы, животных и человеческого организма, т. е. работы по естественным наукам: физике, химии, оптике, медицине, биологии и др. К ним относятся: «Трактат о вакууме», «Трактат об основах физики», «О необходимости искусства химии», «Трактат об органах животных», «Трактат об органах человека» и др.;

6) трактаты по лингвистике, поэтике, риторике, каллиграфии: «Книга об искусстве письма», «Книга о стихе и риторике», «О буквах и произношении», «Книга о риторике», «Книга о каллиграфии», «О словарях» и др.;

7) трактаты, посвященные общественно-политической жизни, особенностям социального строя, вопросам государственного управления, нравственности и ее критериям, проблемам воспитания, т. е. работы по политике, государствоведению, юриспруденции, этике, педагогике и другим общественным наукам. К ним относятся: «Гражданская политика», «Трактат о достижении счастья», «Книга о войне и мирной жизни»; «Книга изучения общества», «Добродетельные нравы», «Пути достижения счастья», «Афоризмы государственного деятеля», «Книга воззрений жителей добродетельного города» и др. Следует указать, что «Гражданская политика» и «Книга воззрений жителей добродетельного города» служат как бы итоговыми, обобщающими работами, где рассмотрению жизни общества предшествует краткое изложение основных философских проблем.

В наследии Фараби встречается ряд работ полемического характера, свидетельствующих о том, что он активно участвовал в научной

жизни своего времени, в спорах и дискуссиях. К подобным работам относятся, например, «Опровержение Ибн ар-Раванди по вопросу о методах дискуссий», «Опровержение Яхья ан-Нахви по вопросам о методах спора», «Опровержение против опровержения Яхья ан-Нахви Аристотеля», «Опровержение ар-Рази по вопросу метафизики» и др.

Многие трактаты Фараби вообще не сохранились, некоторые из них мы знаем только по названиям, но и в тех, которые более или менее известны, содержится богатейший материал по общественно-политической и культурной жизни средневекового Востока, поднимаются проблемы естественнонаучной и философской мысли того периода.

Фараби был и поэтом, сочинял короткие стихотворения философского содержания. Другими материалами о поэтическом творчестве Фараби мы, к сожалению, не располагаем¹³, поэтому пока можно лишь констатировать, что он писал стихи на персидском и арабском языках и что поэзия для него была средством выражения философских идей.

Огромен вклад Фараби в музыковедение. Он изобрел новый музыкальный инструмент, был исполнителем-виртуозом, композитором, крупнейшим теоретиком музыки. Источники по-разному называют изобретенный им музыкальный инструмент — «канун», «гипчак», «уд». Б. Х. Сенсуварогли, подчеркивая неопределимое историческое значение музыкального наследия Фараби, указывает, что, по мнению турецкого ученого Анвара Сухейла, изобретенный Фараби инструмент представлял своего рода лютию, называвшуюся «ул-мутбаммон»¹⁴.

Что касается композиторской деятельности Фараби, то есть сведения, что некоторые его музыкальные сочинения до сих пор исполняются в Иране и других странах Востока.

В области теории музыки Фараби оставил ряд произведений, среди которых наибольшей популярностью пользуется «Большая книга по музыке». В ней он дает пространственное определение музыки, раскрывает ее основные категории и те элементы, из которых образуются музыкальные сочинения.

В эпоху Фараби были известны некоторые идеи древнегреческих авторов о музыке. До Фараби изучением теории музыки занимался ал-Кинди. Работа Фараби не только затмила все созданное до него, но и на много веков определила развитие музыкальной теории на Востоке и Западе. Один из известных теоретиков музыки XV в., крупнейший поэт и мыслитель Востока Абдурахман Джами в своем «Трактате о музыке» упоминает о Фараби как о выдающемся ученом-музыковеде¹⁵.

Музыкальное наследие Фараби, его вклад в теорию музыки в некоторой степени изучены западными исследователями, которые подчеркивают огромное влияние его на развитие музыковедения в Европе. Так, Г. Сартон отмечает, что Фараби и в области музыковедения «был далеко впереди европейских теорий своего времени»¹⁶. Французский арабист Карра де Во, подчеркивая заслуги Фараби в области музыкального искусства, писал, что Абу Наср «был еще и выдающимся музыкантом. Ему мы обязаны самым значительным сочинением по теории музыки Востока. Он был одновременно и музыкантом-исполнителем, и композитором, и талант его вызывал восхищение со стороны

¹³ В 1950 г. в Стамбуле была опубликована статья Н. Данишмана о стихах Фараби, но мы не смогли ознакомиться с этой работой. (N. Danışman, Farabî'nin şiirleri. Farabî'nin Tekikleri, İstanbul University Edebiyat fakulteti Yagınlarından, 1950, N 468).

¹⁴ B. H. Sensuvarogli. Farabi, The Islamic Review, 1951, N 12, p. 39.

¹⁵ Абдурахман Джами. Трактат о музыке (перевод и предисловие А. Н. Болдырева), Ташкент, 1960, стр. 30.

¹⁶ G. Sarton. Introduction to the History of Science, Baltimore, 1927.

[правителя Халеба] Сайфут-Давлаа; дервиши-моуляви и до сих пор еще исполняют старинные песни, авторство которых приписывается Фараби».

В 1930—1935 гг. было издано осуществленное Р. Эрланже французское переложение «Большой книги по музыке» в двух объемистых томах. Во введении к первому тому Р. Эрланже подчеркивает вклад Фараби в дальнейшее развитие музыкальной теории: «...Превосходство ал-Фараби над теми, кто вслед за ним написал произведения на арабском языке, разительно. В произведениях авторов последующих веков отмечаются многочисленные места, заимствованные из «Китоб ал-мустики ал-кабир», как, например, определение музыки, теория звука и интервала и др.»¹⁷

Перу английского ученого Г. Фармера принадлежит ряд работ по музыкальной теории Фараби, изданных на основе изучения арабских и латинских вариантов его сочинений по классификации наук, где содержится и интересный теоретический материал по музыке. В 1934 г. была опубликована, а в 1960 г. переиздана книга Фармера о музыкальной теории Фараби, обобщающая исследования ряда лет¹⁸.

В разделе о музыке в многотомном «Обозрении искусства Персии» Г. Фармер также уделяет большое внимание музыкальной теории Фараби, характеризуя его как самого крупного и выдающегося музыкального теоретика на исламском Востоке. «Его «Книга музыки» стала образцом для последующих ученых»¹⁹.

Фармер отмечает, что труд Фараби «Ихсо-ал-улум», где содержатся интересные идеи по музыке, переведен на латинский язык еще в середине XII в., а «Большая книга по музыке» широко известна на Западе с XV в.

Музыкальная теория Фараби оказала огромное влияние на европейских теоретиков музыки Джерома из Моравии (XIII в.), Тунстада (XIV в.), широко использовавших ее в своих исследованиях.

В 1961 г. в иранском журнале «Музик Иран» было опубликовано на персидском языке несколько отрывков из «Большой книги по музыке» (пер. с франц.)²⁰. На основе персидского текста осуществлен перевод вводной части «Китоб ал-мустики ал-кабир» и на узбекский язык²¹.

В советской литературе, особенно последних лет, заслугам Фараби в развитии музыкальной теории уделяется все больше внимания. Характеризуются не только его вклад в общую теорию музыки, но и его идеи по конкретным вопросам музыкальной инструменталистики, композиции, теории звука и т. п. Например, во введении к третьему тому многотомного издания «Узбекская народная музыка» отмечаются заслуги Фараби в отдельных вопросах, касающихся музыки, музыкальных инструментов, техники исполнения и др. Особо подчеркивается следующее высказывание Фараби из «Большой книги по музыке»: «Инструментальная музыка может сопровождать пение или же может подражать голосу. Она аккомпанирует ему, обогащает его или образует прелюдии и интермедии. Интермедии дают певцу отдых. В то же время они дополняют вокальную музыку, выражая то, что недоступно голосу»²².

¹⁷ R. Erlanger. La musique arabe. Al-Farabi. Kitab al-musiki al-kabir, Paris, vol. I, 1930; vol. II, 1935.

¹⁸ H. G. Farmer. Al-Farabi's arabic-latin writings on music.

¹⁹ A Survey of Persian Art, London, New York, vol. III, p. 2793.

²⁰ Музик Иран, Тегеран, 1961, № 11, 12, 13.

²¹ М. М. Хайруллаев. Фараби и его философские трактаты. Приложение, стр. 242—250 (пер. с перс. Н. Саидова).

²² Узбекская народная музыка, т. 3, Ташкент, 1959, стр. 30 (на узб. яз.).

Ценность «Большой книги по музыке» заключается не только в глубоких общетеоретических положениях, но и в том, что она дает картину состояния музыкального искусства «мусульманского» Востока в эпоху Фараби.

Большой знаток среднеазиатского, иранского, арабского музыкального искусства, Фараби дает подробные сведения о различных музыкальных инструментах. По свидетельству Фармера и Эрланже, в книге Фараби детально описаны уд, рабоб, дутар, лютя, танбур хорасанский, танбур багдадский и др. Отдельные авторы (Сенсуварогли и др.) утверждают, что в труде Фараби нашли определенное отражение и достижения музыкального искусства древней Греции.

В своих работах о происхождении и классификации наук Фараби рассматривает науку о музыке в составе математических знаний, помещая ее после наук о числах (арифметика), измерении (геометрия), звездах (астрономия). Наряду с частными, конкретными вопросами музыкального искусства и его категориями, он характеризует место музыкальной науки в системе человеческих знаний, ее взаимосвязи с другими науками, закономерности возникновения и развития музыкальных звуков и их составных частей.

Для изучения общетеоретических позиций Фараби по вопросам музыки важное значение имеет его введение к «Большой книге по музыке», где рассматриваются общеполитические и этико-эстетические вопросы музыкального искусства.

* * *

В эпоху восточного Ренессанса, когда философия вступила в новую стадию своего развития, а некоторые отрасли науки, в частности отдельные естественные дисциплины, под влиянием общего культурного прогресса переживали период подъема, проблема изучения содержания, природы наук, их происхождения и систематизации обрела актуальное значение. Она была тесно связана с трактовкой одного из главных философских вопросов того времени — вопроса о бытии, его структуре и категориях.

Позиция того или иного мыслителя в понимании природы бытия определяла и его отношение к пониманию предмета и задач философии. Ученые, отстаивавшие идею самостоятельного развития природы и необходимость ее всестороннего изучения, уделяли большое внимание естественным наукам. Реакционные же идеологи считали необходимым изучение и разработку только религиозных «наук», способствующих укреплению ислама, и всячески старались доказать бесполезность естественных наук.

Проблема изучения природы и задач науки нашла широкое освещение в трудах Фараби.

Мыслитель придавал огромное значение знанию. Культурного человека, вообще цивилизованное общество он не мыслил без науки и просвещения. Более того, овладение знанием, по его мнению, — основное условие существования идеального общества.

Во многих трактатах: «О достижении счастья», «Классификация наук», «О том, что нужно знать для изучения философии», «Слово о смысле философии» и др. — Фараби неоднократно возвращается к роли знания в развитии духовных качеств человека, разрабатывает вопрос о предмете, содержании, задачах и структуре науки. Знание он разделяет на практическое: «ремесло» и «искусство», — имея в виду овладение техникой какой-либо работы (ткачество, врачевание, плот-

ничество и др.), и теоретическое, охватывающее все виды науки²³. Объекты последнего — реальное бытие, его свойства и качества.

Фараби представляет большие требования к теоретическому знанию. «Всякое теоретическое знание, — пишет он во введении к «Большой книге по музыке», — состоит из понятий, суждений об основах, правилах и средствах этого знания. Теоретическое знание отличается от других видов знания, в частности от практического, имеет свои законы и правила, овладение которыми требует изучения свойственных ему средств и способов познания»²⁴.

В сфере теоретического знания главное место занимает философия. По Фараби, философия — это наука, которая дает подробное и полное знание о сущности бытия, смысле всего существующего и отличается ясностью, доказательностью и убедительностью. Он неоднократно отмечал, что философия относится к теоретическому познанию, а не к чувственному (представлениям), и состоит из понятий и мыслительных категорий.

Как подчеркивает Ф. Энгельс, долгое время, вплоть до возникновения диалектического и исторического материализма, философия считалась «наукой наук», что объяснялось скудностью человеческого познания в древний период и средневековье. Хотя, указывается в «Диалектике природы», уже в александрийский период греческой философии намечались тенденции к «отпочкованию» отдельных наук от философии, все же понятие о всеохватывающем и всеопределяющем значении ее сохранялось долгое время.

На средневековом Востоке, как и в античной Греции, философия считалась возвышающейся над всеми науками, матерью всех познаний. Такого представления придерживался и Абу Наср Фараби.

Фараби правильно определяет греческое происхождение термина «философия». Он весьма основательно изучил историю философии, о чем свидетельствует его рассказ о развитии философского знания: «Это знание, говорят, в древности было у халдеев, обитавших в Ираке, затем оно появилось у египтян, затем оно перешло к грекам, от них перешло к сирийцам, а затем — к арабам. Все содержание этой науки излагается на греческом языке, затем оно было (переведено) на сирийский язык. Греки, владеющие этим знанием, называли его абсолютной мудростью и великой мудростью (стр. 39), а того, кто владел ею, называли философом, понимая под этим того, кто любит и предпочитает великую мудрость. Они считали, что (философия) охватывает потенциально все добродетели и (поэтому) называли ее наукой наук, матерью наук, мудростью мудростей, искусством искусств, понимая под этим искусство, охватывающее все искусства, добродетель, охватывающую все добродетели, мудрость, содержащую в себе все виды мудрости, ибо под мудростью понимают очень большое искусство»²⁵.

В систематизации философских знаний, разработке философии как науки главную роль, по Фараби, сыграли Платон и Аристотель. Оставившаяся на дальнейшем изучении наследия Аристотеля, Фараби в работе «О названии и происхождении философии» приводит интересные детали: «Философия распространилась во времена греческих царей и после смерти Аристотеля в Александрии во времена правления жен-

²³ Фараби. О достижении счастья (Рисала ат-тахсил ас-са'адат), в сб. «Мажму ар-расайд». См.: М. М. Хайруллаев. Фараби и его философские трактаты, Ташкент, 1963, стр. 252—281 (на узб. яз.); Аль-Фараби. Социально-этические трактаты, Алма-Ата, 1973.

²⁴ Музик Иран, Тегеран, 1961, № 11.

²⁵ Аль-Фараби. Социально-этические трактаты, стр. 335.

щины...» Затем он рассказывает, как учение Аристотеля распространилось в Византии²⁶.

Е. Э. Бертельс пишет об этом рассказе: «Фараби несколько упрощает довольно сложную картину рецепции Востоком классического наследия, но в основном он, конечно, прав»²⁷.

В трактате «О названии и происхождении философии» приводятся имена последователей античных мыслителей, в частности Аристотеля²⁸.

К тому, кто приступает к изучению философии, Фараби предъявляет ряд требований интеллектуального и нравственного характера, изложенных в трактате «О том, что должно предшествовать изучению философии»²⁹. Тот, кто стремится постигнуть философию, говорит Фараби, прежде всего должен подготовить себя, очистить свой нрав от природных страстей, чтобы остались лишь его страсть к истине, а не к наслаждениям, и вместе с тем обострить силу говорящей души (мышления и речи. — М. Х.), чтобы она стала его единственным желанием.

По Фараби, для всестороннего познания философии необходимо прежде всего изучение всех древнегреческих философских школ, направлений и теорий, которые он подробно перечисляет. Трактат «О том, что должно предшествовать изучению философии» является как бы справочником, причем весьма ценным, по греческой философии, в частности по трудам ее крупнейшего представителя — Аристотеля.

Для Фараби изучение философии — это прежде всего глубокое знание творческого наследия Аристотеля. Вместе с тем он отмечает таких греческих мыслителей, как Аристипп, Хризипп, Эпикур, Андроник, Гиппократ, Феофраст, Анаксагор, Диоген, упоминает философские школы платоников, эпикурейцев, стоиков, пифагорейцев, циников и др.

В трактате «О достижении счастья» Фараби подразделяет философов и всех претендующих на этот титул в зависимости от степени овладения знаниями и характера их использования на несколько групп: настоящих, действительных философов, начинающих и ненастоящих. Фараби резко осуждает тех, кто стремится использовать теоретические знания в корыстных целях, например для накопления богатства или завоевания авторитета.

Всестороннее овладение теоретическим знанием, утверждает Фараби, невозможно без постоянного и систематического труда, без любви к науке. От посвящающих себя философии он требует нравственной чистоты и любви к труду, справедливости и добродетели. В трактате «О достижении счастья» говорится: «Тот, кто хочет приступить к изучению (наук), должен по природе иметь предрасположение к теоретическим знаниям... Человек должен обладать прекрасным пониманием и представлением сущности вещей и, более того, он должен быть сдержанным и стойким в процессе овладения (науками), должен по природе своей любить истину и ее поборников, справедливость и ее приверженцев (стр. 45), не проявлять своенравия и эгоизма в своих желаниях, не быть жадным в еде, питье, от природы презирать страсти, дирхемы и динары и все подобное тому. Он должен соблюдать гордость в том, что порицается людьми, быть благовоспитанным, легко подчиняться добру и справедливости и с трудом поддаваться злу и несправедливости, обладать большим благоразумием...

²⁶ См.: M. Steinschneider, Al-Farabi, пер.: М. М. Хайруллаев. Фараби — крупнейший мыслитель средневековья, стр. 73.

²⁷ Е. Э. Бертельс. Избранные произведения, т. I, стр. 112.

²⁸ Русский перевод текста см.: М. М. Хайруллаев. Фараби — крупнейший мыслитель средневековья, стр. 73—74.

²⁹ Фараби. О том, что должно предшествовать изучению философии, в сб. «Ал-Мажму», стр. 54—64.

Если этими качествами обладает юноша, который к тому же приступил к изучению (философии) и изучил ее, то тогда, возможно, он не станет ложным, ненастоящим, несостоятельным философом».

Характеризуя ненастоящих, неистинных философов, Фараби пишет: «Несостоятельным философом является тот, кто осваивает теоретические знания, не обладая наивысшим совершенством, чтобы привить свои знания другим (людям) по мере своих возможностей. Ненастоящим философом является тот, кто изучает теоретические науки, не искажая их, но кто не совершает добродетельных поступков, а напротив, во всем следует своим страстям и желаниям. Ложным философом является тот, кто изучает теоретические науки, не будучи от природы predisposed к этому»³⁰.

Ненастоящие, кажущиеся философы вызывают недовольство слушателей, постепенно отходят от науки и, не желая упорно работать над дальнейшим совершенствованием своих знаний, становятся бесплодными, бесполезными. По Фараби, теоретические знания должны служить философу для свершения добрых поступков, выполнения задач добродетельного общества, поскольку общество возлагает на философа нравственную функцию — делать людям добро и учить их делать добро.

Фараби утверждает: «Истинный же философ таков, как мы упоминали выше. Если же он не находит себе применения..., то такой философ бесполезен»³¹.

Таким образом, рассматривая предмет и содержание теоретического знания, в том числе философии, Фараби ставит перед философией и философами, вообще перед всеми, кто овладевает теоретическими знаниями, вполне определенную задачу — активное содействие достижению всеобщего счастья.

«Поскольку мы достигаем счастья, — пишет Фараби, — когда нам присуще прекрасное, а прекрасное присуще нам только благодаря искусству философии, то из этого необходимо следует, что именно благодаря философии мы достигаем счастья. А ее-то мы достигаем при хорошем здравомыслии»³².

Фараби пытается выяснить характер, задачи и общественную пользу конкретных наук, их место в общей системе теоретического знания, разделить их на группы. В «Трактате о достоинстве наук и искусства» говорится: «Науки и искусства характеризуются одним из трех достоинств: или достоинством предмета, или глубиной доказательств, или важностью пользы, будь то ожидаемая или очевидная.

К наукам, предпочитаемым другим из-за их большей пользы, относятся такие, как правоведение и ремесла, в которых испытывали необходимость все народы всех времен.

Науками, которые предпочитают другим вследствие глубины доказательств, являются науки, подобные геометрии. Наукой, предпочитаемой другим благодаря достоинству ее предмета, является, например, наука о звездах. Эти три достоинства вместе или два из трех объединены в одной науке — философской науке»³³.

Значительный интерес представляют взгляды Фараби о предмете отдельных конкретных наук. Он хорошо знал, например, теоретическую медицину (хотя непосредственно врачеванием не занимался), о чем

³⁰ Аль-Фараби. Социально-этические трактаты, стр. 345—346.

³¹ Там же, стр. 347—348.

³² Фараби. Указание пути счастья, в кн.: Аль-Фараби. Социально-этические трактаты, стр. 35.

³³ Фараби. Рисала фи фазаил ал-улум ва ас-санаат, Хайдебад, 1921, стр. 1; Фараби. Математические трактаты, Алма-Ата, 1972, стр. 227.

свидетельствует трактат «О человеческих органах» (иначе — «Опровержение Галена, противоречащего Аристотелю по вопросам об органах человека»).

Согласно Фараби, «объектом искусства медицины является человеческий организм и его органы..., а задача ее заключается в сохранении здорового состояния тела и в том, чтобы уберечь его от болезни».. Осуществление этой задачи требует от медика:

«изучения человеческих органов в отдельности;

изучения здорового состояния тела и каждого органа, его нормальных и ненормальных положений;

изучения причин различных болезней и условий их возникновения;

изучения признаков здорового состояния и болезненности, проявления ее в отдельных органах человека и в целом в его организме;

знания всех и каждого в отдельности лекарств, их свойств и пользы, знания всех средств и инструментов, применяемых в искусстве врачевания;

знания правил и видов движений и действий, используемых для сохранения здорового состояния организма;

знания правил и видов движений и работ, служащих для возвращения здоровья (заболевшим) органам и организму...»

Кроме того, Фараби указывает на необходимость изучения условий жизни больного, рекомендует обращать внимание на питание, нужное для восстановления здорового состояния организма, и т. д.³⁴

Как видим, в понимании предмета, задач и целей медицины Фараби стоял на правильной позиции и в этом отношении был непосредственным предшественником выдающегося медика средневековья Абу Али ибн Сины. Из начальных разделов первого тома «Канона врачебной науки» видно, что Ибн Сина в понимании и изложении теории медицины следует Фараби, восприняв основные его идеи. Об этом свидетельствует и определение медицины как науки, данное Ибн Синою: «Я утверждаю: медицина — наука, познающая состояние тела человека, поскольку оно здорово или утратит здоровье, для того, чтобы сохранить здоровье и вернуть его, если оно утрачено»³⁵.

Фараби принадлежит также сочинения, посвященные объектам и задачам других наук. Так, в 1951 г. в Турции был опубликован с переводом на турецкий язык трактат «Китоб фи усул ал-табиат» («Книга об основах физики»), где вопросы разума, души и духа рассматриваются как объекты «илм ат-табиат». Этот трактат интересен с точки зрения рассмотрения психических процессов как естественных явлений.

Глубокого изучения требуют математические идеи Фараби, изложенные не только в его трактатах по общим проблемам науки и философии. Отдельным проблемам математики, геометрии, тригонометрии Фараби посвятил специальные сочинения. В своем крупнейшем и важнейшем труде по классификации наук Фараби отводит большой раздел математическим наукам. Раздел этот важен не только для выявления математических воззрений самого Фараби, но и для изучения общетеоретических проблем математических наук средневековья.

Математические науки служат Фараби для изучения определенного состояния бытия, взаимосвязей и отношений предметов.

³⁴ Фараби. Рисала фи а'зо ал-инсаийа, в сб. «Мажму ар-рисаил», стр. 304б, 306 а—б. О введении к этому трактату, где речь идет также о предмете медицины, сообщает и турецкий ученый А. Сухейл (в книге «История медицины»), нашедший названную работу Фараби в рукописном фонде исфаханской библиотеки.

³⁵ Ибн Сина. Канон врачебной науки, кн. I. Ташкент, 1954, стр. 5.

Специальным вопросам математики Фараби посвятил ряд сочинений, как «Книга приложений», «Книга духовных искусных приемов и природных тайн о тонкостях геометрических фигур», где разбираются отдельные тригонометрические понятия и приемы, анализируются построения и разновидности круга, треугольника, четырехугольника, квадрата, сферы и др. Важное значение в изучении взглядов Фараби на происхождение абстрактных математических понятий (точки, длины, аксиомы и т. д.) имеет трактат «Комментарии к трудностям во введении к первой и пятой книгам Евклида»³⁶.

Развитие естественнонаучной мысли и материалистических тенденций в рассматриваемый период происходило в острой борьбе с различными теологическими, мистическими и фантастическими представлениями, получавшими широкую поддержку при дворах правителей. К ним относятся магия, астрология, алхимия. Они в весьма своеобразной форме выражали еще плохо сознаваемое стремление людей подчинить себе естественные силы природы, установить связь между ними и человеческой деятельностью, найти точки соприкосновения между природой и обществом. В ту эпоху многие объективные законы природы были еще неизвестны, и средневековые ученые считали их проявлением чего-то сверхъестественного. Поэтому в астрологии, алхимии, магии они искали средства овладения и познания этих законов.

Популярность астрологии, претендовавшей на умение предсказывать земные события, исходя из расположения звезд и планет, была настолько велика, что каждый крупный феодал, каждый правитель считал необходимым держать в своем придворном штате астролога³⁷.

Астрология возникла с появлением астрономических знаний, родиной которых был Восток. Она была известна еще в древнем Египте, а в период средневековья получила официальное признание в странах «мусульманского» Востока. Отсюда вместе с позитивными достижениями арабоязычной науки и философии астрологические суеверия проникли на Запад, получив горячую поддержку европейских монархов.

Многие передовые мыслители средневекового Востока отрицательно относились к различным астрологическим предсказаниям, к положению о зависимости событий, происходящих в человеческой жизни, от расположения небесных светил. Одним из первых ученых, резко выступивших против астрологии, был Фараби. Следуя его примеру, астрологические суеверия критиковали Ибн Сина, Беруни, Ибн Рошд, Омар Хайям, Ибн Халдун и другие философы и естествоиспытатели.

В трактате «О том, что правильно и неправильно в суждении о звездах» (или «Трактат о достоверных и недостоверных правилах астрологии» или «О достоинстве наук и искусств») Фараби отмечает естественную связь между небесными телами и земными процессами, например причинную зависимость образования облаков и обилия дождей от испарения воды под влиянием солнечного тепла или зависимость лунного затмения от нахождения Земли между Солнцем и Луной. В то же время он резко осуждает тех, кто усматривал некую причинную связь между состоянием небесных светил и повседневной человеческой жизнью.

По Фараби, все «неизвестное» нельзя считать «возможным». Различные астрологические предсказания не имеют никаких естественных основ и не соответствуют «логическому мышлению». Они, утверждал

³⁶ См.: Аль-Фараби. Математические трактаты.

³⁷ См.: Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей или четыре беседы, М., 1963, стр. 36—37.

мыслитель, рассчитаны на слабоумных или тех, кто совершенно не смыслит в науке о звездах; подобным ложным, недостоверным предсказаниям может верить только ненормальный человек.

Согласно Фараби, знание может быть достоверным, когда оно отражает естественный процесс и опирается на причинную связь вещей. Суть в том, чтобы правильно установить действительную причину известных нам следствий³⁸.

В период средневековья получила широкое распространение и алхимия, но она отличалась от магии и астрологии тем, что содержала определенный научный материал. Как известно, именно из алхимии впоследствии выкристаллизовалась научная химия. Но алхимия, наряду с достоверными научными фактами, содержала и в корне неверные утверждения.

Алхимия на средневековом Востоке — прежде всего в лице ее выдающихся представителей Джабира (Гебера) и ар-Рази — достигла значительных успехов в раскрытии природы некоторых химических процессов и соединений. Но неправильные представления о возможностях химического познания направили ее развитие в целом в порочное русло. Главной целью алхимиков было получение «философского камня», с помощью которого дешевые металлы можно было бы превратить в золото и серебро. Они пытались также получить драгоценные камни, «жизненный эликсир, исцеляющий различные недуги и обеспечивающий долгую жизнь», и т. д.

Прогрессивные мыслители: Ибн Сина, Омар Хайям, Ибн Халдун и другие — критиковали алхимиков. Но первым, кто попытался выяснить достоверное и ложное в алхимии, отделить позитивное от негативного, ненаучного, был Фараби.

В трактате «О необходимости искусства алхимии» он выделил два противоположных мнения о значении алхимии: одни совершенно отрицают ее, а другие — превышают в ней «предел возможного». Оба этих мнения Фараби считает неверными.

Химия необходима для общества и может принести большую пользу, если имеет дело с естественными явлениями и не претендует на невозможное. Золоту и серебру присущи естественные свойства, акциденции, и в природе «совершенно нет категории, которая бы заменила их». На химию следует смотреть не как на искусство превращения дешевых металлов в драгоценные, а как на часть естественной науки, имеющей своим объектом явления природы³⁹.

Огромный интерес представляет определение различных отраслей научных знаний в «Ихсо ал-улум» («Классификация наук») ⁴⁰. Наряду с естественными и математическими науками, Фараби уделяет большое внимание определению, содержанию и разделам науки о правилах и законах правильного мышления. Различным разделам логики, анализу ее категорий он посвятил целую серию работ, создав свой «Органон», включающий также поэтику и риторику⁴¹.

Таким образом, в своем творчестве Фараби затронул почти все известные в ту эпоху отрасли научного знания и внес огромный вклад в их дальнейшее развитие. При изучении и определении их содержания

³⁸ См. «Мажму ал-Фараби», Каир, 1907, стр. 76—89.

³⁹ Farabi'nin Simyânin luzumî hakkindaki risalesi, Türk tarih kurumu, ç. XV, N 57, s. 15.

⁴⁰ См. об этом подробно: М. М. Хайруллаев. Мировоззрение Фараби и его значение в истории философии, Ташкент, 1967, стр. 219—239.

⁴¹ Arabische, türkische und persische Handschriften der Universitäts Bibliothek in Bratislava, 1961, S. 18.

он стремился исходить из реальной их основы — различного, но действительного состояния бытия, предметов и явлений окружающего мира.

Многогранное творческое наследие великого мыслителя-гуманиста, философа-энциклопедиста близко и дорого нам прежде всего страстным исканием истины, горячим стремлением сделать науку не только источником знаний, но и могучим средством достижения всеобщего блага, подлинного человеческого счастья.

М. М. Хайруллаев

АБУ НАСР ФОРОБИЙНИНГ ИЛМИЯ МЕРОСИ ҲАҚИДА

Ушбу мақола Абу Наср Форобийнинг (873—950) 1100 йиллигига бағишланган. Автор буюк мутафаккирнинг илмий меросини батафсил характеристикасини беради.

Р. Н. НАСЫРОВ

ФАРАБИ ОБ АКТИВНОСТИ РАЗУМА

Абу Наср Фараби своими произведениями утверждал прогрессивные традиции в философии и естествознании, в частности в теории познания, освобождая ее в той или иной мере от идеалистических, религиозно-мистических наслоений, а также от извращенной идеалистической интерпретации теоретико-познавательных воззрений Аристотеля. В своем трактате «Что должно предшествовать изучению философии» Фараби говорит, что подражание Аристотелю должно быть таким, чтобы любовь к нему никогда не доходила до той степени, когда его предпочитают истине¹.

Глубокие мысли о творческой активности мышления, человеческого разума неоднократно высказываются Абу Насром Фараби в многочисленных комментариях, логических трактатах и других произведениях, где он в той или иной мере ставит и решает теоретико-познавательные задачи. Обстоятельно разработанная Фараби концепция активности человеческого разума настолько пронизывает всю систему его учения о познании, что мы вправе считать ее сердцевинной всех философских построений великого мыслителя.

Исходные посылки, в рамках которых разворачивается учение Фараби о разуме, естественно, носят идеалистический характер. Они напоминают традиционную религиозную концепцию, пропитанную мистикой. Сущности по степени «совершенства» имеют пять ступеней бытия — лестницы внутренней завершенности. Высшей формой проявления бытия выступает Первопричина, которая как «необходимо-сущее» служит основой всех явлений и процессов, но сама не есть следствие какой-либо причины, которая могла бы обусловить ее существование. Это — Аллах. Но и здесь Фараби расходится с ортодоксальной концепцией, заменяя личность бога отвлеченно-абстрактной силой и рассматривая ее в качестве предмета философского обсуждения. На второй ступени иерархии бытия находятся небесные тела, на третьей — деятельный разум и соответствующий ему так называемый «подлунный мир» с четырьмя элементами. Четвертая ступень бытия — человеческая душа, а материя и форма занимают самую низшую ступень бытия.

Как мы видим, концепция бытия Фараби не свободна от влияния пифагорейства и неоплатонизма и составляет наиболее слабую сторону философии ученого. Теория эманации, с одной стороны, по своей форме вполне соответствовала религиозной идеологии, традиции возвеличения таинственного небесного и принижения земного, материи. С другой стороны, она таила в себе весьма сильные потенции глубокого расшатывания

¹ Аль-Фараби. Философские трактаты, Алма-Ата, 1970, стр. 13.

вания устоев религиозного мирозерцания, фантастически отражающего внешний мир и его законы. Теория эманации в контексте произведений Фараби истолковывается в духе пантеизма, подготовившего почву для свободомыслия и вольнодумных идей в истории общественно-философской мысли народов Ближнего и Среднего Востока.

Учение Фараби об активности разума стало дальнейшим продолжением и развитием концепции Аристотеля о потенциальном и актуальном разуме. Мыслитель не разделяет мнение мутакаллимов, якобы интеллектом (ақл) может быть то, что принимается всеми или в крайнем случае большинством. Из их рассуждений, говорит он, следует, что «разумным считается тот, кто умен и сообразителен, будучи к тому же добродетельным человеком, применяющим свои качества к совершенно достохвальным действиям или ради избежания действий порочных»².

Аристотель, замечает Фараби, под понятием интеллекта подразумевает нечто иное, чем, скажем, мутакаллимы. Под ним он понимает только «ту способность души, благодаря которой человек получает достоверное знание универсальных, истинных и необходимых посылок»³. Но они получаются им отнюдь не путем аналогии, размышления или других средств, а лишь от естественной, врожденной смекалки. При этом человек не сознает, откуда и как эта способность к нему пришла. Эти изначальные послылки суть основы умозрительных знаний.

Фараби не мог не заметить, что у Аристотеля понятие интеллекта имеет также другое значение. Он пишет, что в «Этике» Аристотель подразумевает под интеллектом «ту часть души, которая возникает из постоянного приложения ее к соответствующему ей роду объектов»⁴. Это приходит со временем, с опытом, который человеческий разум получает из конкретных единичных вещей.

Здесь уместно отметить, что Фараби открыто не возражает против того или иного аристотелевского определения понятия интеллекта. Но вместе с тем нетрудно заметить, что в таких его произведениях, как «О том, что должно предшествовать изучению философии», «Трактат о взглядах жителей добродетельного города» и ряде других, более последовательно отстаивается идея приобретаемости первоначальных посылок путем приложения усилия, старания и освобождения себя от многочисленных негативных качеств. Порою этической стороне данного вопроса, т. е. необходимости «очищения души от пороков» придается чрезмерно большое значение. Однако мыслителя, конечно, нельзя упрекать в этом, ибо всякий мыслитель — сын своей эпохи, живет ее жизнью и отражает ее запросы.

По утверждению Фараби, интеллект существует как потенциальный (ақл би-л-қува) и актуальный (ақл би-л-фи'л). Объекты чистой интеллектции, умопостигаемые лишь в формальной возможности, прежде чем стать актуальными объектами, «представляли собой формы в материальных субстанциях, находящихся вне души»⁵. Но когда они превращаются из возможности в своего рода реальность, то бытие их, поскольку они стали умопостигаемыми актуально, также становится не таким, каким оно было до отрешения от материи.

Вся эта туманная терминология средневековья нужна была Фараби, чтобы доказать, что в самой материи заложена весьма фундаментальная способность постигать сущностные стороны вещей.

² Аль-Фараби. Философские трактаты, стр. 19.

³ Там же, стр. 20.

⁴ Там же, стр. 21.

⁵ Там же, стр. 26.

«В природе же всех существующих вещей, — пишет он, — заложена способность постигаться интеллектом и реализоваться в качестве форм этой сущности. А если так, то умопостигаемым объектом интеллекции, коль скоро они являются актуальными..., ничто не препятствует также постигаться интеллектом»⁶.

Каково же соотношение между потенциальным и актуальным интеллектом и как осуществляется переход от первого ко второму? Отношение актуального интеллекта к потенциальному такое же, как «отношение солнца к глазу», который обладает лишь потенциальным зрением. «Когда свет реализуется в зрении, воздухе или в чем-либо подобном, то как глаз получает освещение, он становится актуально видящим, как и цвета становятся актуально-видимыми»⁷. При этом, говорит Фараби, потенциальный интеллект превращается в актуальный лишь посредством деятельного интеллекта (ал-ақл ал-фа'ал), выступающего как проявление или своеобразная форма благоприобретенного интеллекта («ал-ақл ал-мустафад»). Актуальный интеллект становится благоприобретенным, когда первый постигает умопостижимые объекты интеллекции⁸, т. е. абстрагированные от сущности формы, природа которых коренным образом отличается от материальной субстанции.

Итак, человеческий разум рассматривается мыслителем как своеобразное проявление божественного духа. Функция последнего ограничивается тем, что он как необходимость вызывает к жизни то, что до сих пор как возможность не было реализовано. Следовательно, рациональный дух божества вызывает к действию то, что до сих пор находилось в состоянии возможности.

Положение о зависимости возможности от необходимости, которая характеризует человеческий разум, привело Фараби к учению о деятельном разуме. Человеческий разум обладает здравым смыслом и служит для того, чтобы отличить добродетель от порока.

Конечно, абстрактно-спекулятивный характер построения теории активного разума в процессе познания, схоластический метод решения весьма актуальных проблем не могли не оказать влияния на ход суждений мыслителя. Он пишет: «И так же, как мы говорили, что актуальный интеллект существует в нас, точно так же об этих формах (нематериальных. — *Р. Н.*) следует говорить, что они существуют в мире»⁹. С одной стороны, Фараби доводит формы материи до акта абстракции, так что они становятся самостоятельными сущностями. С другой стороны, однако, они объявляются свойствами, присущими самому миру явлений. Мы видим явную непоследовательность мыслителя в данном вопросе.

В трактовке Фараби разум рассматривается как универсальное свойство человеческого рода, что подрывает всякую идею об элитарности человеческих способностей. Но эта весьма рациональная мысль часто переплетается у Фараби с религиозно-идеалистическими пред-рассудками, которые господствовали даже над чувствами и помыслами великих мыслителей той эпохи.

Необходимость разума Фараби обосновывает тем, что сами по себе формы чувственного познания ограничены внешними, поверхностными сторонами предметов, или акциденциями, хотя они дают вполне верные их образы. Поскольку цель познавательной деятельности человека не

⁶ Аль-Фараби. *Философские трактаты*, стр. 28.

⁷ Там же, стр. 34.

⁸ Там же, стр. 30.

⁹ Там же, стр. 31.

исчерпывается лишь постижением акциденций, а предполагает раскрытие сущностных сторон, отношений в явлениях — субстанции, то она достижима лишь в пределах реальной возможности «разумной силы».

В отличие от чувственных, абстрактно-мыслительные образы не нуждаются в непосредственном воздействии материальных вещей на органы чувств. «Что касается возникновения образа (предмета) в разуме, — отмечает Фараби, — то в этом случае образ находящегося вне разума предмета образуется независимо от связи с состоянием и материей предмета, следовательно, возникает (абстрагируясь), отвлекаясь от предмета и всех относящихся к нему вещей»¹⁰. В этом нетрудно видеть одно из проявлений активности человеческого разума, на что правильно обращает внимание Фараби.

Кроме того, разуму, в отличие от чувственного познания, присуще понимание предмета, явления. «Понимание — это действие, связанное с познанием сущности, общих правил и законов предметов»¹¹. В трактате «Комментарии к трудностям во введениях к первой и пятой книгам Евклида» Фараби особо подчеркивает, что функция разума заключается в познании именно сущности вещей. С этой целью разум отделяет «каждую вещь от связанных с ней ощущений»¹². Лишь после этого становится возможным действительное объяснение вещей.

Фараби одним из первых в истории философии затрагивает вопрос о степени абстракции понятий в различных сферах познавательной деятельности человека. Абстрактные понятия как продукт деятельности разума имеют различный объем в зависимости от того, относятся ли они к сфере философии, которая изучает «все сущее», или к какой-либо конкретной области науки, например математике. Теоретическое мышление отличается от всех остальных конкретных мыслительных актов и процедур, которые совершаются учеными, занимающимися узкими проблемами. Глубоко ошибаются «те, которые полагают, — пишет Фараби, — что навык к рассуждениям или диалектическим спорам или навык к математике (например, геометрии, арифметике) освобождает от знания законов логики и подменяет их, повторять якобы то же действие, давая человеку силу проверить всякие суждения, доводы и мнения и направляя его якобы к истине и совершенно безошибочному достоверному знанию всех наук»¹³.

Такие люди неправы, ибо не понимают недопустимости сведения как частного к всеобщему, так и всеобщего к частному. Они похожи на тех, кто думает, что «навык и тренировка в запоминании стихов, речей и многократный их пересказ избавляют от совершенства языка, от грамматических ошибок и правил грамматики, заступая их место и заменяя их действия»¹⁴.

При помощи «мыслящей силы» человек воспринимает объекты, недоступные непосредственно чувству, отличает «красоту от уродства и обретает искусство и науки»¹⁵. Важное значение придается разуму в достижении счастья. Но оно в конечном счете предполагает стремление к действию, а последнее, в свою очередь, осуществляется посредством знания, ибо «завершением знания является действие»¹⁶. По Фара-

¹⁰ См.: М. М. Хайруллаев. Мировоззрение Фараби и его значение в истории философии, Ташкент, 1967, стр. 256.

¹¹ Там же, стр. 262.

¹² Фараби. Комментарии к трудностям во введениях к первой и пятой книгам Евклида. Проблемы востоковедения, 1959, № 4, стр. 94.

¹³ Аль-Фараби. Философские трактаты, стр. 124—125.

¹⁴ Там же, стр. 125.

¹⁵ Там же, стр. 265.

¹⁶ Там же, стр. 11—12.

би, «мыслящая сила» выступает как теоретическая и практическая, причем вторая создана для того, чтобы обслуживать первую. Теоретическая же мыслящая сила имеет лишь единственную, весьма важную функцию — достижение счастья.

Концепция Фараби о деятельном человеческом разуме в известной степени носит идеалистический характер, так как человеческий разум он выводит из божественного. Но для Фараби важно не то, как возникает человеческий разум, а то, какую цель в конечном счете он преследует. Так, говоря об эманации человеческого разума от божественного, Фараби отмечает: «То, что перелившись, переливается от Аллаха, благословенного и всевышнего, к деятельному разуму, переливается им к страдательному разуму через посредство приобретенного разума, а затем — к его способности воображения. И человек этот, благодаря тому, что переливается от него в его восприимчивый разум, становится мудрецом, философом, обладателем совершенного разума»¹⁷.

Вполне понятно, почему в эпоху Фараби необходимо было поднять авторитет разума и науки до уровня «столь громадного в эпоху средневековья авторитета религии, божественной истины, требовалось вознести человеческий разум до уровня мирового, придав ему божественную окраску. Разум и научное познание были поставлены рядом с религиозной догматикой, а затем и возвышены над нею, равно как и наука — над теологией»¹⁸. И мы присоединяемся к мнению С. Н. Григоряна о том, что Фараби смутно догадывался, что без отделения веры от знания невозможен человеческий прогресс¹⁹, а это не могло не привести к весьма важным принципиальным выводам.

Далее, следует отметить, что идея о творческой активности человеческого разума сыграла особо важную роль в критике догматических суждений мутакаллимов о якобы пассивности разума, беспомощности человека в познании тайн бытия. «Разум человека, говорили они, пассивен и слеп; человек не обладает внутренней потенцией, так же как и все другие тела, созданные богом, и совершает лишь то, что предопределено творцом. Тем самым человеческому разуму отказывалось в творческой активности, в способности познавать реальную действительность»²⁰.

Учение ислама о предопределении, как справедливо отмечает М. Абдурасулов, было той «основой, на которой в дальнейшем развились фатализм, пассивность, дарвищество, аскетизм»²¹. Поэтому Фараби старается, хотя не всегда последовательно и удачно, развеять миф о предопределении. «Стремление к тому, что постигается, это, в целом, проявление свободной воли»²², — такое высказывание Фараби в тогдашних условиях звучало весьма еретически. В этом отношении мнение одного из буржуазных исследователей Э. Ренана, якобы «Восток никогда не мог понять той гордости, которая поднимает человека выше судьбы и ставит его нравственность вне влияния капризов судьбы»²³, есть лишь нежелание автора отказаться от преднамеренной европоцентристской доктрины, рассматривающей общественно-философскую мысль народов Востока нарочито в кривом зеркале.

¹⁷ Аль-Фараби. Философские трактаты, стр. 115—116.

¹⁸ М. М. Хайруллаев. Абу Наср Фараби, в кн. «Из философского наследия народов Востока», стр. 127.

¹⁹ С. Н. Григорян. Средневековая философия народов Ближнего и Среднего Востока, М., 1966, стр. 171.

²⁰ А. К. Закуев. Психология Ибн Сины, Баку, 1958, стр. 80.

²¹ М. Абдурасулов. Свобода воли и критика догмата предопределения в исламе. Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1973, стр. 18.

²² Аль-Фараби. Философские трактаты, стр. 288.

²³ Э. Ренан. Собрание сочинений, т. III, Киев, 1902, стр. 150.

У Фараби мы видим свежесть мысли и известную оппозицию по отношению к ортодоксам — служителям «калама». Он направляет острей своей критики против мутакаллимов, которые отстаивали религиозную догму, стремились «совершенствовать ее, устранять в ней сомнение и защищать ее любыми средствами от противников. Им позволено применять ложь, обман, клевету и упорство»²⁴. При этом они конструируют в своем воображении такие предметы и явления, которые по существу расходятся с бытием.

Ярым врагом разума и прогресса науки выступает софистика, которая ставит перед собой преднамеренную цель ввести в заблуждение людей. «Софистические рассуждения это такие, которым свойственно вводить в заблуждение, сбивать с пути, обманывать, предполагать в неверном правильное, а в правильном — неверное»²⁵. Поэтому софистика рассматривается Фараби как «лжемудрость», которая извращает истину и исключает положительное решение каких-либо серьезных проблем.

Софистика суть болезнь интеллекта, но она вполне излечима. Средством от этой болезни служит логика. Интеллект не гарантирован от возможных ошибок и упущений в постижении истины, и законы логики выступают испытанным средством выявления состоятельности или несостоятельности тех или иных мнений. Законы логики, по Фараби, суть «весы и меры, служащие орудиями для проверки во многих телах того, в чем может ошибиться или оказаться недостаточным чувств»²⁶. Знание логики — не самоцель, а средство достижения намеченной цели. Неведение законов логики сказывается в том, что мы не будем знать, в чем заключается справедливость или ложность суждений людей. В этом случае, образно говоря, мы «колем дрова ночью»²⁷, т. е. не ведаем, к чему могут привести наши действия, старание и усердие.

По Фараби, логика в известной мере напоминает грамматику. Но различие между ними заключается в том, что грамматика дает общие правила для языка того или иного народа, а логические законы носят более общий характер, они присущи всем народам. Логика, как указатель пути достижения достоверных знаний, гарантирует нас от возможных ошибок и служит как бы стимулятором человеческого разума.

Мыслитель считает, что обоснование знаний ни в коем случае не терпит добродушия и небрежности в научных изысканиях. Это ведет к ослеплению и иллюзиям. «Когда же различные умы сойдутся после размышления, самопроверки, споров, прений, дебатов, рассмотрения с противоположных сторон, — отмечает Фараби, — то тогда не будет ничего вернее того убеждения, к которому они придут, доказав его и единодушно согласившись с ним»²⁸. Отсюда и вытекает понимание Абу Насром Фараби основной функции науки, составляющих ее элементов и установления достоверных фактов, основанных на непреложных законах логики. В этом коренится глубокая уверенность мыслителя в возможностях человеческого разума.

Колебание между материализмом и идеализмом, «наивная запутанность», бесспорно, имелись в философских воззрениях Фараби. Но, как указывал В. И. Ленин, исторические заслуги «судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными тре-

²⁴ Аль-Фараби. Философские трактаты, стр. 318.

²⁵ Там же, стр. 132—133.

²⁶ Там же, стр. 120.

²⁷ Там же, стр. 123.

²⁸ Там же, стр. 45.

бованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно со своими предшественниками»²⁹. Учение Фараби о познании, активности человеческого разума сыграло в свое время в целом положительную роль и подготовило научно-теоретические предпосылки для формирования мировоззрения таких титанов мысли, как Ибн Сина, Беруни и др.

Р. Н. Носиров

ФОРОБИЙ АҚЛНИНГ АКТИВЛИГИ ҲАҚИДА

Мақолада Абу Наср Форобийнинг ақлнинг активлиги ҳақидаги ғоялари ёритилади.

---

²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 178.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ
И ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВООРУЖЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
(На примере трикотажной промышленности УзССР)

Прогресс науки и техники, развитие производительных сил неразрывно связаны с прогрессивными изменениями в сфере общественного разделения труда и организации производства, в том числе его специализации. Как подчеркивается в Программе КПСС, развитие специализации и кооперирования составляет одно из важнейших условий технического прогресса и рациональной организации общественного труда.

Реализация всех направлений научно-технического прогресса в промышленности находит свое выражение, в частности, в совершенствовании существующих и развитии новых направлений специализации, связанных с образованием новых отраслей, подотраслей и производств. При этом специализация выступает той общей основой, на которой происходит пропорциональное развитие всех элементов производства: оборудования, предметов труда, технологии, организации производственных процессов, квалификации рабочих кадров.

Следовательно, специализация промышленного производства представляет собой такую форму его организации, при которой изготовление определенной продукции, отдельных ее частей или выполнение отдельных операций происходят в самостоятельных отраслях, обособленных предприятиях и цехах. Специализированное производство характеризуется однородностью продукции и технологического процесса, особым оборудованием и соответствующими кадрами.

Однородность продукции и постоянство сопряженности цепочки машины создают благоприятные условия для применения поточных линий, агрегатов, автоматизации производства.

Специализация предприятий, например, в трикотажной промышленности осуществляется в двух формах: предметной и стадийной, или технологической.

Предметная специализация трикотажных предприятий заключается в том, что каждое из них выпускает определенное, сравнительно небольшое число видов однородной продукции.

Важнейший признак предметной специализации — постоянство ассортимента. Специализация предприятия будет еще более четкой, если оно вырабатывает однородную продукцию на однородном оборудовании, т. е. специализация по ассортименту сочетается со специализацией по оборудованию.

Технологическая специализация заключается в выделении определенных стадий изготовления продукции в самостоятельные предприятия. В трикотажной промышленности это означало бы выделение предприятий, осуществляющих вязание, крашение и отделку, шитье изделий.

Специализация создает условия для массового производства изделий, имеющих большой удельный вес в общем выпуске товаров с наименьшими трудовыми и материальными затратами. Она позволяет рациональнее организовать производство, механизировать и автоматизировать трудовые процессы и в итоге значительно улучшить технико-экономические показатели работы предприятия.

Первый этап предметной специализации в рассматриваемой отрасли — специализация трикотажных предприятий с законченным технологическим циклом по видам продукции (чулочно-носовые изделия, бельевой трикотаж, верхний трикотаж). Последний этап предметной специализации — специализация по ассортименту в пределах одного вида готовой продукции (женские чулки с круглочулочных машин, детские колготки, мужские носки, бельевой трикотаж с основоваляльных и круглотрикотажных машин, верхний трикотаж с плосковязальных и круглотрикотажных машин и др.).

На предприятиях трикотажной промышленности Узбекистана предметная специализация проведена по видам продукции: Кокандский чулочно-прядильный комбинат — чулочно-носовые изделия; Андижанская трикотажная фабрика — бельевой трикотаж; Ташкентская фабрика верхнего трикотажа — верхний трикотаж.

Проведена также частичная специализация по ассортименту в пределах нескольких видов готовой продукции: Бухарская трикотажная фабрика — бельевой трикотаж с круглотрикотажных машин; верхний трикотаж с плосковязальных и круглотрикотажных машин; Самаркандская трикотажная фабрика — бельевой трикотаж с круглотрикотажных машин; верхний и спортивный трикотаж с круглотрикотажных и плосковязальных машин; Ташкентская трикотажная фирма — бельевой трикотаж с основовязальных и круглотрикотажных машин; верхний трикотаж с круглотрикотажных, плосковязальных и основовязальных машин.

Как видно, на предприятиях трикотажной промышленности Узбекистана специализация проведена недостаточно глубоко. Многообразие ассортимента выпускаемой продукции приводит к частым перезаправкам оборудования, а следовательно, к снижению производительности труда, качества продукции, эффективности производства. Поэтому целесообразно провести на предприятиях данной отрасли специализацию по выпуску бельевого трикотажа с основовязальных и круглотрикотажных машин; верхнего трикотажа — с плосковязальных и круглотрикотажных машин. Предприятия, специализированные по такому принципу, успешно работают в других республиках («Ригас Адитайс», Урюпинская, Череповецкая, Донецкая и Косинская трикотажные фабрики)¹.

Следовало бы провести работу и по сокращению группового ассортимента и одновременных артикулов.

В 1971 г. на предприятиях трикотажной промышленности УзССР выпускались трикотажные изделия 224 артикулов, из них на Кокандском чулочно-трикотажном комбинате — 41, в Ташкентской трикотажной фирме — 72, на Ташкентской фабрике верхнего трикотажа — 26, Андижанской трикотажной фабрике — 34, Самаркандской — 37, на Бухарской трикотажной фабрике — 14 артикулов.

Из изделий 72 артикулов, выпускавшихся в Ташкентской трикотажной фирме, 31 артикул приходился на бельевой, а 41 — на верхний трикотаж. Такое многообразие в ассортименте продукции было главной причиной низкого качества изделий этой фирмы. Так, в 1971 г. там было выпущено I сортом: бельевого трикотажа — 70%, верхнего трикотажа — 66%, тогда как на Ташкентской фабрике верхнего трикотажа, имеющей более четкую специализацию (26 артикулов изделий), выпуск верхнего трикотажа I сортом составил 85%.

Следует отметить также, что нередко одно и то же изделие выпускается на различных предприятиях. Правильное перераспределение ассортимента изделий между предприятиями позволит уменьшить количество перезаправок, повысить производительность труда, эффективность новой техники, качество продукции и, в конечном счете, эффективность производства.

Наиболее целесообразна технологическая специализация трикотажных предприятий по отдельным технологическим переходам. При этом следовало бы выделить предприятия, осуществляющие вязание, крашение и отделку, пошив бельевых изделий с основовязальных и кругловязальных машин, пошив верхних трикотажных изделий с кругловязальных и плосковязальных машин.

Это даст максимальный эффект в увеличении объема производства, повышении производительности труда и улучшении качества продукции. Например, при алмаатинской трикотажной фирме им. Дзержинского были организованы три швейно-трикотажных производства, которые получали с основного предприятия отделанное полотно (одно производство — только основовязальное, другое — круглотрикотажное для бельевых изделий, третье — для спортивно-зимних изделий). Все затраты по организации швейно-трикотажного производства окупались за 6 месяцев. Объем производства увеличился на 40%, значительно расширился ассортимент изделий, повысилась выработка на одного работающего при улучшении показателей сортности продукции.

Такая же специализация проведена на киевской фабрике им. Розы Люксембург (вязание и отделка бельевого полотна осуществляются на основном производстве, а пошив изделий — на швейно-трикотажной фабрике в Белой Церкви). В результате объем производства увеличился на 15—20% и заметно повысилась производительность труда.

Расчеты, проведенные во ВНИИ трикотажной промышленности, показывают, что технологическая специализация позволяет повысить производительность труда на 4—30%, а объем производства (без использования дополнительных площадей) — на 5%.

Ныне уровень специализации на предприятиях трикотажной промышленности УзССР составляет всего 30%, тогда как по Союзу в среднем — 70%. Поэтому по плану Министерства легкой промышленности республики на 1971—1975 гг. предусмотрено проведение ряда мероприятий по специализации отрасли. Так, согласно плану, Са-

¹ Н. С. Шеленова, Специализация трикотажных предприятий, Текстильная промышленность, 1972, № 3.

маркандскую трикотажную фабрику решено специализировать на производстве спортивных трикотажных изделий; Бухарскую — на производстве изделий для детей; Андижанскую — на производстве бельевых изделий; Ташкентскую трикотажную фирму — на производстве бельевых и верхних трикотажных изделий.

О значимости подобных мероприятий свидетельствует следующий факт. По предварительным расчетам, произведенным в Министерстве легкой промышленности Украинской и Казахской ССР, экономический эффект от специализации предприятий этих республик достигает 1—4 млн. руб.

В целях более полного удовлетворения потребностей советских людей в изделиях легкой промышленности объем производства в этой отрасли в пятилетки увеличится на 38—40%, а по УзССР — на 60,5%, причем выпуск бельевого трикотажа в республике возрастет на 79,3%, верхнего трикотажа — на 39,8, чулочно-носочных изделий — на 28,6%.

В этих целях осуществляются широкие мероприятия по техническому перевооружению предприятий на основе внедрения новой техники и прогрессивной технологии, механизации и автоматизации производства, внедрения поточных линий и непрерывных технологических процессов по отделке изделий.

В целом за годы текущей пятилетки на предприятиях трикотажной промышленности УзССР будет установлено: вязальных машин — 534, красильно-отделочных — 40, швейных — 1789.

Большое значение имеет реконструкция Ташкентской трикотажной фирмы с увеличением мощности по верхнему трикотажу в 2,5 раза, по бельевому — на 27,5%, а также Андижанской трикотажной фабрики и Кокандского чулочно-пряdnльного комбината с увеличением мощности по чулочно-носочным изделиям в 1,5 раза.

Продолана большая работа по совершенствованию технологического оборудования. Только в 1971 г. от внедрения 65 рационализаторских предложений в отрасли получен экономический эффект в сумме 325 тыс. руб. Много внимания уделяется лучшему использованию оборудования.

Специализация и техническое перевооружение предприятий трикотажной промышленности УзССР позволили увеличить за 1970—1973 гг. выпуск бельевого трикотажа на 8%, верхнего трикотажа — на 11, чулочно-носочных изделий — на 12%.

За первое полугодие 1975 г. трикотажные предприятия Узбекистана выпустили чулочно-носочных изделий — 18 млн. пар, верхнего трикотажа — 6,3 млн. шт., бельевого трикотажа — 14,6 млн. шт., перевыполнив тем самым намеченные планом показатели.

Таким образом, специализация производства, техническое перевооружение предприятий и другие мероприятия в совокупности с ростом творческой активности работников трикотажной промышленности республики обеспечивают реальные условия для успешного выполнения плановых заданий 1975 г. и пятилетки в целом и создают необходимую базу для дальнейшего подъема этой важной отрасли легкой промышленности УзССР.

М. Эргашев

К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА И ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ РАБОЧИХ

Неуклонный подъем жизненного уровня рабочего класса, как и всех трудящихся нашей страны, прежде всего обусловлен систематическим повышением производительности труда. Как подчеркивается в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии, «главное, на что мы должны рассчитывать, — это повышение эффективности производства. Если говорить проще, суть проблемы состоит в том, чтобы на каждую единицу затрат — трудовых, материальных и финансовых — добиться существенного увеличения объема производства и национального дохода. В этом, в конечном счете, и состоит повышение производительности общественного труда»¹.

В итоге девятой пятилетки производительность труда в промышленности СССР возрастет на 36—40%, а в УзССР — примерно на 38%. На основе намеченных темпов роста производительности труда и увеличение численности работников, занятых в материальном производстве, национальный доход по сравнению с восьмой пятилеткой в целом по СССР увеличится на 37—40%, а по УзССР — на 37%.

С повышением производительности труда неуклонно растут и доходы трудящихся Узбекистана. Если за 1966—1970 гг. реальные доходы на душу населения УзССР увеличились на 29%, то в завершающем году девятой пятилетки, по расчетам Госплана республики, они возрастут на 31,9% по сравнению с 1970 г.

¹ Материалы XXIV съезда КПСС, М., 1971, стр. 55.

В своем выступлении перед избирателями 11 июня 1975 г. Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин отмечал: «...Важнейшая задача и в десятой пятилетке будет заключаться в том, чтобы максимально поднять производство национального дохода. Для этого прежде всего необходимо всемерно повышать и дальше производительность труда»².

Степень использования прироста общественного продукта и национального дохода в целях повышения жизненного уровня трудящихся определяется в первую очередь соотношением роста производительности труда и доходов населения. Это соотношение оптимально, когда оно обеспечивает высокие темпы повышения жизненного уровня населения в данный период, создавая одновременно предпосылки для устойчивого роста в будущем. Оптимальность данного соотношения требует опережающего роста производительности труда по сравнению с ростом доходов.

Если в 1961—1965 гг. на 1% роста производительности труда в промышленности СССР приходилось 0,52 роста средней заработной платы рабочих и служащих, то в 1966—1970 гг. — 0,83%, а к концу текущей пятилетки это соотношение составит примерно 0,70—0,75%.

В ведущих отраслях промышленности УзССР рост производительности труда значительно опережает рост заработной платы. Так, в машиностроении и металлообработке за 1966—1973 гг. производительность труда выросла на 67%, зарплата — на 33%, в химической и нефте-химической промышленности — соответственно 74 и 22%, в электроэнергетике — 90 и 50% и т. д.

В некоторых отраслях, однако, заработная плата растет быстрее, чем производительность труда. Так, за 1966—1973 гг. производительность труда в пищевой промышленности УзССР увеличилась на 41%, а заработная плата — на 42%.

Конкретно о соотношениях в темпах роста производительности труда и заработной платы можно судить, например, по одному из ведущих предприятий Ташкента — заводу «Таштекстильмаш». Темпы роста производительности труда и среднемесячной заработной платы в расчете на одного работающего (в % к 1970 г.) характеризовались здесь следующими данными³:

Год	Производительность труда	Среднемесячная зарплата	Соотношение роста зарплат и производительности труда
1971	109,0	105,3	0,96
1972	117,1	111,5	0,94
1973	124,0	115,8	0,93
1974	134,0	118,7	0,88

Как видно, соотношение между темпами роста производительности труда и среднемесячной заработной платы рабочих и служащих завода «Таштекстильмаш» постепенно оптимизируется. Дальнейшее улучшение его требует от работников данного предприятия эффективного использования имеющихся резервов повышения производительности труда.

Рост производительности труда в промышленности республики обеспечивается как за счет комплексной механизации и автоматизации производства (внедрение новой техники и технологии на действующих предприятиях, ввод новых промышленных объектов, оснащенных передовой техникой), так и за счет повышения культурно-технического уровня работников, а, следовательно, улучшения количественных и качественных показателей труда.

Исключительно велика роль технического прогресса в повышении производительности труда. За 1966—1972 гг. в промышленности республики внедрено более 1500 крупных мероприятий по созданию новых видов промышленной продукции, внедрению прогрессивной технологии, механизации и автоматизации производственных процессов, что дало большой экономический эффект. Количество механизированных и автоматических поточных линий на предприятиях Узбекистана возросло в девятой пятилетке почти в два раза. Ныне в УзССР действует около 150 комплексно-механизированных и комплексно-автоматизированных предприятий.

За 1966—1972 гг. внедрено около 170 тыс. рационализаторских предложений и изобретений с общим экономическим эффектом 215 млн. руб.

Неуклонно повышается квалификация рабочих и служащих. Численность специалистов с высшим и средним специальным образованием только за три года девятой пятилетки увеличилась в 1,5 раза. Это способствует росту производительности труда, еще более широкому размаху изобретательского и рационализаторского движения.

² Правда, 12 июня 1975 г.

³ По данным отдела труда и зарплат завода «Таштекстильмаш» за 1971—1974 гг.

Вместе с тем в использовании важнейших факторов роста производительности труда в промышленности республики имеются еще значительные резервы. В частности, это касается дальнейшей механизации, автоматизации и внедрения передовой технологии в нефтедобывающей, деревообрабатывающей, легкой, мясо-молочной и других отраслях промышленности УзССР.

Большие возможности повышения производительности труда кроются в эффективном использовании оборудования. Так, по данным обследования, проведенного в 1973 г., на машиностроительных заводах УзССР использовалось немногим более 86% планового количества станков и машин. Коэффициент сменности, при преобладающем двухсменном режиме работы оборудования, составил по заводам: «Ташавтомаш» — 1,53, бытовых холодильников — 0,71, «Узбекхлопкомаш» — 1,14, «Ташхимсельмаш» — 0,74, «Узбексельмаш» — 1,17.

Значительные резервы имеются в использовании оборудования предприятий не только по времени, но и по мощности. Например, на 25 объектах, введенных за последнее время, уровень освоения проектной мощности не превышает 90%. Не выполняются нормы часовой производительности станков и агрегатов в промышленности строительных материалов, на отдельных предприятиях трикотажной, швейной промышленности и т. д.

Крупные резервы роста производительности труда заложены и в рациональной использовании рабочей силы, повышении стабильности кадров. Например, подсчитано, что на один случай перехода работника с одного предприятия на другое в среднем теряется до 20 рабочих дней. Кроме того, требуется определенное время на адаптацию работника к новым условиям. В результате перешедшие на другую работу даже по своей специальности, как правило, в течение двух-трех месяцев недовыполняют норму выработки на 10—20% по сравнению с постоянно работающими на данном предприятии.

Большое влияние на уровень производительности труда оказывают организация труда и производства, особенно степень ритмичности всех процессов, равномерное выполнение плановых заданий в течение рабочей смены, месяца, квартала, года.

Всемерное выявление и широкое использование этих и других резервов обеспечивают устойчиво высокие темпы роста производительности труда, а следовательно, и повышения доходов трудящихся.

Б. М. Филатов

О МАСТЕРСТВЕ В ТРУДЕ И ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ АКТИВНОСТИ ТРУДЯЩИХСЯ

На современном этапе общественного развития неизмеримо возрастает значение субъективного фактора, сознательной деятельности миллионов людей по революционному преобразованию общества. При развитом социализме создаются все условия для полного расцвета, всестороннего и гармоничного развития членов общества, а духовное развитие трудящихся становится важнейшим фактором роста материального производства. «...Чем более трудна, чем более велика, чем более ответственна новая историческая задача, — подчеркивал В. И. Ленин, — тем больше должно быть людей, миллионы которых надо привлечь к самостоятельному участию в разрешении этих задач»¹.

Коммунистическая партия, руководствуясь ленинскими указаниями, уделяет огромное внимание всемерному повышению политической и трудовой активности, сознательности трудящихся масс. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии подчеркивается, что долг партийных организаций — «...еще полнее претворять в жизнь ленинские заветы, добиться того, чтобы все рабочие, колхозники, интеллигенция стали сознательными борцами за осуществление экономической политики партии, действовали как государственные люди, в полной мере проявляя все свои способности, инициативу, хозяйственную сметку»². Вся эта работа направлена на то, чтобы «...привести в действие те гигантские силы, которые заложены в советском человеке — носителе замечательных качеств борца, труженика, создателя»³.

Следует подчеркнуть, что рост общественной и трудовой активности личности имеет двойное значение. Во-первых, она открывает необозримые возможности для самоутверждения человека, полноценного проявления им своего «я», а, во-вторых, чем разнообразнее формы и глубже общественные связи личности, тем духовно богаче становится сам человек. Потребность самоутверждения в труде, будучи процессом самореализации личности, характеризует собой становление в человеке высшей степени потребности в труде.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 446.

² Материалы XXIV съезда КПСС, М., 1971, стр. 71.

³ Там же, стр. 72.

Развитие современного производства предъявляет все возрастающие требования к совершенствованию личности рабочего. В связи с бурным научно-техническим прогрессом многие профессии порою сохраняют лишь свои названия, а многие традиционные специальности исчезают. Вместе с тем появляются новые профессии, требующие более глубоких и разносторонних знаний.

Идет активный процесс изменения не только количественного, но и качественного состава рабочего класса. К примеру, еще в недалеком прошлом рабочий-слесарь выполнял за смену очень большой объем чисто физической работы. Слесарь на современном предприятии — это высококвалифицированный, высокообразованный специалист-наладчик, духовно и квалификационно находящийся зачастую на уровне инженера. Быть наладчиком современных агрегатов с программным управлением или автоматических линий и не заботиться о постоянном росте своих знаний и мастерства — нельзя.

Появление новых профессий с одновременным повышением требований к работнику социально значимо и потому, что происходит постепенное изменение самого понимания принадлежности к той или иной профессии. Это стимулирует потребность в овладении смежными отраслями знаний, во всестороннем развитии личности. Это ценно еще и потому, что развитие главной производительной силы общества — рабочего класса — есть прежде всего развитие его способностей к плодотворной трудовой деятельности. Значит, чем благоприятнее среда и условия, в которых осуществляется это развитие, тем более эффективны его результаты.

В свою очередь, все это благотворно и продуктивно сказывается на всестороннем гармоничном развитии рабочего. Жизнедеятельность его все более становится процессом активного поиска, мышления и творчества. Рабочий все более осознает, что эффективность общественного производства, наряду с внедрением новейшего оборудования и современной технологии, в неменьшей мере зависит от уровня его знаний, профессиональной подготовки, мастерства, квалификации, умения и старания.

Экономические и социально-политические последствия данного процесса выражаются в том, что неуклонно повышается культурно-технический уровень рабочих, обогащается их духовный мир, более разносторонними становятся интересы.

Усиливающийся интерес к работе, производственной среде, в свою очередь, постепенно меняет отношение личности к своей трудовой деятельности в целом. Это отношение можно охарактеризовать как особую расположенность, эмоциональную заваченность, увлеченность, что в неменьшей мере стимулирует производственную, творческую активность. В социалистическом обществе «активность субъективного фактора опосредована не только объективными условиями, но и его способностью понять сущность стоящих перед ним задач, сделать их ориентирами в своей практической деятельности»⁴.

Производственная активность характеризует стремление человека к творческому, эффективному и плодотворному осуществлению своих навыков и знаний в процессе производства, с неперемennым применением передовых приемов и методов труда. Это стремление мотивировано устойчивым внутренним убеждением о высокой личной ответственности за порученное дело, за дело коллектива, всего общества.

Производственная активность личности может проявляться в различных формах: в активном участии в социалистическом соревновании, движении за коммунистическое отношение к труду, рационализаторстве, изобретательстве и т. д. Все эти формы производственной активности имеют большое экономическое значение, содействуя дальнейшему подъему эффективности общественного производства.

Одна из конкретных форм проявления производственной активности, инициативности работников в труде — уровень их квалификации, профессионального мастерства. Осмысление любви к избранной профессии, к своей трудовой деятельности, стремление к постоянному росту квалификации и мастерства как факторов, повышающих эффективность общественного производства, как источников неуклонного духовного и культурного роста работников имеет особое значение.

Трудовая, производственная активность масс — неперемennое условие успешного развития всего общества к коммунизму. В Программе КПСС записано, что «построение коммунизма — дело рук народа, его энергии, его разума... Каждый советский человек своим трудом приближает торжество коммунизма»⁵. Лозунг: «Коммунизм — живое творчество масс» — произывает всю идейно-политическую деятельность нашей партии. Созидательный труд советских людей по коммунистическому переустройству общества есть действительно величайший акт деяния прекрасного, форма активного творчества «по законам красоты» (К. Маркс).

Мастерство, уровень квалификации работников выступают одним из основных факторов повышения эффективности общественного производства. «В нашей стране

⁴ С. Шермухамедов. Рассвет и сближение национальных культур народов СССР — важнейшая закономерность формирования коммунистической культуры. Автореферат докт. дисс., Ташкент, 1973, стр. 30.

⁵ Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., 1974, стр. 141.

издавна самым почетным в народе было звание мастера, умельца. Нам надо еще выше поднять уважение к этому званию, всемерно поощрять тех, кто добивается высокого качества в работе⁶. — говорил Л. И. Брежнев на XVII съезде ВЛКСМ.

В мастерстве работника раскрывается подлинная красота трудового процесса — его гармония и ритм. И действительно, человек, мастерски выполняющий свою работу, выглядит удивительно красивым. Привлекательность и красота такого труда имеют подлинную ценность как для самого работника, так и для трудового коллектива, для общества.

О большой любви и гордости своей профессией, о трудном, но радостном процессе становления мастера высокой квалификации рассказала в статье «Уплотнение времени» знатная прядильщица Наманганского комбината шелковых и костюмных тканей, депутат Верховного Совета СССР Дилара Ташпулатова. Истинный мастер, говорит она, всегда стремится найти и использовать новые резервы, выиграть еще «несколько минут драгоценного времени, чтобы сделать больше, чем вчера»⁷. Неслучайно вместе с другими передовиками производства она выступила с патристическим почином «Две пятiletки — за одну» и с честью держит свое слово. Обслуживая дополнительно около 700 веретен, она уже в июле 1973 г. дала 44 т пражки — больше, чем намечала на всю девятую пятiletку.

Мастерство служит и формой проявления эстетического начала в труде, ибо оно характеризует собой высшую форму овладения специальностью, высшую степень человеческого умения, когда труд становится внутренней потребностью проявления своей личностной сущности, духовного богатства, обретенного в процессе труда. Недаром человека, мастерски овладевшего своей специальностью, называют творцом, художником, а его труд и результаты труда — искусством.

Когда человек в совершенстве владеет «секретами» своей профессии, у него возникает чувство радости и наслаждения трудом, что отмечается, в свою очередь, особым профессиональным изяществом. Возникающая именно на такой основе эмоциональная настроенность, делает человека истинно красивым в труде, а также дает возможность наслаждаться и любоваться его трудом другим, побуждая их подражать его примеру.

Велика и социальная ценность мастерства работника, ибо истинный мастер своего дела работает производительнее и качественнее других, за что и получает высокую оценку общества, всеобщий почет и уважение.

Более 20 лет работает на Самаркандской шелкоткацкой фабрике им. 26 бакинских комиссаров ткачиха Флора Мирзаханова. В совершенстве овладев своей профессией, она за 4,5 года девятой пятiletки выполнила норму двух пятiletок при неизменно высоком качестве продукции. Именно на участке Ф. Мирзахановой вырабатываются ткани «Альпак» и «Фируза», которым присвоен государственный Знак качества. За высокие производственные показатели и плодотворное наставничество Ф. Мирзаханова удостоена Почетной грамоты ЦК КПУз, Президиума Верховного Совета и Совета Министров УзССР, учрежденной в честь 50-летия Узбекской ССР и Компартии Узбекистана.

При мастерском труде работа превращается в истинное творчество, становится образцом для других. Именно об этом говорит Герой Социалистического Труда, бригадир судосборщик Балтийского судостроительного завода им. С. Орджоникидзе Ф. В. Вишняков: «Творчество рабочего проявляется не только на собственном рабочем месте, его плоды передаются другим...»⁸

Высококвалифицированный токарь-новатор экспериментального участка Самаркандского лифтостроительного завода им. 50-летия образования СССР Г. Х. Аванесов постоянно перевыполняет сменные задания. Победитель городского смотра «Лучший по профессии» в 1973—1974 гг., он по итогам первого полугодия 1975 г. награжден переходящим призом «Алмазная грань» Самаркандского горкома КПУз и горисполкома. За последние годы он внес пять рационализаторских предложений, внедрение которых дает экономию металла на 27 850 руб. и общий экономический эффект в сумме 40 319 руб. Опытный наставник молодежи Г. Х. Аванесов только за два года обучил передовым методам и приемам труда около 10 молодых рабочих.

Мастерство формируется на основе воспитания любви к своей профессии, профессиональной гордости. «Мастер начинается тогда, когда он не мыслит жизнь без своей работы»⁹. — говорит передовой хлопкороб из Бухары С. Саидов. Вот почему особое значение имеют задачи профессиональной ориентации молодежи, формирования у нее любви к избранной профессии, потребности постоянного совершенствования, воспитания «всех трудящихся на лучших образцах труда...»¹⁰

⁶ Л. И. Брежнев. Речь на XVII съезде ВЛКСМ, М., 1974, стр. 6—7.

⁷ См. «Правда Востока», 4 июля 1975 г.

⁸ См. «Вопросы философии», 1974, № 6, стр. 23.

⁹ См. «Правда Востока», 6 января 1973 г.

¹⁰ Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 118.

Работник высокой квалификации выпускает продукцию, как правило, только отличного качества и с гордостью ставит на ней личное клеймо. «Доброно, на соевые сделанные вещи — будь то станок или трактор, автомобиль или телевизор — экономят общественные затраты, облегчают наш труд, — говорил Л. И. Брежнев на XVII съезде ВЛКСМ, — в то же время поднимают настроение человека, его рабочую гордость... Где бы ни работал человек, он должен гордиться результатами своего труда»¹.

Диалектика развития профессионального мастерства, роста квалификации рабочего и его производственной активности в том и проявляется, что расширенное социалистическое воспроизводство и формирование личности советского человека — органически взаимосвязанные процессы. Вот почему наша партия рассматривает их как составные части единой задачи — строительства коммунизма.

Особенно значимо в этом плане обобщение и широкое распространение опыта лучших производственников, развитие замечательного движения наставничества как одного из наиболее ярких проявлений трудового мастерства, производственной и общественной активности наших передовиков, знаменосцев борьбы за коммунистическое отношение к труду.

А. Г. Рустамов

¹ Л. И. Брежнев. Речь на XVII съезде ВЛКСМ, стр. 6.

РОСТ ТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ РАБОЧИХ БУХАРЫ В ПЕРИОД БОРЬБЫ ЗА ПОЛНУЮ И ОКОНЧАТЕЛЬНУЮ ПОБЕДУ СОЦИАЛИЗМА

В борьбу за полную и окончательную победу социализма в нашей стране весомый вклад внесли все отряды рабочего класса Советского Узбекистана. Об этом наглядно свидетельствуют, в частности, материалы, характеризующие рост трудовой активности рабочих коллективов одного из старейших городов Узбекистана — Бухары.

Труженники промышленных предприятий города добились значительных успехов уже в ходе выполнения четвертого (первого послевоенного) пятилетнего плана.

Четвертый пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства Узбекистана на 1946—1950 гг. был утвержден сессией Верховного Совета УзССР, состоявшейся 30 августа — 2 сентября 1946 г. Планом предусматривался и ряд мероприятий по развитию промышленности г. Бухары, в частности реконструкция и расширение каракулевого завода, достройка городского холодильника, расширение обувной фабрики с увеличением выработки обуви до 156 тыс. пар в год, пуск на полную мощность прядильной фабрики, хлопкоочистительного завода и других предприятий. Надо было обеспечить быстрейшую перестройку промышленности на мирный лад и выпуск продукции массового потребления в соответствии с растущими запросами трудящихся.

Городской комитет партии, советские, хозяйственные и общественные организации Бухары возглавили трудовой порыв масс, всемерно развивая среди труженников города различные формы социалистического соревнования.

Крупного успеха добился коллектив Бухарского каракулевого завода, включившийся в социалистическое соревнование с Чарджоуским каракулевым заводом за лучшее выполнение производственного плана 1946 г. по всем показателям. Четкая организация соревнования, максимальное использование внутренних производственных резервов позволили коллективу завода к 26 августа досрочно выполнить годовое задание. Особенно отличились работники кислородного и сортировочного цехов, где не было ни одного рабочего, не выполнившего планового задания. Стахановцы завода Кабилов, Джумаева, Нуруллаев и другие выполняли по 2—3 годовые нормы¹. Улучшилась работа шелкоматериальной фабрики, которая до этого в течение ряда лет не справлялась с плановыми заданиями, а в 1946 г. выполнила план на 101%. 10 крупных предприятий города успешно завершили свою годовую программу².

Партийные, советские и хозяйственные органы Бухары придавали большое значение укреплению энергетической базы города. В 1946—1947 гг. была капитально отремонтирована БухЦЭС, начался переход отдельных предприятий на снабжение энергией с помощью собственных дизельных установок.

Много внимания уделялось и подготовке квалифицированных промышленных кадров. Только в 1946 г. было обучено 2300 человек, в том числе 1223 — из местных национальностей³, а за 8 месяцев 1948 г. через систему ФЗО и методами бригадного и индивидуального обучения в Бухаре было подготовлено 2360 рабочих⁴. Повышение

¹ Красная Бухара, 30 августа 1946 г.

² Бухарский облпартиархив, ф. 3, оп. 1, д. 1040, л. 5.

³ Там же, оп. 1, д. 1186, л. 16.

⁴ Там же, ф. 3, оп. 1, д. 1110, л. 186.

квалификации способствовало росту творческой активности работников производства. В 1947 г. труженики промышленности г. Бухары, поддерживая обращение ленинградцев ко всем трудящимся страны о досрочном выполнении производственных планов в честь 30-летия Октября, выполнили годовой план на 108,2%. Выпуск валовой продукции по предприятиям города на 27 663 тыс. руб. превысил уровень, достигнутый в 1946 г. В целом план первой послевоенной пятилетки трудящиеся Бухары выполнили досрочно, и объем продукции 1950 г. превысил уровень 1946 г. на 35,3%.

В ходе борьбы за досрочное выполнение заданий четвертой пятилетки на предприятиях Бухары выросли замечательные передовики производства, такие как Зикряева со швейной фабрики им. XX лет ВЛКСМ, Кондратьев с мотороремонтного завода, Камалова, Уринова со швейной фабрики им. XVI партсъезда, Салахутдинова, Гулямова с шелкомотальной фабрики и многие другие, давшие за пять лет по 8—10 годовых норм⁵. В социалистическом соревновании за досрочное выполнение пятилетки участвовало около 90% рабочих и работниц, из них свыше 2300 человек выработали по 6—7 годовых норм и более⁶. Лучшие производственники были удостоены высоких правительственных наград. Стахановки Салахутдинова, Базарова были награждены орденом Ленина, Зикряева и Кондратьев — орденом Трудового Красного Знамени и т. д.⁷

Особенно отличился коллектив шелкомотальной фабрики, выплывший план четвертой пятилетки к 1 ноября 1950 г., получив при этом свыше 3 млн. руб. сверхплановой прибыли и сэкономив более чем на 2 млн. руб. сырья⁸.

Новых крупных успехов достигли труженики промышленности Бухары в годы пятой пятилетки, план которой был принят XIX съездом КПСС в октябре 1952 г.

В преддверии съезда здесь, как и по всей стране, еще шире развернулось социалистическое соревнование. На промышленных предприятиях и в промартелях Бухары в него включились 2955 стахановцев, 1774 ударника и 250 двухсотников⁹. Коллектив мотороремонтного завода завоевал в 1952 г. переходящее Красное знамя ВЦСПС и Министерства хлопководства СССР. Работники шелкомотальной фабрики, досрочно выполнив 9-месячное задание, к открытию съезда дали сверхплановой продукции на 750 тыс. руб.¹⁰ Коллектив каракулевого завода выполнил годовой план еще в сентябре, а к открытию съезда выпустил сверхплановой продукции более чем на 12 млн. руб.¹¹

На мотороремонтном заводе в соревнование включился весь коллектив. Здесь не было ни одного рабочего, не выполнившего производственного задания, а такие передовики, как сварщик Рамазанов, формовщик Старков, фрезеровщик Сабитов, слесарь Нуруллаев и другие, выработали по 2,5—3 нормы и более¹².

На швейной фабрике им. XX-летия ВЛКСМ в социалистическом соревновании приняли участие свыше 1000 рабочих. Только за 8 месяцев 1954 г. там было выработано продукции на 8 млн. руб. больше, чем за соответствующий период 1953 г. Производительность труда на фабрике повысилась за это время на 11,4%. 244 передовика предприятия уже в 1954 г. работали в счет 1955—1959 гг., а слесарь Волков, утюжик Джаффаров и некоторые другие — в счет 1960 г.¹³

В результате энергичной организационно-хозяйственной и политико-массовой работы партийных, советских, хозяйственных и общественных организаций предприятия г. Бухары выполнили пятый пятилетний план досрочно, к 10 ноября 1955 г. Сверх плана было выработано продукции на 15,1 млн. руб., а себестоимость продукции снижена на 5167 тыс. руб.¹⁴

С большим политическим и трудовым подъемом встретили трудящиеся Бухары, как и весь советский народ, XX съезд КПСС. Так, включившись в социалистическое соревнование в честь съезда, коллектив Бухарского молочно-маслобойного комбината первыми выполнил январский план 1956 г. в 1,5 раза. Работницы швейной фабрики им. XX-летия ВЛКСМ дали тогда сверхплановой продукции на 1 млн. руб. На каракулевым заводе комсомольско-молодежная бригада А. Киряевой выполнила план января на 127,5% и т. д.¹⁵

Промышленность города в целом выполнила план 1956 г. досрочно, дав сверх плана различной продукции более чем на 30 млн. руб. План по производительности

⁵ Бухарский облпартархив, ф. 3, оп. 1, д. 1066, л. 11.

⁶ Там же, д. 1186, л. 15—16.

⁷ Там же, д. 1110, л. 186.

⁸ Кизил Узбекистан, 12 июля 1951 г.

⁹ Красная Бухара, 20 декабря 1952 г.

¹⁰ Красная Бухара, 28 сентября 1952 г.

¹¹ Красная Бухара, 5 октября 1952 г.

¹² Красная Бухара, 29 июля 1952 г.

¹³ Красная Бухара, 3 октября 1954 г.

¹⁴ Бухарский облпартархив, ф. 1, оп. 3, д. 1268, л. 5.

¹⁵ Красная Бухара, 7 февраля 1956 г.

труда был выполнен на 103%; себестоимость продукции снижена на 8 млн. руб.¹⁶ Коллектив швейной фабрики им. XX-летия ВЛКСМ завершил годовой план к 1 декабря 1956 г. Более 75% рабочих фабрики досрочно завершили годовые задания, а мотористки Саттарова, Низзова, Ашрапова, утюжница Тишаева, слесарь Аккурин и многие другие работали в счет 1959—1960 гг. Приказом по Министерству легкой промышленности СССР коллективу цеха № 4 было присвоено звание «Цеха отличного качества и высокой производительности труда».

Крупного успеха добились также коллектив каракулевого завода, выпустившего сверхплановой продукции на 12,4 млн. руб., и ряда других предприятий Бухары.¹⁷

В 1957 г. советский народ торжественно отметил 40-летие Великого Октября. Это знаменательное событие вызвало новый прилив энтузиазма у трудящихся нашей страны, в том числе рабочих Бухары. Взяв повышенные социалистические обязательства, они выполнили производственные задания 1957 г. к 6 декабря, причем по сравнению с соответствующим периодом 1956 г. выпуск промышленной продукции вырос на 14%, производительность труда — на 3%, а себестоимость продукции была снижена сверх плана на 2785 тыс. руб.¹⁸

Коллектив каракулевого завода выполнил задание 1957 г. к 1 октября¹⁹, выработав сверх плана каракулевых смушек на 22 млн. руб. и повысив производительность труда на 8,4%. Заслуженным уважением в коллективе пользовались сортировщица коммунистка Н. Разакова, квазилейка Б. Алимова и другие передовики, выработавшие по 1,5—2 нормы и более.²⁰

Значительных успехов добилась промышленность г. Бухары и в 1958 г. В конце того года, в канун XXI съезда КПСС, здесь, как и по всей стране, развертывается патриотическое движение за коммунистическое отношение к труду. В него включились коллективы швейных фабрик им. XX-летия ВЛКСМ, им. XVI партсъезда, шелкомотальной фабрики и др. Так, на шелкомотальной фабрике члены пяти бригад боролись за звание коммунистических. Они взяли обязательство ежемесячно выполнять производственные планы не ниже, чем на 110%, выработать шелк-сырец только первым сортом, быть образцом на производстве и в быту, повышать свою квалификацию.²¹ На швейной фабрике им. XX-летия ВЛКСМ бригада коммунистического труда, возглавляемая т. Саиджалановой, выполнила годовое задание 1958 г. к 1 декабря.²² Коллектив этой фабрики выступил инициатором внедрения передового метода безостаткового раскроя ткани. И если в 1950 г. отход ткани на фабрике составил 78,4 тыс. м, то за 8 месяцев 1958 г. его вообще не было.

Таким образом, в 1946—1958 гг. на предприятиях Бухары происходит постоянный рост трудовой активности рабочих и служащих, ярко выразившейся в различных формах социалистического соревнования, новым замечательным проявлением которого стало движение за коммунистическое отношение к труду.

Труженники промышленности г. Бухары внесли свой вклад в полную и окончательную победу социализма в нашей стране, а ныне активно участвуют в выполнении исторических решений XXIV съезда партии и подготовке к достойной встрече XXV съезда КПСС.

М. Авалов

¹⁶ Бухарский облпартархив, ф. 3, оп. 1, д. 1277, л. 14.

¹⁷ Красная Бухара, 8 января 1957 г.

¹⁸ Бухарский облпартархив, ф. 3, оп. 1, д. 1284, л. 3.

¹⁹ Красная Бухара, 5 октября 1957 г.

²⁰ Бухарский облпартархив, ф. 3, оп. 1, д. 284, л. 5.

²¹ Там же, д. 1292, л. 21.

²² Там же, л. 23.

КООПЕРИРОВАНИЕ КУСТАРНО-РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ТАССР В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В. И. Ленин, определяя коренные задачи социалистического преобразования народного хозяйства страны, уделил большое внимание кооперированию кустарей и ремесленников, созданию и развитию промысловой кооперации. «Промысловая кооперация, — указывал В. И. Ленин, — поможет развитию мелкой промышленности, которая увеличит количество необходимых для крестьян продуктов, не требующих большей частью ни дальнего подвоза по железным дорогам, ни крупных фабричных заведений. Надо всеми мерами поддерживать и развивать промысловую кооперацию, оказать ей всяческое содействие — это обязанность партийных и советских работников, ибо это сразу даст облегчение крестьянству и улучшит его положение»¹.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 250—251.

С переходом после победы Октября ключевых позиций экономики в руки Советского государства были созданы условия и для социалистического переустройства кустарно-ремесленной промышленности. В таких отсталых национальных районах, как Туркестан, это имело особое значение в приближении местных трудящихся к социалистическому строительству.

Важнейшей экономической мерой Советской власти, направленной на социалистическое обобществление мелкой промышленности, стало государственное регулирование кустарного производства. Содействуя его развитию, Советская власть помогала кустарям приобретать сырье и орудия производства, реализовывать готовые изделия, осваивать передовые формы организации кустарного дела. Государственное регулирование мелкого производства ограничивало посредническую роль скупщиков и торговцев между производителями и потребителями, способствовало освобождению кустарей от гнета торгово-ростовщического капитала.

Кооперированием кустарей непосредственно занимались кустарные отделы совнархозов, подчиненные Центрокустотделу ЦСНХ, и исполкомы местных Советов. Кустотделы были призваны ликвидировать зависимость кустарей от скупщиков-спекулянтов, устанавливать твердые цены на их изделия, повышать производительность и улучшать качество кустарных изделий, централизовать выдачу заказов и сырья, контролировать выполнение заказов и сдачу продукции государственными органами, укреплять связи кустарного производства с государственным сектором народного хозяйства.

Коллегия Центрокустотдела прилагала все усилия к кооперированию кустарей и ремесленников. Все заказы государственных учреждений и организаций передавались кустарям через кустотделы, которые снабжали непосредственных производителей монополизированным сырьем, орудиями труда, кредитом, оказывали им всяческое содействие. Но такую помощь получали лишь члены артелей, которые, в свою очередь, вступали в соответствующие союзы и кооперативные объединения.

Кооперирование кустарей в ТАССР началось с середины 1919 г., причем первые артели носили снабженческо-сбытовой характер, а затем постепенно приобретали производственное направление.

Широкий размах получило кооперирование кустарей после V Краевой конференции КПТ (январь 1920 г.). В резолюции по хозяйственному строительству конференция указала, что одной из основных задач Советской власти в Туркестане «является широкая материальная помощь производительным единицам кустарного и ремесленного типа, объединение их в кустарные профессиональные объединения, постепенная концентрация мелкого кустарного производства»².

Вопрос о кооперировании кустарей был обсужден на пленарном заседании Крайкома КПТ 8 марта 1929 г. Пленум признал трудовые артели наиболее подходящей организационной формой объединения и концентрации «мелкого производителя-кустара», подчеркнул необходимость широкого создания артелей, «через которые государственными организациями Компрода и Совнархоза производится снабжение кустарей денежными и материальными средствами, а также организуются сбыт их изделий»³.

Трудовые артели объединяли мелких производителей самых различных профессий. Так, в конце апреля 1920 г. в Краснодарске местным совнархозом была организована рыболовецкая артель. В Пржевальском уезде в то же время были созданы две пчеловодческие артели. В Фергане в середине 1920 г. возникли артели угольщиков, ткачей, кузнецов⁴. В Самаркандском и Ургутском районах также появились несколько артелей с охватом до 400 человек. В «новом городе» Самарканда открылась ткацкая мастерская, где имелось 25 станков с месячной производительностью до 5—6 тыс. аршин тканей. В Старом Маргилане появилось 14 артелей с 3620 членами.

К весне 1920 г. трудовые артели и мастерские, объединявшие женщин местных национальностей, были организованы в г. Туркестане (ткацкая мастерская), Перовске (фуфаячная мастерская) и других городах⁵.

К середине 1920 г. в Ташкентской, Самаркандской и Ферганской областях насчитывалось около 30 мастерских с 10—25 станками в каждой. В том году они изготовили более 153 тыс. м бумажных и шерстяных тканей, 2623 фуфайки, 964 платка, 127 одеял и т. д.⁶ В условиях острого товарного голода тех лет эта продукция имела большое значение для удовлетворения потребностей армии и населения республики.

Со второй половины 1920 г. усилился процесс объединения кустарей в Самаркандской области, где было организовано 65 артелей, насчитывавших до 3 тыс. членов⁷.

² Народное хозяйство Туркестана, 1920, № 3, стр. 8.

³ ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 715, л. 99.

⁴ Известия ТуркЦИК, 21, 29 апреля, 1 мая, 15 июня 1920 г.

⁵ Известия ТуркЦИК, 4 июня 1920 г.

⁶ ЦГА УзССР, ф. Р-111, оп. 1, д. 115, л. 77.

⁷ Самаркандский облгосархив, ф. 71, оп. 1, д. 27, л. 119—125.

В течение 1920 г. была кооперирована значительная часть кустарей ТАССР. В Ташкенте и Ташкентском уезде было организовано 300 промысловых артелей с 12 481 членом, в Амударьинском отделе — 69, Аулие-Ата — 51 (578 членов), в Самарканде — 109, Коканде — 39, Намангане — 21, Голодной степи — 10 (495 членов), в Ходжентском уезде — 105 (i330 членов), Андижане — 18 (1058 членов), Черняеве — 11, Пржевальске — 9, Казалинске — 2, Полторацке — 4 артели и т. д.⁸

В целом по ТАССР к декабрю 1920 г. насчитывалось, по неполным данным, около 300 артелей, в том числе в Сырдарьинской области вместе с Амударьинским отделом — 300, в Самаркандском — 214 (данные только по Самаркандскому и Ходжентскому уездам), в Ферганской — 78 (данные по Намангану, Андижану и Коканду), в Семиреченской — 24, в Закаспийской — 27. В них было объединено более 25 тыс. кустарей⁹.

Много внимания уделялось вовлечению в артели женщин местных национальностей. К осени 1921 г. в ТАССР функционировало около 10 женских артелей и мастерских¹⁰, где было занято несколько тысяч женщин, главным образом из коренных национальностей. Только «Первая мусульманская женская трудовая артель» в г. Фергане объединяла до тысячи женщин¹¹.

Трудовые промысловые артели, как правило, работали по заказам различных советских и военных организаций. Например, в Ташкенте 42 артели выполняли заказы кустарного отдела. 41 артель (шубников, шапочников, портных, сапожников, седельников, кузнецов) — отдела военных заготовок, 38 — «Центркожа», 109 — Горкомпрода и т. д.¹²

Организация-заказчик заключала с артелью договор, где конкретно указывались поставщик сырья, ассортимент и количество изделий, сроки изготовления, размеры оплаты труда и т. д.

В качестве примера можно привести договор, заключенный 30 апреля 1920 г. Центральным отделом военных заготовок (ЦОВЗ) ТАССР с первой рабочей артелью союза седельно-шорных дел мастеров «старого города» Ташкента. По договору, артель обязывалась по заказам ЦОВЗ изготавливать седла и части к ним, а также различные шорные товары из сырья заказчика, сдавая в неделю не менее 125 седел или равное им по затраченному труду количество других изделий. За комплект седел ЦОВЗ выплачивал артели 2185 руб.

В договоре оговаривалось также качество продукции и предусматривалось, что при простое артели из-за нехватки сырья заказчиком ЦОВЗ выплатит членам ее средний заработок. Договор был заключен на два месяца¹³.

Трудовые артели кустарей давали государству довольно значительную по тем временам продукцию. Так, артели кустарного отдела Самаркандского областного совнархоза с октября 1920 г. по апрель 1921 г. выработали около 90 тыс. аршин тканей, 290 пудов пряжи, свше 400 кетменей, 500 бидонов, около 1480 шуб, 750 шапок, 300 пар галosh, обрабатали около 9 тыс. кож, приняли заказы на изготовление 8 тыс. омачей, 8 тыс. кетменей и т. д. Кроме того, кустарный отдел организовал и отправил по волостям области 23 походные кустарные мастерские по ремонту сельскохозяйственного инвентаря¹⁴.

Артели Пржевальского уезда только в сентябре-октябре 1920 г. дали 861 ед. швейных, металлических, деревянных изделий, 163 пары обуви, 100 пудов свечей, 200 пудов извести, 130 пудов угля и др.¹⁵

Несмотря на трудные условия гражданской войны, в ТАССР появляются новые отрасли кустарного дела, развиваются производство строительных материалов, сельскохозяйственного инвентаря, кузнечно-слесарных изделий, спичек, красок и т. д.

Внедрение передовых форм организации кустарного дела, количественный рост артелей способствовали налаживанию товарооборота между городом и деревней. Кустари ремонтировали необходимые сельскому населению транспортные средства, сельскохозяйственный инвентарь, ковали лошадей, а взамен получали хлеб и другие продукты питания.

По сведениям Центркустотдела ЦСНХ, в 1920 г. артелями Ташкентского, Наманганского, Старомаргиланского, Аулие-Атинского, Кокандского, Андижанского, Петро-Александровского и Голоднойстепского кустотделов было сдано по заказам государственных организаций: пряжи — 519 пудов, маты — 4 тыс. аршин, гвоздей арбяных —

⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-27, оп. 1, д. 472, л. 67—76; д. 478, л. 88, 92, 96, 99, 100, 102, 111; Очерки истории Каракалпакской АССР, т. II, Ташкент, 1964, стр. 88.

⁹ ЦГА УзССР, ф. Р-27, оп. 1, д. 445, л. 32; д. 478, л. 88—111; д. 472, л. 67—76; Алма-Атинский облгосархив, ф. 79, оп. 1, д. 284, л. 1—3.

¹⁰ ПА УзФИМЛ, ф. 60, оп. 1, д. 696, л. 5.

¹¹ Известия ТуркЦИК, 24 декабря 1920 г.

¹² ЦГА УзССР, ф. Р-27, оп. 1, д. 472, л. 67—76.

¹³ Там же, оп. 1, д. 147, л. 8.

¹⁴ Самаркандский облгосархив, ф. 74, оп. 1, д. 18, л. 8—9.

¹⁵ Алма-Атинский облгосархив, ф. 79, оп. 1, д. 392, л. 1—2.

57 000, подков—212, скребищи—11 330, овчин—30 242, сапог—5 тыс., седел—53 000, арб—2432 и т. д.¹⁴

В те годы кустарная промышленность в своем развитии опережала государственную. Достаточно сказать, что к концу 1920 г. число действующих промышленных предприятий сократилось на 50%, а объем их продукции—на 80%. На исходе 1920 г. в Сырдарьинской области работали 58 из 243 предприятий, в Самаркандской—65 из 115, в Ферганской—90 из 313 предприятий¹⁵.

В то же время в ТАССР насчитывалось, по неполным данным, 774 артели, объединявших более 25 тыс. человек¹⁶. Из 14 050 заведений, учтенных переписью 1920 г., к кустарной промышленности относилось 13 029, к фабрично-заводской—1021, т. е. кустарная промышленность составляла 93% всех заведений края¹⁷.

Таким образом, в годы гражданской войны кустарная промышленность играла большую роль в народном хозяйстве Туркестанской АССР. Мероприятия партии и правительства по кооперированию кустарного производства имели важное значение в улучшении экономического положения республики, социалистическом преобразовании мелкотоварного сектора, вовлечении широких масс кустарей и ремесленников в строительство новой жизни.

С. Шакирова

¹⁴ Известия ТуркЦИК, 1921, № 18.

¹⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-27, оп. 1, д. 496, л. 36.

¹⁶ Там же, д. 445, л. 32; д. 478, л. 88—111; д. 472, л. 67—76; ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 627, л. 187—188.

¹⁷ Отчет о деятельности ТЭС за февраль 1921 г., Ташкент, 1921, стр. 76. 78.

ХУТАН ҚОШ ТОШИДАН ФОЙДАЛАНИШ ТАРИХИГА ДОИР

Шарқий Туркистондаги катта шаҳарлардан: Хўтан, Еркенд. Қошғарлар ўзининг нафис қўл ҳўнармандчилиги: гилам, атлас тўқиси, каштачилик, наққошлик, ёғоч ўймакорлик ва тоштарошлик каби халқ санъати билан қадимдан машҳурдир.

Хўтан ва Қошғарларда тоштарошликнинг ривожланишида ўша ерлардан чиқадиган тошлар, айниқса қош тоши муҳим роль ўйнаган. Шарқий Туркистоннинг бу районидagi халқлар қош тошдан қадимий даврлардан фойдаланиб келадиганига бизга турли археологик қазилмалардан маълум. 1928—1929 йиллари Тарим водийсида олиб борилган археологик текширишлар натижасида Хўтан ва Лобнор атрофидagi ерлардан жуда кўп тош қўроллари билан бирга қош тошдан ишланган турли шаклдаги идишлар, ўқ ёй учи, пичоқ ва болталар топилган бўлиб, олимлар бу топилмаларни тош қўрол даврининг охириларига мансуб эканлигини аниқлаганлар¹.

Шарқий Туркистонда қош тоши билан боғлиқ бўлган топонимик номларнинг тез-тез учраб туриши ҳам ерли халқлар ундan жуда қадим замонлардан буён фойдаланиб келганлигидan дарак беради.

Масалан, Хўтан шаҳрининг ўртасидan оқиб ўтадиган дарё «Юрунг қош» (оқ тиниқ қош тош) дарёси деб аталса, Хўтаннинг фарбидаги бир район ҳам шу ердan қазиб олинadиган тошнинг номи билан «Қорақош» деб аталади. Тянь-шань тоғининг жанубий томонидаги Бугур районидagi бир қишлоқ «Қошобод» деб аталса, Или дарёсининг бошланишидаги бир ирмоғи ҳам «Қош» дарёси деб аталади. Айрим тадқиқотчилар Қошғарнинг топонимик маъноси ҳам қош тош сўзидan келиб чиққан деб айтмоқдалар².

Хитойнинг Шарқий Туркистон билан чегарадош Гань-су ўлкасининг бир шаҳри юй-мин-гуан деб аталади, бу ном хитойча бўлиб, унинг маъноси Қош тош дарбозаси демакдир³. Чунки ана шу шаҳар орқали Хўтан қош тоши Хитойга олиб борилар эди. Хўтан қош тошига доир тарихий маълумотларни мелоддан аввалги биринчи асарлага оид Хитой манбаларидan бири Ши-ци (Тарихий солномалар) китобида Урта осёлик буюк энциклопедик олимларимиздан Абу Райҳон Беруний ва Маҳмуд Қошғарийнинг асарларида учратамиз.

Абу Райҳон Беруний ўзининг минераллар ҳақида ёзган асарига Хўтан қош тошининг қарлардан олинниши тўғрисида аниқ маълумот бериб: «Қош тош Хўтан об-ластининг икки водийсидan, асосан Ахма шаҳридан олинади. Яна бир водийни Қош деб атади, у ердan сифатли оқ қош тош қазиб олинади. Манба чексиз қош тошининг

¹ Хуан Вэнь-би Талиму пинди қаогу цзы (Тарим водийсидаги археологик қазилмалар хотиралари), Пекин, 1958, 121—122-бетлар.

² Э. М. Мурзаев, Природа Синьзяня и формирование пустынь Центральной Азии, М., Изд-во «Наука», 1966, стр. 324.

³ С. Г. Клещинский, Древнетюркские рунические памятники, М., Изд-во «Наука», 1964, стр. 98.

катталари хонларга қарашли бўлиб, майда парчалари эса пуқороларникидир. Бошқа бир водий қора қош деб аталиб у ердан қора қош тоши олинади⁴, деб ёзади.

XI асрда яшаб ижод этган буюк олим Маҳмуд Қошғарий ўзининг «Девону луготит турк» асарида бу тошнинг қарлардан олиниши ҳақида батафсил тўхталиб: «Қош ўкуз⁵ Хўтан шаҳарининг икки томонидан оқадиган икки наҳрдир, уларнинг бири юрунг Қош ўкуз дейилади. Оқ тоза қош тош шу ерда бўлади, бу ном ҳам шу тилга нисбатан берилган, яна бири қора қош ўкуз деб аталиб, қора тоза қош тош шу ерда бўлади⁶, — деб ёзади.

Қадимий Хўтан ва Қошғар халқининг қўли гул ўймакорлари ва тош тарашлари бу қош тошларни тоғлардан йўниб олиб, ёки Хўтандан Утадиган Қош ва Юрунг қош дарёлари ўз оқими билан олиб келган қош тошларга сайқал бериб, гул, нақш ва байтлар ўйиб ёзилган турли шаклдаги лаган, товоқ, коса, ниёла ва вазалар ясаган бўлса, зеб-зийнат буюмларидан: биллакузук, узук, сирға кўзлари ва бошқа ҳар қил нафис тақинчоқларни ясаида фойдаланиб келганлар.

Милодимизнинг 981—983 йилларида Турфонда икки йил турган Хитой элчиси Ван Ян Ди ўзининг Турфон ҳақида ёзган хотираларида: «У мамлакатнинг халқлари саводхон, тўғри, оқ кўнгил ва ҳайрон қоларлик даражада чевардир, айниқса идиш — товоқ ва турли асбобларин олтин, кумуш, мис, темирлардан тайёрлашга уста, Юй (қош тош) дан турли асбобларни ясашга жуда ҳам моҳир халқ», — деб ёзади. Қош тош қадимий Шарқ мамлакатига юксак баҳоланар эди. Хитой билан Шарқий Туркистон ўртасидаги савдо алоқаларда қош тоши муҳим ўрнини эгаллаб, Хитой императорлари ҳазинасида қош тошнинг камайиши ҳазинанинг қуриб кетаётганлигидан дарак беради⁸. Ҳатто шундай вақтлар бўлганки, 1 кг қош тошнинг энг яхши ашид навиға 100 сўм тилло пул тўлланганлар⁹.

Хитой императори томонидан Викториа шоҳига совға қилинган Қош тошидан ишланган ширмани англиялик экспертлар 300 минг фунт стерлинг деб баҳолаган эдилар¹⁰.

Абу Райҳон Беруний ўзининг «Ҳиндистон» деган китобида айтишича: «Агар санамларни қимматбаҳо тошлардан ишланса, уни ишлаган одамлар кўп ерларга эга бўлар эмиш»¹¹. Шунинг учун бўлса керак, Шарқий Туркистонда будда дини ривожланган II ва VIII асрларда қош тошидан баландлиги учинчи-туртинчи (биринчи 32 см) келадиган будда ҳайкаллари ясаганлиги ҳақида Қадимий Хитой манбаларида учратамиш¹². Яна Хитой манбаларида қош тошидан ясалган будда ҳайкалини милодиязининг 451 йили Хўтан хони томонидан Хитойнинг Лян династиясига совға қилиб юборганлиги ҳақидаги маълумотлар ҳам сақланиб қолган¹³.

Юқоридаги маълумотлардан Хўтан Қош тошларидан қадимдан фойдаланиб келинаётганлигини ва у юксак баҳоланганлигини билиб оламиз. Шунинг учун Қош тошлари ҳақида турли афсоналар тўқилиб, у қандайдир сеҳрлик тошларга айланган. Қош тошидан санамлар ясалиб, унга сизинганлар ва унинг шифобахш хусусияти ҳақида халқ ўртасида турли иборалар тарқалган. Масалан, Абу Райҳон Беруний ўзининг доришunosлик ҳақида ёзган «Китоб Ас-сайдинафи Т—тибб» деган китобида «Турклар оғир ва ҳазм қилиш қийин бўлган овқатларни еганда, ошқозон оғримаслиги учун уни (қош тошини) қабул қилади¹⁴» деб ёзса, Маҳмуд Қошғарий: «Қош у тиниқ бир тошидир, одамлар уни узукка кўз қилиб тақадилар, кимдаки бу тош бўлса, унга чақмоқ зарба бермади, чунки у тошнинг табиати шундай... ташна одам оғизга солса, ташналикдан қутулади¹⁵» — деб ёзган эди.

Абу Райҳон Беруний ўзининг минераллар ҳақида ёзган китобида «Қош тоши ёки унинг бир турини «ғалаба» тоши деб атайдилар, шунинг учун турклар яккама-

⁴ Абу Райҳон Беруний. Минералогия, М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 184.

⁵ Қадимий турк тилида ўкуз дарё деган маънони англатар эди. Амударёнинг мўғуллар истелосиғача бўлган оқими эски ўкуз деб аталган, бу ҳақда Я. Ф. Гуломовнинг «Хоразмнинг сугорилиш тарихи» деган китобининг 1959 йил, 186-бетига қаралим.

⁶ Маҳмуд Қошғарий, Девону луготит турк, III том, 1962, 166-бет.

⁷ А. Н. Бернштам, Уйғурларнинг қадимий ва ўрта асрлар тарихи ҳақидаги очерклар, Олмаота, 1951, 187-бет.

⁸ М. Н. Кречетова, Резной камень Китая, JL, 1960, стр. 6.

⁹ А. Е. Ферсман, Очерки по истории камня, т. I, М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 249.

¹⁰ Ш. Менон, Древней тропею, М., 1958, стр. 114.

¹¹ Абу Райҳон Беруний. Танланган асарлар, II том, Тошкент, 1965, 103-бет.

¹² Фэн Цзя-Шен, Чен Су-Лю, Вэйур Цзу шияло Цзянь бянь (Уйғурлар тарихи ҳақида қисқача очерклар), II қисм, Пекин, 1958, 94-бет.

¹³ К. Реттер, Восточный или Китайский Туркестан, перевод, дополнение и примечание В. В. Григорьева, вып. I, СПб., 1869, стр. 373.

¹⁴ Абу Райҳон Беруний. Избранные произведения, т. IV, Тошкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1973, стр. 880.

¹⁵ Маҳмуд Қошғарий. Девону луготит турк, III том, Тошкент, 1962, 166-бет.

якка қурашган ва олишганда, қурашларда галаба қозониш учун ўзининг қиличи, эгар ва камарларчи ана шу тошлар билан безаганлар. Кейин бу одатни бошқа турк халқлари ҳам давом эттириб ундан узук кўзларини ва пичоқ дасталарини безаш учун ишлатганлар»¹⁶.

Арман тилида ёзилган: «Қиммат баҳоли тошлар» — деган китобни рус тилига изоҳлар билан таржима қилган К. П. Потконов қош тошнинг шифобахлиқ ҳосияти ҳақида тўхталиб, «у юраги ўйнайдиган одамлар учун жуда шифоликдир»¹⁷ — деб ёзса, академик А. Е. Ферсман: «Қош тоши буйрак касаллиги ва чақмоқ зарбасидан сақлайдиган кучлик тилсимдир»¹⁸, — деб ёзади.

Қош тошини қадимдан мумиё ўрнида ҳам ишлатиб келинган, агар ушбу тош киши жасадига қўшиб кўмилса, у ҳолда жасад зинҳор чиримайди ва унинг ҳосияти катта бўлади, деб биланар эди.

1968 йил Хитойнинг Хабэй ўлкасида олиб борилган археологик қазиниша натижасида милоддан аввалги биринчи асрда кўмилган подшо ва унинг аёлининг жасади топилган. Бу жасадлар юпқа қош тошларни бир-бирга тилла иплар билан чаতিб совутга ўхшатиб тикилган кафанликка ўралган бўлиб, ҳар бир кафанлик учун икки мингдан кўп майда қош тошлари ишлатилган¹⁹.

Машҳур рус саёҳи Н. М. Пржевальский қош тош ҳақида тўхталиб: «Хитойлар нефритни «юй» ёки «юйши», туркистонликлар «қош» ёки «қош тош» деб атайдилар, унинг уч хил нави бор: яшил қош, оқ қош ва сариқ қош. Энг қиммати учинчисдир. Бу тошдан ҳар турли нарсалар (нос идиш, зирак, лаганча, пиёла, қути, халқа ва бош-қалар) ясайдилар. Ундан ясалган билак узук ўлган одамнинг қўлига тақилса жасад чиримайди деб ишондилар, бой уйғурлар бу тошдан ёстиқча ясаб, қабр ичига қўядилар, унинг ҳикмати катта бўлармиш»²⁰.

Ўрта Осиё халқлари билан Шарқий Туркистон халқлари ўртасидаги ўзаро иқтисодий ва маданий алоқалар тарихи жуда қадимга бориб тақалади, шунинг учун ҳам Хўтан қош тошларидан ишланган идиш товоқ ва турли зийнат буюмлари Ўрта Осиёнинг турли жойларида олиб борилган археологик қазилмалар натижасида топилгани бежиз эмас. Ўрта Осиё халқлари ҳам бу қиммат баҳо тошни Хўтан ва Қошғарлардан келтириб маҳит ва мадраса, хонлар мақбараларини безаш учун ишлатиб келганлар.

Абдураззоқ Самарқандий ўзининг «Матлаи саъдаин ва мажмаи баҳраин» деган асариде Темурийлар авлодидан буюк астроном ва Самарқанд ҳокими Мирзо Улуғбек милодимизнинг 1425 йили Мўғлистонга қилган юришидан кейин қош тошларини арава ёрдами билан дорулсалтана Самарқандга етказиш учун икки минг чаптаст кишини шу мавзеда қолдирди²¹ — деб ёзади. В. В. Бартольд ҳам буни тасдиқлаб: Самарқанддаги Гур-Амир мақбараси устига қўйилган қош тошни Улуғбек Ўрта Осиё орқали 1425 йилда юлдузгача²² қилган ажойиб сафаридан кейин олиб келган эди²³, — деб ёзади.

Кейинги даврларда бу хилдаги қош тошлар Ўрта Осиёда биринчи бўлиб Ўзбекистон ССР Фанлар академияси Х. Абдуллаев номидаги геология ва геофизика институтининг олимлари томонидан топилга бошланди.

Геология-минералогия фанлар кандидати М. Мансуров ўзи кашф этган «Королёво» полиметалл конини (Шимолий Тожикистонда) синчиклаб текшираётки, оч-яшил рангли ярим шаффоф тошга дуч келди. Олинган намуналар микроскопик, рентгенографик ва кимёвий йўл билан пухта ўрганилди, натижада бу чиройли тош тремолит минералидан ташкил топган нефрит тоши эканлиги аниқланган²⁴.

«Королёво» конида топилган нефрит тоши ҳозирча Ўрта Осиёда ягона бўлиб, зўр эътиборга сазовордир. Олимлар Ўрта Осиёнинг бошқа жойларида, шу жумладан Қурама тоғларида ҳали топилмаган нефрит конлари бўлиши керак деб тахмин қилмоқдалар. Ўрта Осиё тоғларида нефрит конларининг топилиши қадимий ва навқирон Ўрта Осиё тоштарошлиқ санъатининг ривожланишида, гўзал ва нафис санъат буюмларини ёритишда, замонавий ва кошнокор меъморчилик санъатимизнинг ривожланишида муҳим аҳамиятга эгадир.

И. Тўхтеев

¹⁶ Абу Райҳон Беруний. Минералогия, М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 184.

¹⁷ ВБОРАО, т. XVII, СПб., 1874, стр. 35.

¹⁸ А. Е. Ферсман. Очерки по истории камня, т. I, М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 255.

¹⁹ Журн. «Курьер», ЮНЕСКО, 1972, № 12, стр. 12.

²⁰ Н. М. Пржевальский, От Кяхты на истоки Желтой реки, М., 1948, стр. 304.

²¹ Абдураззоқ Самарқандий. Матлаи саъдаин ва мажмаи баҳраин. Тошкент, 1969, 336-бет.

²² Юлдуз—Или дарёсининг бошланиш жойидаги Тянь-Шань тоғлари ичига жойлашган катта яйлов.

²³ В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. 2, стр. 453.

²⁴ «Совет Ўзбекистони» газетаси, 13 январь 1973 йил.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НОВАЯ КНИГА О ПРОБЛЕМАХ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ

За последнее время появился ряд новых интересных научных трудов, посвященных проблемам управления народным хозяйством. К их числу относится и монография С. Н. Досымбекова «Проблемы государственного управления промышленностью в союзной республике»¹.

В книге освещается широкий круг теоретических и практических вопросов организации государственного руководства важнейшей отраслью народного хозяйства — промышленностью. Исследование начинается с рассмотрения столь важного теоретического вопроса, как соотношение компетенции Союза ССР и союзной республики в осуществлении государственного управления промышленностью в условиях советской федерации. Много внимания уделяется анализу принципов, лежащих в основе распределения и перераспределения компетенции между государственными органами Союза ССР и союзной республики. При этом автор выдвигает такие принципы, как учет условий развития общественного производства, особенно характера современной научно-технической революции (стр. 36), учет качественной и количественной характеристик тех или иных отраслей промышленности (стр. 39).

Нет сомнения в том, что учет условий и времени развития производства, особенностей современной научно-технической революции имеет большое значение в распределении и перераспределении компетенции по руководству и управлению промышленностью между союзными и союзно-республиканскими органами. Однако приведенные в книге аргументы недостаточны убедительны. Например, с 1957 по 1965 г. и с 1965 г. по настоящее время произошли некоторые изменения в подчиненности отдельных отраслей промышленности (машиностроительная, нефтяная, химическая и др.), на что и ссылается автор, но объективные условия их развития в основе своей почти не изменились. Другое дело, что советы народного хозяйства с их чрезмерной децентрализацией не оправдали себя. Поэтому, как нам представляется, названным автором принцип нуждается в более углубленной и развернутой аргументации.

Что касается принципа учета качественной и количественной характеристики тех или иных отраслей промышленности, то, на наш взгляд, это скорее — основание для разграничения одной отрасли промышленности от другой, нежели принцип распределения и перераспределения компетенции в отраслях союзной или союзно-республиканской промышленности. Скажем, в 1957—1965 гг. машиностроительная, химическая, нефтяная и другие отрасли промышленности относились к союзным, а затем — к союзно-республиканским, ныне руководство названными отраслями промышленности вновь составляет область управления союзных органов. Разве все эти реорганизации исходили из учета качественной и количественной характеристики указанных отраслей? И так ли существенно менялись показатели развития их в рассматриваемый период?

Видимо, вопрос об основаниях отнесения отраслей промышленности к союзному или союзно-республиканскому подчинению требует более углубленного исследования, причем не последнюю роль должно играть изучение опыта работы предприятий союзного и союзно-республиканского подчинения и эффективности применения законодательства по управлению промышленностью на различных этапах строительства социализма и коммунизма.

В книге относительно полно освещены конкретные формы участия союзной республики в руководстве общесоюзной промышленностью. Заслуживает внимания тезис автора о том, что участие союзной республики в управлении промышленностью союзного подчинения должно находиться в пределах, не наносящих ущерба принципам централизации, проведению в жизнь единой общегосударственной научно-технической политики.

¹ С. Н. Досымбеков. Проблемы государственного управления промышленностью в союзной республике, М., Изд-во «Наука», 1974, 466 стр.

С. Н. Досымбеков по существу поддерживает и развивает имеющиеся в литературе положения о том, что руководство и управление промышленными предприятиями, отнесенными к непосредственному ведению республиканских органов, фактически составляют совместную компетенцию союзных и республиканских органов и что участие союзных органов в управлении республиканской и местной промышленностью — не эпизодическое явление, а устойчивая закономерность, присущая нашему Союзному государству. Союзные органы, прежде всего Совет Министров СССР, определяют главные направления и пути развития республиканской и местной промышленности с учетом особенностей союзных республик и интересов их населения, принимают меры к созданию благоприятных условий для проявления местной инициативы.

Разделы книги, посвященные системе органов союзной республики, осуществляющих государственное управление промышленностью, и показу их практической деятельности, насыщены богатым нормативным и фактическим материалом, содержат ряд заслуживающих внимания предложений и рекомендаций. К их числу можно отнести соображения автора о повышении роли представительных органов государственной власти в руководстве экономикой, прежде всего промышленностью, о совершенствовании практики государственного планирования развития промышленности; о рациональном распределении обязанностей между заместителями министра; о повышении роли коллегии министерств и расширении их состава за счет включения представителей общественных организаций, научных учреждений и т. д.; о совершенствовании внутренней структуры аппарата промышленных министерств в новых условиях и др. Эти и многие другие предложения касаются не только Казахской ССР, но в равной мере почти всех союзных республик.

В рецензируемой монографии, на наш взгляд, имеются недостатки и спорные положения. Автор не всегда дает должную оценку работам своих предшественников, в частности не показывает того положительного, что было сделано ими в исследуемой области, хотя в своей работе он, бесспорно, опирается на их достижения.

Искусственным представляется деление автором понятия государственного управления на государственно-правовой и административно-правовой аспекты. Вряд ли можно согласиться с положением о том, что «тенденции расширения прав союзных республик в хозяйственном строительстве, в том числе и в промышленности, носят постоянный характер» (стр. 52). Разумеется, есть определенные границы расширения прав союзных республик в любой сфере общественно-политической и хозяйственной жизни, обусловленные федеративным характером нашего государства.

Встречаются ошибки фактического порядка. Так, автор считает, что угольная промышленность находится в общесоюзном подчинении (стр. 38), хотя она является союзно-республиканской. Точно так же обстоит дело и с черной металлургией. Имеются и противоречивые суждения. В частности, С. Н. Досымбеков на стр. 404 критикует авторов книги «Управление промышленностью Казахской ССР» за то, что они относят производственные объединения (комбинаты, фирмы, тресты) к категории среднего звена управления. А на стр. 407—408 сам автор пишет, что «комбинаты — своеобразные хозяйственные органы, которые образуются обычно при необходимости иметь промежуточное звено между предприятиями и министерством». Явное противоречие обнаруживается и в следующих суждениях автора: «Функция управления выполняется не только директором предприятия, но в той или иной степени и другими должностными лицами, а также действующими от имени предприятия производственно-структурными подразделениями» (стр. 410). А на стр. 411 читаем: «Управление социалистическим промышленным предприятием осуществляет в первую очередь его директор на основе полного единоначалия... На директора возложена задача организации всей работы на предприятии, он несет полную ответственность за его состояние и деятельность». В отдельных местах оставляют желать лучшего редакция и стиль изложения.

Отмеченные недостатки и спорные положения объясняются главным образом сложностью и многоплановостью проблем, рассматриваемых в рецензируемой монографии. В целом же она заслуживает безусловно положительной оценки и займет достойное место среди исследований, посвященных проблемам государственного руководства промышленностью союзных республик.

А. Азгамходжаев, М. Хакимов, К. Назаров

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ-СЕМИНАР ДИРЕКТОРОВ
ИСТОРИЧЕСКИХ И КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ

24—26 июня 1975 г. в Ташкенте состоялось Всесоюзное совещание-семинар директоров исторических и краеведческих музеев по теме «Повышение уровня идеологической работы музеев».

Собравшиеся заслушали доклад начальника управления культпросветучреждений Министерства культуры СССР Л. А. Даниловой об актуальных вопросах работы советских музеев в свете решений XXIV съезда партии и подготовки к XXV съезду КПСС.

Большой интерес вызвали также сообщения заместителя Министра культуры Узбекской ССР А. Мухамедова — о работе музеев Узбекистана на современном этапе, представителя Министерства культуры Украинской ССР Ю. Кибальника и заведующего отделом Кутаисского историко-краеведческого музея Р. Джавахадзе — о повышении уровня научно-исследовательской работы в области истории советского общества в исторических музеях. Этой же теме было посвящено выступление заведующего отделом Музея истории народов Узбекистана АН УзССР Х. Садыкова.

С докладами и сообщениями выступили также заведующий сектором культурно-просветительной работы ЦК КПСС В. Н. Костецкий, директор Государственного Музея истории религии и атеизма г. Ленинграда В. Н. Шардаков, ст. н. с. Ташкентского филиала Центрального Музея В. И. Ленина С. В. Эльчибекова, директор мемориального дома-музея М. В. Фрунзе Х. Арыкбаева, ст. н. с. Научно-исследовательского института культуры (Москва) А. Червяков, директор Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны П. Ловецкий, директор мемориального музея 26 бакинских комиссаров (Красноводск) Р. Стрельникова, представитель Государственного музея Великой Октябрьской социалистической революции г. Ленинграда Л. Леонов, ответственный редактор Центрального информационного центра Государственной публичной библиотеки им. В. И. Ленина П. Полиновский и др.

Выступавшие затронули широкий круг актуальных проблем музейной работы на современном этапе, вытекающих из решений XXIV съезда партии, последующих Пленумов ЦК КПСС и других важнейших партийных и советских документов по идеологическим вопросам.

Особо подчеркивалась значимость научно-исследовательского начала в деятельности музеев. Это учитывают в своей работе и сотрудники музеев Узбекской ССР, в том числе Музея истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека АН УзССР. В этой связи на совещании была высказана, в частности, мысль о необходимости координации научно-исследовательской деятельности музеев Узбекистана на основе единого плана научных работ в тесном взаимодействии с главным штабом научной мысли республики — Академией наук УзССР.

Для участников семинара-совещания были организованы практические занятия на экспозициях Ташкентского филиала Центрального музея В. И. Ленина, Музея истории народов Узбекистана и Республиканского музея природы. В ходе занятий они ознакомились с постановкой музейного дела в Узбекистане, обменялись накопленным опытом работы. Во время экскурсий по Ташкенту они побывали в Государственном музее искусств, Музее литературы им. А. Навои и других достопримечательных местах столицы республики.

В заключение на совещании-семинаре был принят ряд конкретных рекомендаций по дальнейшему совершенствованию музейного дела в стране и намечен широкий круг мероприятий, направленных на достойную встречу XXV съезда КПСС.

Х. Садыков

О НОВЫХ ПОПОЛНЕНИЯХ РУКОПИСНОГО ФОНДА ИВ АН УЗССР

Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР ежегодно организует экспедиции по приобретению рукописных и литографированных сочинений. Кроме того, в Институте действует комиссия по закупке у частных лиц рукописей, литографированных книг и исторических документов. В 1974 г. рукописный фонд Института пополнился 324 новыми рукописями и литографиями. Многие из них были выявлены экспедициями по приобретению рукописных сочинений, побывавшими в Ферганской, Кашкардарьинской, Сурхандарьинской, Хорезмской областях и КК АССР.

Здесь мы кратко расскажем о приобретениях, сделанных в Хорезмской области и КК АССР авторами этих строк.

Члены экспедиции побывали в Нукусе, Ходжейли, Кунграде, Ургенче, Хиве, где, установив контакты с местными жителями, закупили 57 рукописных и 24 литографированных сочинения.

Наиболее интересные приобретения сделаны в Хиве. Особенно ценными для нас оказались отсутствовавшие в собрании ИВ АН УзССР рукописи: «Диван Мархама», «Хива асари атикалари», «Туйнаме» Мунис мираба», «Лаззат-и Ниса», «Тарих-и Хоразм», «Азадаме мукаддасиси», «Ходжастенаме», «Диван-и Исфакхани», а также 15 литографий — сборник стихов «Югурма» и 14 различных журналов и брошюр. Кроме того, приобретены такие сочинения, как «Гулшан-и Давлат», «Сахайфул ахбар», «Мустафадил ахбар», ранее представленные в собрании ИВ АН УзССР единственными экземплярами. Ниже дается краткая аннотация некоторых произведений.

«Диван Мархама», «Мархам», — видимо, литературный псевдоним поэта. Судя по палеографическим данным и содержанию некоторых стихов, он жил в правление бухарских ханов Субханкули (1680—1702) и Убайдуллы (1702—1711). Диван, составленный на персидско-таджикском языке, включает в себя лирические газели, рубай, мухаммасы и хронограммы. Заканчивается он жалобой поэта на свою судьбу. Диван состоит 166 л. форматом 12×19 см. В начале рукописи нет нескольких листов.

«Ходжастенаме» («Книга о благополучии»). Сочинение неизвестного автора, составленное, видимо, во второй половине XVII в. Оно посвящено событиям, происходившим в Индии в XVII в., во время правления Бабурида Шах-Джехана (1628—1657), а также связям Индии с Ираном и среднеазиатскими ханствами.

«Гулшан-и Давлат» («Цветник государства»). Произведение известного хорезмского историка и поэта Мухаммада Риза Агахи (1809—1874) посвящено событиям, происходившим в Хорезме во второй половине XIX в. В отличие от списка, уже имевшегося в собрании ИВ АН УзССР, наш экземпляр оказался полнее и оформлен уваном хорезмских мастеров; текст обрамлен золотыми и синими линиями. Рукопись состоит из 181 листа форматом 17×27 см.

«Хоразм тарихи материаллари» («Материалы по истории Хорезма»). В начале рукописи (лл. 1—68) помещено сочинение Хасана б. Мухаммада Амина «Азадаме» («Освобождение рабов»). Здесь рассказывается о происхождении рабов и рабьне, рынках невольников и ценах на них, о восстаниях рабов, их освобождении и возвращении в родные места. Автор отмечает, что освобождение рабов произошло после заключения российско-хивинского соглашения 18 августа 1873 г., и приводит 17 пунктов соглашения об освобождении невольников и невольниц.

Приводимые в рукописи материалы содержат ценные сведения, касающиеся ремесленного производства в Хиве и положения среднеазиатских ханств в колониальный период. Рукопись представляет немаловажный источник по истории Средней Азии, в том числе Хорезма. Объем ее — 175 листов форматом 14×15 см.

«Югурма» («Собрание стихов»). Литография, изданная в 1923 г. в Хиве Муллои Бекджан Рахман-оглы, включает стихи 14 прогрессивных хивинских поэтов: Муллои Инаятуллы, Мухаммада Юсуфбека, Аваза Отар-оглы, Аджица, Мутриба и т. д. Это ценный источник по истории литературы и книгопечатания в Хорезме.

Опыт, накопленный экспедициями по приобретению восточных рукописей и литографий, показывает, что для успешной работы их необходимы длительный и кропотливый труд, умение устанавливать личные контакты с людьми, тесные связи с местной интеллигенцией.

В заключение хочется выразить нашу благодарность жителю Ургенча Б. Давлетову, доценту Ургенчского педагогического института А. Сабирову, хивинскому старшине Сафарзаде, директору хивинской средней школы им. Хамзы К. Мадррахимову, директору Хивинского исторического музея Т. Юсупову, ст. н. с. КК ФАН УзССР М. Тиламуратову, бригадиру Кунградского садоводско-овощеводческого совхоза Алимджану Махдуму, рабочему того же совхоза К. Пальванову, пенсионеру Ю. Балтабаеву и другим товарищам, любезно содействовавшим нам в приобретении ряда редких рукописей и литографий.

А. Джалилов, У. Каримов, У. Хамраев

КОНСТАНТИН КУЗЬМИЧ ЮДАХИН (1890—1975)

22 февраля 1975 г. скончался старейший ученый-филолог Средней Азии, выдающийся знаток тюркских языков Константин Кузьмич Юдахин, с именем и деятельностью которого связаны многие важные страницы становления и развития советского языковедения.

К. К. Юдахин родился 31 мая 1890 г. в Орске, в семье крестьянина. В последующие годы его отец работал старостой почтовой станции Аулие-Ата, обслуживавшей территорию, заселенную казахами, киргизами, узбеками, в постоянном общении с которыми К. К. Юдахин с детских лет стал овладевать языками народов Средней Азии и Казахстана.

По окончании приходской школы, а затем городского училища в Аулие-Ате К. К. Юдахин поступил в Туркестанскую учительскую семинарию (Ташкент), которую окончил в 1910 г. со званием народного учителя.

В 1910—1915 гг. заведовал русско-туземными училищами в кишлаках Манкент и Карабулак Чимкентского уезда (преимущественно с узбекским населением), где он вел также преподавательскую работу. К этому времени относится и зарождение научных интересов К. К. Юдахина. Он приступает к собиранию ранее не известного материала по диалектным особенностям языка манкентских и карабулакских узбеков.

В 1914—1920 гг. К. К. Юдахин работал в Синьзяне, где в совершенстве овладел уйгурским языком и его говорами.

В 1921 г. Константин Кузьмич поступил в Туркестанский Восточный институт (в последующем — восточный факультет Ташкентского университета) и окончил его сразу по двум разрядам: тюркской и иранской филологии. Дипломная работа К. К. Юдахина о карабулакском говоре, как образце североузбекских говоров, получила высокую оценку выдающегося языковеда Е. Д. Поливанова.

В 1920—1921 гг. К. К. Юдахин принимал участие в работах научно-педагогической комиссии Государственного Ученого совета Туркестанской АССР и, будучи научным сотрудником ГУСа, собрал на основе библиотечного учета и опросных данных сведения об учебниках, «употреблявшихся до революции в новометодных мактабах и русско-туземных училищах», и учебниках первых послеоктябрьских лет в Туркестане.

По окончании Института К. К. Юдахин проходил специальную подготовку к научно-исследовательской деятельности в Ленинградском государственном университете, где его руководителем был С. Е. Малов. Одновременно он вел преподавательскую работу в высших учебных заведениях Ленинграда, обучая студентов узбекскому, казахскому, киргизскому и уйгурскому языкам. В эти годы Константин Кузьмич был ученым секретарем возглавлявшегося акад. В. В. Бартольдом Тюркологического кабинета, активным членом Радловского кружка и др. Его научная деятельность, прежде всего в сфере изучения узбекских диалектов, получает самую положительную оценку виднейших востоковедов (В. В. Бартольд, С. Е. Малов, А. Н. Самойлович и др.).

В 1932—1944 гг. К. К. Юдахин заведует кафедрой уйгурского языка в Институте востоковедения (занимая с 1940 г. должность профессора кафедры).

В 1944 г. правительством Киргизской ССР пригласило К. К. Юдахина на постоянную работу в г. Фрунзе, где он с некоторыми перерывами жил и работал до последних дней (заведующий сектором киргизского языка Института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР, профессор-консультант Киргизского государственного университета по кафедре киргизского языка). Некоторое время был профессором кафедры узбекского языка Ферганского государственного педагогического института.

В 1949 г. ему без защиты диссертации была присуждена ученая степень доктора филологических наук. В 1952 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук Узбекской ССР, в 1954 г. — действительным членом (академиком) Академии наук Киргизской ССР. В 1947—1955 гг. избирался депутатом Верховного Совета Киргизской ССР.

Сфера научных интересов К. К. Юдахина при всей ее широте и разнообразии в основном охватывает изыскания по лексикографии и лексикологии, диалектологии и истории узбекского, киргизского и уйгурского языков.

Составленный им в 1927 г. словарь современного узбекского литературного языка лег в основу всех узбекско-русских словарей, изданных до настоящего времени.

Мировую известность и признание получил изданный К. К. Юдахиним в 1940 г. киргизско-русский словарь — первый в истории киргизского языка капитальный лексикографический труд.

Заметное место в научных трудах К. К. Юдахина занимают исследования по диалектологии узбекского языка, классификации узбекских говоров (карабулакского, вуадильского, манкентского и др.). Его работы ценны и тем, что в них уделяется много внимания узбекско-киргизским, уйгуро-узбекским, узбекско-таджикским и другим языковым связям.

Далеко не чужд К. К. Юдахин и изучению фольклора народов Средней Азии в его многообразных жанрах.

Исключительно велики заслуги Константина Кузьмича в области языкового строительства. Он был деятельным участником разработки графики и орфографии тюркоязычных народов Средней Азии.

Его ученики представлены целой плеядой языковедов, прежде всего из среды коренного населения Средней Азии.

В честь К. К. Юдахина и ко дню его 75-летия (1966) в Ташкенте был издан сборник «Вопросы тюркологии», подготовленный Сектором узбекской диалектологии Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР.

К. К. Юдахин был награжден орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», многочисленными Почетными грамотами и др.

Светлая память о Константине Кузьмиче Юдахине — видном советском ученом, воспитателе нескольких поколений языковедов — навсегда сохранится в наших сердцах.

А. С. Садыков, С. Х. Сираждинов, С. И. Рыжов, М. К. Нурмухамедов, Г. А. Абдурахманов, Ф. А. Абдуллаев, С. А. Азимджанова, М. А. Ахунова, Я. Г. Гулямов, К. Е. Житов, М. Кошчанов, Б. В. Лукин, В. В. Решетов, Х. С. Сулейманов, И. А. Султанов, Э. И. Фазылов, Ш. Ш. Шаабдурахманов и др.

АРСЕН МИХАЙЛОВИЧ АЙРУМОВ (1907—1975)

22 июля 1975 г. скончался заслуженный деятель науки Узбекской ССР, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономического анализа хозяйственной деятельности Ташкентского института народного хозяйства Арсен Михайлович Айрумов.

А. М. Айрумов родился в 1907 г. в г. Горисе Армянской ССР. До 1920 г. был рабочим, затем служащим. В 1935 г. окончил Самаркандский вечерний рабочий университет, а в 1939 г. — Ташкентский финансово-экономический институт и был оставлен в институте для научно-педагогической работы.

А. М. Айрумов служил в рядах Советской Армии, участвовал в Великой Отечественной войне. После демобилизации продолжал работу в институте. Был деканом учетно-экономического факультета, проректором института по учебной работе. С 1955 г. заведовал кафедрой экономического анализа хозяйственной деятельности.

За годы работы в высшей школе Арсен Михайлович внес большой вклад в подготовку специалистов для народного хозяйства и научно-педагогических кадров. Под его научным руководством защищено 18 кандидатских диссертаций.

А. М. Айрумов написал свыше 100 научных работ, в том числе несколько крупных монографий. Его докторская диссертация и ряд других монографий, учебных пособий посвящены проблемам развития истории, теории и практики экономического анализа хозяйственной деятельности.

Член КПСС с 1940 г. А. М. Айрумов вел значительную общественную работу как член республиканского общества «Знание», методического Совета Министерства высшего и среднего специального образования УзССР, поддерживал тесную связь с предприятиями республики.

Память о А. М. Айрумове — талантливом исследователе, прекрасном педагоге и замечательном человеке — навсегда сохранится в сердцах всех, знавших его.

Группа товарищей:

МУНДАРИЖА

М. Қ. Нурмухамедов. Адабий мерос ва идеологик кураш	3
Р. Ҳ. Аминова, Р. Г. Рабич. Совет Ўзбекистонининг индустриал ривожланиши тўғрисидаги буржуа фальсификациясига қарши	15
М. Р. Соҳибоева. Ишлаб чиқариш корхоналарини ривожлантиришдаги янгилик	21
А. Сиддиқов. Колхозларнинг соф даромадини аниқлаш усулини такомиллаштиришга доир	30

Форобийнинг 1100 йиллиги

М. М. Хайруллаев. Абу Наср Форобийнинг илмий мероси ҳақида	35
Р. Н. Носиров. Форобий ақлининг активлиги ҳақида	51

Илмий ахборот

М. Эргашев. Саноатни техник жиҳатдан қайта жиҳозлаш ва мутахассислаштириш эффективлиги ҳақида (Ўзбекистон ССР трикотаж саноати мисолида)	58
Б. М. Филатов. Меҳнат унумдорлиги ва иш ҳақининг ўсиш нисбати проблемаларига оид	60
А. Г. Рустамов. Меҳнатдаги маҳорат ва меҳнаткашларнинг ишлаб чиқариш активлиги ҳақида	62
М. Авалов. Социализмнинг тўла ва узил-кесил ғалабаси даврида Бухоро ишчилари ижодий активлигининг ўсиши	65
С. Шокирова. Гражданилар уруши йилларида ТАССР да ҳунармандчилик саноатига ўтиш	67
И. Тўхтиев. Хўтан қош тошидан фойдаланиш тарихига доир	70

Танқид ва тақриз

А. Аъзамхўжаев, М. Ҳакимов, К. Назаров. Саноатни давлат йўли билан бошқариш проблемасига оид янги китоб	73
---	----

Илмий ҳаёт хроникаси

Х. Содиқов. Тарих ва ўлкашунослик музейлари директорларининг умумиттифоқ семинар-кенгаши	75
А. Жалолов, У. Каримов, У. Ҳамроев. ЎзССР ФА ШИ қўлёзмалар фондидининг янги қўлёзмалар билан тўлдирилиши ҳақида	76
<u>Константин Кузьмич Юлахин (1890—1975)</u>	77
<u>Арсен Михайлович Айрумов (1907—1975)</u>	79

СОДЕРЖАНИЕ

М. К. Нурмухамедов. Литературное наследство и идеологическая борьба.	3
Р. Х. Аминова, Р. Г. Рабич. Против буржуазной фальсификации индустриального развития Советского Узбекистана	15
М. Р. Сахибаева. Новое в управлении производственным предприятием	21
А. Сьддиков. К совершенствованию методики определения чистого дохода колхозов	30

К 1100-летию Фараби

М. М. Хайруллаев. О научном наследии Абу Назира Фараби	35
Р. Н. Насыров. Фараби об активности разума	51

Научные сообщения

М. Эргашев. Об эффективности специализации и технического перевооружения промышленности (На примере трикотажной промышленности УзССР).	58
Б. М. Филатов. К проблеме соотношения роста производительности труда и заработной платы рабочих	60
А. Г. Рустамов. О мастерстве в труде и производственной активности трудящихся	62
М. Авалов. Рост творческой активности рабочих Бухары в период борьбы за полную и окончательную победу социализма	65
С. Шакирова. Кооперирование кустарно-ремесленного производства в ТАССР в годы гражданской войны	67
И. Тухтiev. К истории использования хотанского нефрита	70

Критика и библиография

А. Агзамходжаев, М. Хакимов, К. Назаров. Новая книга о проблемах государственного управления промышленностью	73
--	----

Хроника научной жизни

Х. Садыков. Всесоюзное совещание-семинар директоров исторических и краеведческих музеев	75
А. Джалилов, У. Каримов, У. Хамраев. О цолах почтовых рукописного фонда ИВЗ АН УзССР	76
<u>Константин Кузьмич Юдахин (1890—1975)</u>	77
<u>Арсен Михайлович Айрумов (1907—1975)</u>	79

Цена 40 к.

Индекс
75349